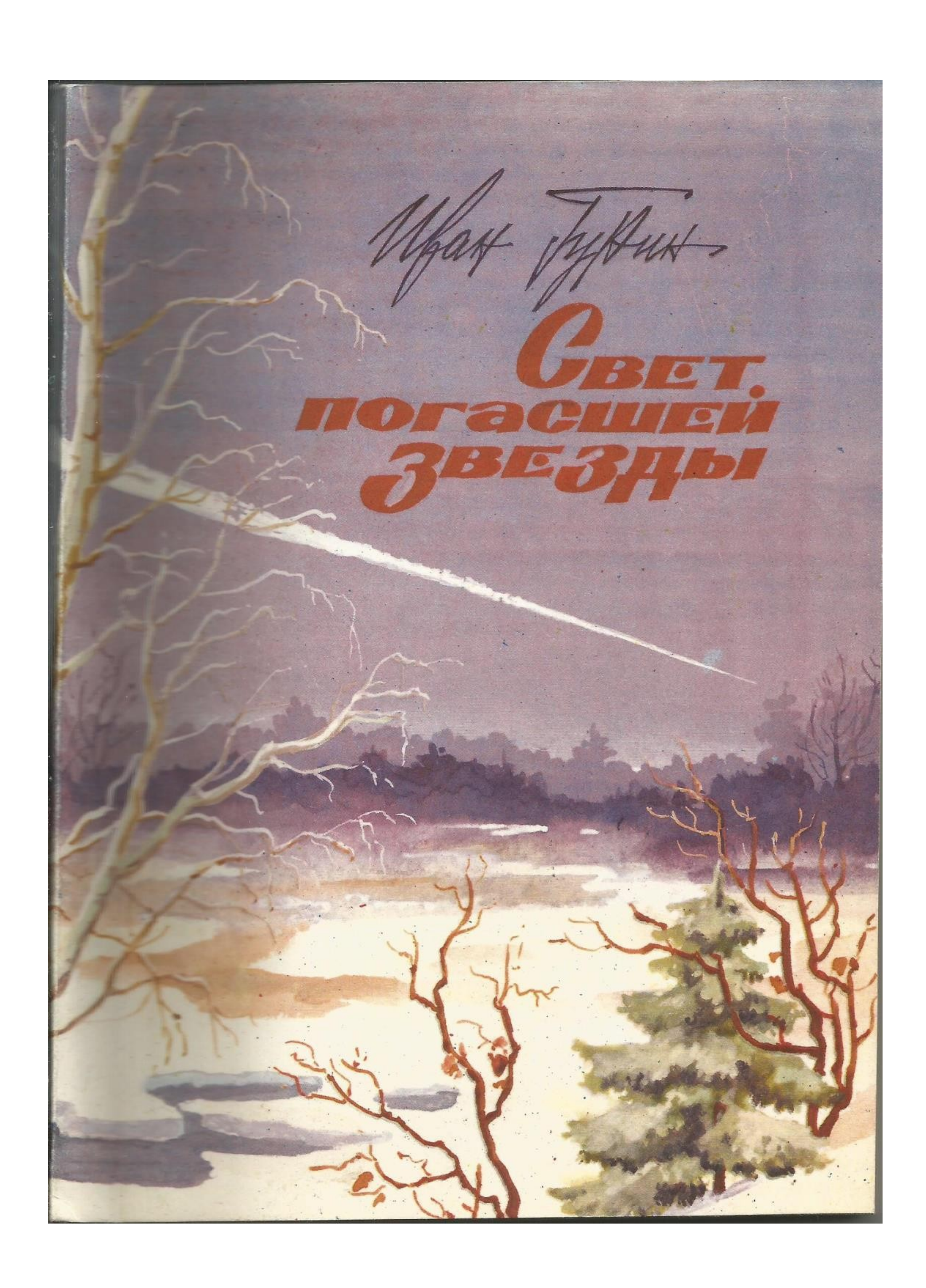

Иван Гурин
Свет погасшей звезды

В основу повести легли события, связанные с боевыми действиями летчика-штурмовика С.Красноперова и его фронтовых друзей. Имя Сергея Красноперова мало известно в России, тогда как он, принимая участие в самых горячих сражениях под Сталинградом, на Северном Кавказе, в Белоруссии, был одним из выдающихся летчиков штурмовой авиации. Его летное мастерство, высокую результативность атак с неба отмечали такие полководцы, как А.Новиков, К.Вершинин, И.Петров.
Появлению этой повести способствовали раскопки, сделанные в Белоруссии, когда с глубины четырех метров откопали самолет С.Красноперова сбитого почти 30 лет назад во время операции "Багратион". Благодаря дальнейшей кропотливой поисковой работе, стала известна судьба Героя Советского Союза Сергея Леонидовича Красноперова, которого считали без вести пропавшим.
Книга рассчитана на широкий круг читателей, патриотов России.

Заоблачный "пастух".

Сергей "пас" конницу под Сталинградом. Дали же ему, выпускнику Балашовской авиашколы, и еще нескольким необстрелянным, совсем юным летчикам непредвиденное задание: поддерживать с воздуха на штурмовиках ИЛ-2 рейды Кубанского кавалерийского корпуса. Корпусом командовал генерал-лейтенант Кириченко, лихой казак, сам водивший бойцов в атаку. Вылетая всякий раз на "пастьбу" конницы, Сергей нервничал: как бы не опростоволоситься. На днях, мазила, два снаряда пустил мимо танка, мчавшегося на казаков. Завалил бомбой лишь с третьего захода. Вчера чуть "мессера" не прохлопал. "Бьешь точно, а неба не видишь," - вспомнились упреки инструктора в "учебке". Мало, знать, шпынял. И точность, пожалуй, исчезла. Сегодня комэск Григорьев, виртуоз штурмовки, знающий цену каждому летчику,впервые выпустил его на свободную охоту. Он,Сергей, ведущий. В паре с ним летит Костя Сергеев, парень резвый, настырный - высмотрит цель и не отцепится, пока не уничтожит. Охотиться с таким летчиком - милое дело. Жаль, если вернутся без "трофеев" ...
Война застала его, Сергея Красноперова, в Балашовской авиашколе.Грозовое известие опалило сердце. Дома больше года не был, и на побывку к родителям теперь едва ли отпустят. И к Любаше в Сарапул не заглянуть. Весной сорок первого, после досрочного окончания Сарапульского кооперативного техникума, Люба провожала его в Балашов. Поезд увозил Сергея с такими же, как он, аэроклубовцами в большую жизнь авиации, которой грезило целое поколение. На станции, прощаясь, обнял девушку, жарко почувствовав упругие груди, затаившиеся под белой кофточкой. Поцеловав Любашу в губы, вскочил в вагон и крикнул: "Мы скоро увидимся, Люба!" Не загадывать бы... Война невидимым барьером отгородила его от прежней жизни, от простых житейских нужд. "Мама, - сообщал он совсем недавно в письме, мы с вами никак не можем договориться о личных моих вещах. Теперь я уже сам твердо решил, что с ними делать. В воскресенье носил на рынок костюм и желтые полуботинки. За костюм хотел взять 2000 рублей, но мне давали только 1100, и я не отдал, а ботинки продал за 200 рублей. Костюм и пальто вышлю вам. Костюм можете продержать до осени и променять на хлеб... Высылаю вам 150 рублей..." В ответном письме отец с одобрением отметил, что он, Сергей, стал самостоятельным и принимает верные решения.
Война... Он лишь сейчас в полной мере осознал, насколько счастливой, богатой на впечатления была пора юности. Отца,Леонида Никитича, перебрасывали с одного места работы на другое: создавал сельхозартели в Предуралье, строил Рябковский льнозавод, был председателем Ермиевского сельсовета. Помнится, как из Ермии переезжали в Чернушку, где отца назначили секретарем райисполкома. Он, Сергей, уже хорошо ориентировался в поселке - учился здесь в третьем, четвертом и почти полгода в пятом классах. Рядом с их домом - контора райпотребсоюза, напротив - стадион,

поодаль - клуб. Подводу со скарбом разгрузили быстро. Отец уехал распрягать лошадь, наказав ему, Сергею, растопить печку. Во дворе, однако, не оказалось дров, обнаружил лишь кучу горбыля, обрывки погнивших досок да половину жерди. Нарубив старья, затопил печку и принялся помогать матери расставлять нехитрую мебель: стол, кровать, книжный шкаф. Начитавшись о полетах Водопьянова на Северный полюс, Сергей сравнивал свою жизнь в заснеженной Чернушке с бытованием зимовщиков на льдине. Его не удручали ни походы с санками за хворостом по глубокому снегу в согру, раскинувшуюся у реки Стреж, ни холод, ни голод. Романтик, он жил иной жизнью, чем братья и сверстники, вовлекал ребят в необычные игры. Забрасывал их на белоснежную "льдину" дальнего огорода, водружал на длинном шесте флаг и оставлял "зимовщиков" на Северном полюсе. А затем, раскинув руки-крылья, усердно гудя, летел к ним, как самолет и кружил, кружил вблизи. Наконец, приземлялся и всех поочередно снимал со "льдины" доставляя во двор.

Мечту - стать летчиком - сам того не ведая, помог осуществить отец, намеревавшийся сделать из него ... бухгалтера. Он надумал послать сына, работавшего после семилетки счетоводом в заготконторе, в Сарапульский кооперативный техникум. Не обидится ли? Парень грезит авацией, спит и видит себя летчиком, а тут - учись костяшками стучать.

... Поздним июльским вечером Леонид Никитич, сидя на крылечке, поджидал сына с танцев. Со стороны стадиона, с танцплощадки, скрытой зеленью акаций, доносилась музыка. Вот музыка стихла, послышались приближающиеся оживленные голоса, девичьий смех, визг. Мария Белоглазова, соседская девчонка, процокала каблучками, неторопливо затворила за собой калитку. Сейчас и Сергей заявится. Он шустро влетел во двор, прыгнул на ступеньку крылечка, не видя в полутьме отца. Леонид Никитич, боясь быть сбитым, придержал сына, усадил рядом: "Поговорить надо..." Сергей, к удивлению отца, согласился с учебой в техникуме без препирательства. Не ведал Леонид Никитич, что перспектива оказаться в Сарапуле Сергея очень даже устраивала: жить в городе, где Михаил Водопьянов впервые поднялся в небо! В годы гражданской войны на сарапульском аэродроме базировался истребительный отряд Ивана Павлова. Сергей знал, как Водопьянов стал летчиком: и конюхом на аэродроме работал,и помощником шофера в дивизионе. Любую лямку тянул - быть бы поближе к крылатым машинам. "Буду и я на аэродром бегать, - смекнул Сергей, сидя рядом с отцом и глядя на звезды, которые, словно догадываясь о его потайных мыслях, хитровато подмигивали с высоты. - А если там нет теперь самолетов, попрошусь в авиацию, когда призовут в армию".

Он приехал в Сарапул в августе 1938 года. Бродя по городу, узнавал в облике улиц приметы, описанные Водопьяновым. Город, конечно, изменился. Совсем не тихий, понастроено немало новых каменных зданий. Базарная площадь, наверняка, все та же, но в помине нет женской гимназии. Впрочем, чем не женская гимназия их кооперативный техникум, то же девчоночье царство. А аэродром за Камой, у деревни Ершовки, и аэроклуб в городе - живые отзвуки юности Водопьянова.

Поселился Сергей в общежитии техникума в комнате N 6 с Анатолием Зиновьевым. Толька тоже из Чернушки, парень разбитной, охочий до бойких частушек, которые сам и сочинял:

Делай, Толька забастовку,
Бей у матери горшки
Не варила чтоб похлебку,
А пекла бы пирожки.

Сергей снисходительно относился к Зиновьеву: пускай поет - все веселее, и налетал на учебу, получая по всем предметам высокие оценки. В летном деле, считал, пригодятся любые знания. Однокурсница Люба Сикачева была на два года постарше его. Стал замечать ее пристальные, нежные взгляды. Как-то подошла на перемене: "Сережа, - спросила, откуда это название - Сарапул?" Объяснил: "Сара-пуль -желтая рыба. Стерлядь, короче, так с булгарского переводится". - "Ой, Сережа, - воскликнула, - ты, право,

ходячая энциклопедия!" - "Ну, скажешь тоже", - зарделся он. "Нет правда, - настаивала она на своем, - не отнекивайся, пожалуйста ".
В свободное от занятий время Сергей пропадал на аэродроме, точнее подле него, наблюдая за полетами планеров, самолетов, за прыжками парашютистов. По натуре застенчивый, он не решался разыскать аэродромное начальство и попроситься в летчики. Засмеют, чего доброго, скажут, подрасти сначала. К счастью, в техникум заглянул офицер из горвоенкомата. Представившись, сказал: "Красному флоту нужны смельчаки, первая ступенька - аэроклуб. Кто желает...   " - "Я", - нетерпеливо выкрикнул Сергей, не дав офицеру договорить. "Фамилия?" - "Красноперов". - "Да у тебя и фамилия-то краснокрылая, - улыбнулся офицер. - Кто еше?"

С курса в аэроклуб записалась дюжина ребят. Но не Зиновьев. В общежитии он признался: "Страшно в небе, кувыркнешься ненароком. - "Ненароком и на земле можно кувыркнуться", - усмехнулся Сергей.
Аэроклуб целиком увлек его. После занятий, наскоро поев, бежал слушать лекции об авиации; изучал материальную часть планеров, самолетов, учился складывать парашют. Брал, бывало, с собой в Ершовку Любу. Толька на зарождающуюся дружбу отреагировал по-своему. Однажды, когда Сергей вернулся с аэродрома утомленным и молча завалился в постель, Зиновьев озорно пропел:
Я люблю такое лето,
Когда ландыши цветут,
Я люблю такое имя.
Когда Любочкой зовут.
Сергей пропустил реплику. Зиновьев не сдавался:
Звезды по небу гуляют,
По небесной вышине
Не по росту девок любят,
А по ихней красоте.
Сергей рассмеялся. Люба и вправду красивая, стройная девушка. И прав Толька, чего там отнекиваться - влюбился он в нее.
Ах, как все это было давно! Теперь здесь, под Сталинградом, началась совсем иная, не принадлежащая ему жизнь, суровая, крутая, связанная с умением уничтожать врага. Еще до Сталинградского фронта Сергей рвался в грохочущее небо, Однако летную школу, наоборот, эвакуировали в тыл. Курсантов Балашовской авиашколы, словно неоперившихся птенцов, Родина-мать уводила подальше от опасности, чтобы затем, дав крепкие крылья, выпустить в самостоятельный полет. И этот момент наступил. Уезжая осенью 1942 года на фронт, Сергей написал в Сарапул записку: "Люба, еду на юг; следую по воздуху, скоро будет Астрахань, здесь и опущу письмо. Впечатлений много и есть чем поделиться, но все потом... потом... Жди адреса".
Он попал в 765-й штурмовой авиаполк 16-ой воздушной армии. Все бы ничего, но смущала роль "небесного пастуха" конницы, пусть даже боевой. Конники - гроза немецкой пехтуры - неудержимой лавой, строча из автоматов, несутся на врага. Врезавшись в него, добивают клинками. За эскадронами ведут настоящую охоту немецкие танки и самолеты. Почти ежедневно приходится спасать казаков от артиллерии и бронемашин, подавлять замаскированные огневые точки противника на линии Громославка-Аксай-Уманцево. Напиши об этой пастьбе Любе - засмеет, пожалуй. Ничего героического. Может, сегодня на свободной охоте с Костей отличимся? Он пристально всматривался в степные просторы. Увидел рассыпавшуюся в разные стороны конницу. Опять встретилась, родная! Танков на ее пути нет, а она мечется, как угорелая. "Юнкерсы"! - мелькает догадка. И он не ошибается. На конницу прет шестерка немецких бомбардировщиков. Не теряя ни секунды, Сергей бросает свою машину наперерез "юнкерсам". Костя - за ним, выравнивает штурмовик по самолету Сергея. Теперь они летят крыло к крылу. Приблизились, выпустили реактивные снаряды, открыли пушечно-пулеметный огонь. Два вражеских самолета взорвались в воздухе, третий, клюнув носом, боком-боком заскользил к степи. Остальные, забыв о коннице, драпанули прочь.

Такой скорой расправы с "юнкерсами" Сергей не ожидал. Немецкие летчики, видно, увлеклись легкой добычей, зрелищностью предстоящего побоища и наказали себя. Иногда противник тоже не видит неба. Надо и на промахах врага учиться, знать его повадки, психологию.
Сергею давно приглянулся штурмовик ИЛ-2, названный "летающим танком". Немцы же окрестили бронированный самолет "черной смертью". Еще бы! Он имеет мощное стрелково-пушечное и бомбовое вооружение, реактивные снаряды. И всем этим мощным вооружением владеет сам летчик. Тем более, что сначала штурмовик был одноместный. Когда на самолете оборудовали еще одну кабину для воздушного стрелка, ИЛ-2 стал менее уязвимым в воздухе, особенно во время воздушного боя с истребителями противника. Штурмовик, может скользить над самой землей, сея на головы врага бомбы, ливень пуль. Точность поражения цели достигается при атаке с высоты, когда летчик бросает самолет в пике. Славная, славная машина!
Утром следующего дня Красноперова вызвали в штаб авиаполка. Затребовали срочно, с крыла сняли. "Зачем, гадал он,- не провинился вроде? А может, особое задание получу, хватит конников охранять".
В штабе рядом с командиром полка увидел высокое начальство из кавалерийского корпуса, самого генерал-лейтенанта Кириченко. "Эх, видно, опять заставят пасти конницу! А куда деться, придется, сторожить бедолаг".
- Младший лейтенант Красноперов прибыл по вашему приказанию!
- Любуйтесь, ваш спаситель, - комполка обратился к кавалеристам, - вчера в паре охотников он был ведущим.
Кириченко крепко обнял Сергея, поблагодарив за смелость, лихую отвагу, вручил именные часы.
- Держи, ангел-хранитель, - пошутил, - не забывай кавалеристов, смотри на нас свысока, но не зазнавайся.
- А чего зазнаваться ,- покраснел Сергей, боясь как бы Кириченко не прочел его мыслей о бренности воздушной "пастьбы", - у меня самого отец до войны был кавалеристом.
- Где он служил?
- В Белоруссии, Седьмой Самарской кавалерийской дивизии.
- Сейчас воюет?
- Погиб под Москвой.
Генерал снова обнял Сергея.
- Держись, сынок, отквитаем за все фашистам. За жизнь отца, слезы матери.
Батя, батя... Возвращаясь из штаба авиаполка, Сергей всецело отдался воспоминаниям, ярко представляя образы родителей: Леонида Никитича и Агапии Егоровны.
... Агапия Торхова, молоденькая крестьянка, прослышав о золотых руках портного Никиты Родионовича Красноперова, проживавшего в соседней деревне Покровке, надумала справить ситцевое платье. До Правого Бизяра, где она жила с родителями - Егором Гавриловичем и Ириной Кузьминичной, просочились вести, что некогда Красноперов жил в Вятской губернии, тянул баржи по Волге и Каме. Нужда и голод выжили артельщика с насиженного места. В поисках лучшей доли подался с женой Татьяной Митрофановной и сыновьями Леонидом, Григорием, Федором на Урал. Сыновья занимались землепашеством в хозяйстве отца. Леня, парень крепкого телосложения, отличался добрым характером, веселым нравом, умом-разумом, да и Гриша слыл скромным, отзывчивым человеком, трудягой; Федю природа наделила талантом художника. Сыновья дружно управлялись с хозяйством, а потому у Никиты Родионовича оставалось время на пошив шуб, кафтанов, портков из поскони. Ладно выходили и сатиновые рубахи, и ситцевые блузки и платья. Заказчики тянулись со всех окрестных деревень и даже из сел Башкирии. Захватив отрез ситца на платье, Аганя поспешила в Покровку. Шла лужками, перелесками, толоками; перепрыгивала через ручейки и кочки. Далеко окрест разносились ее звонкие песни. Даже в ожидании "приема" не переставала "мурлыкать".Снимая мерку с девушки, Никита Родионович приговаривал:

"Певунья, ай, певунья!" Записав углем цифирки на доске, попросил красавицу спеть задушевную песню. Аганя долго упрашивать не заставила. Отчего не спеть, ежели пение в усладу.

По Муромской дороге
Стояли три сосны,
Прощался со мной милый
До будущей весны...

Никита Родионович, дослушав песню, прослезился и, провожая певунью за ворота, хитровато произнес: "До скорого свидания, дочка".

Сшив платье, мастер приехал со сватами в Правый Бизяр. Зайдя в горницу, поклонился Егору Гавриловичу, Ирине Кузьминичне, Агане, всему большому семейству Торховых и, достав сверток, сказал: "Без выкупа дорогого не отдадим обнову". - "За ценой не постоим", - ответил Егор Гаврилович. С шутками-прибаутками, как водится, высватал Никита Родионович Аганю за сына Леонида.

Жениха Аганя увидела незадолго до свадьбы. Он скакал на лошади, пригнувшись к гриве. Лихо осадил подле нее коня, поздоровался. Веселый, улыбчивый парень пришелся по нраву. В карман за словом не лез. Стихи, чудак, всякие читал, не уступал в пении. На свадьбе Агане в шутку намекнули не отстать от матери, родившей семерых детей, на что бойко ответила: "Дело Божье, еще и обгоню". Сказала и стыдливо склонила голову к груди, не смея взглянуть на суженого...

Сергей невольно улыбнулся - так его родители соединили свои судьбы в одну. Отец с матерью нередко вспоминали о той поре молодости. Он у них родился 23 июля 1923 года в деревне Покровке Чернушинского района Пермской области. Отца вскоре призвали в армию, в кавалерию. Мама жила с ним, Сережей, у свекра Никиты Родионовича, надумавшего покинуть Покровку. Деда давно влекла соседняя деревня Михайловка - край благодатный, богатый покосами, буйными густыми травами в пойме реки Быстрый Танып. Деревню с обеих сторон ограничивали чистейшие речушки - Евдока и Лапейка. На угорах, в лесах - уйма грибов и ягод, особенно земляники, малины, ежевики. Ему, Сереже, и года не исполнилось, как дед перевез его с матерью в Михайловку. Сюда же в октябре 1925 года вернулся отец, отпущенный из армии в "долгосрочный отпуск". Оказалось, до сорок первого...

Батя погиб в феврале 1942 года. Ни одним письмом с начала войны не успели с ним обменяться. А о войне отец говорил задолго до нее. Однажды декламировал свое любимое стихотворение "Бородино", которое в семье почти все знали наизусть, и, оборвав на полуслове, сказал: "Придется, ребятки, чувствую, мне да кое-кому из вас с немцами повоевать. Испания вон сражается..."

Сергей читал про бои в Испании, интересовался боевыми действиями летчиков-интернационалистов, не ведая того, что скоро сам вместе с ними будет сражаться с фашистскими асами. Время имеет удивительную способность соединять судьбы людей в будущем, в событиях, о коих они не подозревают. Но то будущее, те грядущие события входят в судьбу человека не случайно, они определяются не столько временем, сколько теми обстоятельствами, которые сам человек выстраивает сообразно тому, как он чувствует время и эпоху.

Теперь из Красноперовых, кроме него, Сергея, на фронте воюют братья отца: Григорий и Федор. О дяде Грише он ничего не слышал, а дядя Федя, как узнал из письма матери, находится поблизости, в Сталинграде. Бедолага дядя Федя...

Брат отца Федор жил до войны в сибирском городе Черемхове. Нарисовал как-то портрет Сталина. Взыскательный мастер кисти, окончивший Ленинградскую академию художеств, признал портрет неудачным и выбросил на свалку. Художника же арестовали, и он в одночасье стал "врагом народа". Из Сибири Красноперова выслали в степи Бессарабии. Там и застала художника-зека война. Над заключенными нависла угроза окружения. Чудом получив бумагу о досрочном освобождении, Федор без документов, продовольствия и денег двинулся с беженцами на восток. Едва-едва добрался до Урала. В Черемхово,

боясь нового ареста, не вернулся, жил у родителей в деревне Михайловке.
На фронт Федор ушел вслед за братьями Гришей и Леонидом.
Под Сталинградом, куда попал Федор Никитич, сосредоточились крупные силы немцев. Чтобы обезопасить часть войск, предназначенных для захвата нефтяных районов Кавказа и перевалов Кавказского хребта, немецкое командование решило нанести отвлекающий удар на сталинградском направлении. Вскоре, однако, из вспомогательного оно превратилось в решающее направление борьбы на всем протяжении фронта, чего фашисты не ожидали.
Федор, воевавший в составе 62-й армии, находился на Мамаевом Кургане, напоминавшем земной микрошар, от взятия которого, казалось, зависел исход войны - с таким ожесточением дрались за него противоборствующие стороны. В военных сводках фигурировали географические понятия: западные, южные, северо-восточные скаты.
Очередную атаку фашистов наши отбили с крупными потерями. Федора, истекающего кровью, обнаружил фронтовой друг. Среди вывороченных камней перевязал грудь, прошитую пулеметной очередью. Насчитал семнадцать ран.
- Браток, - прошептал Федор, - напиши родным в Михайловку...
- Говори, Федя, - наклонился к нему боец.
- Напиши... Я в Сталинграде... Умираю от тяжелых ран...
Художника, мечтавшего после войны приехать на Мамаев
Курган с этюдником, похоронили здесь же, в воронке от разорвавшегося снаряда.
Сергей, не ведая того, не раз пролетал над могилой дяди.

Появлению Сергея Красноперова на Сталинградском фронте предшествовали события, связанные с разработкой операции "Уран", направленной на окружение и уничтожение крупнейшей группировки врага. В численности людей у фашистов превосходства не было, но орудий и минометов имелось больше на три тысячи, танков - на 400 единиц. О самолетах и говорить не приходилось. У нас их было 380, у немцев - 1006. Из-за слабого авиационного обеспечения задерживалось и контрнаступление. В директиве Ставки, направленной Г.Жукову, указывалось: “Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало”.
Сергей и его друзья по балашовской авиашколе оказались на том участке фронта, где немецкое командование, стремясь деблокировать окруженную армию Паулюса, задумало крупными ударными силами прорваться к городу. Путь к нему лежал через рубежи рек Аксай и Мышкова. Именно в этой местности Красноперов "пас" конников Н.Я.Кириченко.
К декабрю 1942 года, как свидетельствуют историки, соотношение сил на внешнем фронте окружения было не в пользу наших войск. Восьми стрелковым дивизиям, двум механизированным и двум кавалерийским корпусам, четырем танковым бригадам и восьми артиллерийским, минометным полкам и двум полкам реактивной артиллерии противостояла немецкая армейская группа, насчитывающая 13 диви-зий, в том числе три танковые. Семнадцатая танковая дивизия готовилась переправиться на северный берег реки Мышкова в районе Громославки, 6-я танковая дивизии - в районе деревни Васильевки, 2-я танковая дивизия - наступать на фронте Капкинка, Кругляков.
Сергей, охраняя конницу, все увереннее чувствовал себя в грохочущем небе, привыкал к ощетенивающимся зенитным установкам, ведущим ураганный огонь. Летая над фронтом, он видел, что сотни транспортных самолетов противника доставляют окруженной армии все необходимое для сопротивления русским. Тем ли они, летчики-штурмовики, занимаются в столь напряженный период противостояния войск? Кислород, что ли, нельзя перекрыть окруженным немцам, валандаемся с ними.
Не выдержав, выложил эти мысли комэску Григорьеву. Тот странновато посмотрел на Красноперова и спросил:
- Что предлагаешь?
- Создать вокруг "котла" и воздушное "кольцо", чтоб ни один стервятник не прорвался фрицам на помощь. Ну, не время сейчас конницу пасти!

Григорьев, не удержавшись, высказал соображения Красноперова командиру полка и узнал от него, что в дивизии высшие офицеры давно мусолят эту тему, докладывали представителю Ставки, а командование по-прежнему недооценивает значение “воздушного моста“ немцев. Вернувшись от комполка, комэск сказал Красноперову:
В штабе обо всем этом знают. Но ты молодец, светлая у тебя голова. Видать, не зря дебет с кредитом изучал.
- Знают и не действуют, - горестно обронил Сергей.
Голоса снизу, наконец-то, дошли до высоких военных
чинов. В первой половине декабря командование предприняло серьезные меры по блокированию окруженных немецких войск и с воздуха. Истребители, штурмовики, бомбардировщики постоянно дежурили в небе. Сбивали транспортные самолеты противника, совершали налеты на аэродромы, рас-положенные в котле и за его пределами. Поток грузов окруженным немцам резко сократился. Раненые потеряли надежду на эвакуацию. В стане врага усилилась паника. Фашисты попали не только в наземный, но и воздушный “котел”. Немецкое командование ускорило операцию по деблокированию окруженной армии. Танковые дивизии на полном ходу рванули к Сталинграду. Позади остался Верхне-Кумский. Боевая танковая группа Гюнерсдорфа сходу овладела Васильевкой. Вражеские танкисты не сомневались в скором соединении с окруженными соотечественниками. До цели оставалось менее пятидесяти километров.
- Сергей, летим к Васильевке! - крикнул комэск, собирая звено на штурмовку.
По боевому настрою Григорьева Красноперов понял: предстоит жаркий бой, и он, Сергей, не последний на счету в эскадрилье, если доверяют ответственное задание.
Он взмыл в воздух сразу за ведущим. На подлете к Васильевке увидел внушительную колонну немецких танков. Не кружили в небе “мессеры”. Повезло! Выполняя команду ведущего, бросил штурмовик в пике. Танки, как жуки, поползли в разные стороны. Они загораются, исходят чадом. Из горящих машин выскакивают, будто ошпаренные, танкисты. В ход пошли пулеметы. У них, летчиков, нет возможности брать противника в плен. Второй заход, третий... Григорьев отмечает: бомбовые удары у Красноперова более точны, чем у других. Молодчина! Еще вспыхнул танк, еще... Ну, дает Серега!
Изрядно потрепав танковую группу Гюнерсдорфа, летчики-штурмовики, дав бой налетевшим вражеским истребителям, вернулись на аэродром. Друзья бросились поздравлять Сергея с удачной штурмовкой.
- Ребята, что вы... Я, как все...

Он смутился. Радости, однако, скрыть не смог. Сегодняшняя штурмовка, пожалуй, самая результативная из всех предшествующих. Удалось все: противозенитные маневры, точность попадания, выход из боя. Когда "мессеры", как коршуны, закружили рядом, прошил насквозь и развалил одного из них пополам. Приходит опыт? Наверное.
Сейчас Сергея все реже наряжали в "пастухи" конницы. Впрочем, уничтожать танки он научился во время непрестижной, казалось бы, службы, связанной с охраной кавалерии. Да разве зазорно защищать слабого? Рейды то к Васильевке, то Громославке стали регулярными. Летал в звеньях, группах, на свободную охоту в одиночку и в паре.
На днях Сергей возвращался домой от Васильевки. Охотился на танки парой штурмовиков с тем же Костей Сергеевым, проверенным в бою парнем, надежным и отважным летчиком, с которым в прошлый раз сбили трех "юнкерсов", по полтора самолета на брата, как подтрунивали друг над другом. На этой охоте на каждого пришлось по вражескому танку, да создали три очага пожара. Опять же половинка на серединку. Им смешно над постоянными совпадениями, а фрицы беснуются. Они топчутся на одном месте, дальше Васильевки не могут прорваться.
- Серега, - говорит по радио Костя, - нам бы еще "красного петушка" пустить фрицам для ровного счета.

- Не прочь, - соглашается Красноперов и делает крутой вираж вправо, в сторону немецких позиций.
Вдруг Сергей заметил в степи конников, пытавшихся оторваться от фрицев, преследоваших их на мотоциклах. Видно, конная разведка напоролась на немцев. Бьют по лошадям - хотят казаков взять живыми. Упала одна лошадь, вторая.
- Костя, за мной! - Красноперов бросил штурмовик к степи.
Около десятка мотоциклистов, вооруженных до зубов, сами оказались в роли преследуемых. Красноперов и Сергеев пулеметными очередями вмиг разбросали их по сторонам. Мотоциклы с колясками перевертывались, катились одни без "седоков". Уцелевшие водители, развернувшись, помчались назад. Однако летчики не дали уйти ни одному обидчику казаков.
Набрав высоту, Сергей качнул крыльями конным разведчикам.
- Мои подопечные, - ласково сказал Косте, - никуда мне, видно, от них не деться.
К Васильевке стягивались свежие силы немцев, но не спали и наши артиллеристы, танкисты, летчики. Сергей с Однополчанами дерзко налетал на скопление танковых колонн в дневное и ночное время. Зачастую летал ведущим группы. Девятнадцатого декабря звено Красноперова уничтожило в Васильевке пять танков, подожгло склад с горючим и три автомашины. В журнале боевых действий 11-го танкового полка 6-й немецкой танковой дивизии появилась запись: "Васильевка, 20 декабря 1942 года. Постоянно возрастающее сопротивление русских в течение ночи становится все сильнее... Со вчерашнего полудня выбыло из строя 25 танков, частично по техническим причинам, но главным образом из-за боевых повреждений."
Фашисты выдыхались. На подступах к Сталинграду действия танковых соединений противника нейтрализовали бойцы 51-й, 8-й гвардейской армий с помощью фронтовой авиации. Наступательные возможности немцев, потерявших на этом направлении 230 танков и до 60 процентов мотопехоты, были подорваны. К концу декабря группировки Гота и Манштейна, румынская армия и другие части потерпели поражение. Попытка деблокировать окруженную армию Паулюса явно проваливалась.
Весь январь Сергей Красноперов с товарищами “перекрывал кислород” окруженной армии. Уничтожали немецкие аэродромы вместе с самолетами, перехватывали вражеские машины воздухе. От ночных боевых вылетов штурмовиков и бомбардировщиков враг потерял на аэродромах более половины общего числа разбитых самолетов. Часть машин - на личном счету Красноперова, уничтожившего к тому же немало танков, зенитных установок, автомобилей, живой силы противника.
Под занавес студеного января во время ночного вылета с Сергеем произошел случай, ставший в полку легендой.
Вылетел он парой охотников с Костей Сергеевым в район окруженной армии Паулюса. Костя летел за ним на своем штурмовике слева. Вверху мерцали звездочки, внизу трассирующие пули плели замысловатую искрометную мозаику. С земли взлетали ракеты и, отсветив, угасали.
- Красиво! - вырвалось у Кости.
Сергей отмолчался. Оружие, несущее смерть, создавало иллюзию красоты. Верноч с высоты засмотришься на причудливую игру огня, а попробуй приблизиться, приземлиться к той “красоте”! Красота вообще зачастую обманчива, за нею нередко скрываются зло, грязь и всякие маленькие и большие подлости. Впрочем, и истинная красота может погубить человека... Да что эстетством-то он занялся, не на выставку изобразительного искусства летит. Ему с Костей предстояло разбить восстановленный немцами аэродром. И сегодня же надумал заглянуть к укромному местечку, примеченному неделю тому назад. Оно показалось подозрительным. Не аэродром ли, тщательно замаскированный и охраняемый? Не исключены подземные укрытия для самолетов и еще каких-то объектов; улавливались контуры поля, с которого можно взлететь, и куда нетрудно приземлиться.
Перед вылетом Сергей поделился тайной с Костей: выполним, мол, задание - прощупаем то местечко, проведем разведку боем. “Может это убежище самого

Паулюса?" -загорелся страстью к штурмовке таинственного поля Костя. Насчет Паулюса он подзагнул наверняка. Впрочем, кто знает, что там. В любом случае строго засекреченный аэродром, если он существует на самом деле, - паулюский, вражеский. Посмотрим. Сначала бы задание выполнить.
- Костя, не спишь? - Сергей покрепче сжал штурвал.Впереди - цель.
- Проснулся, - отозвался по радио Костя, - спросонок счас такое натворю!
Сергей пошел в пике к аэродрому, Костя - за ним. Прежде ударили, как и договорились, по зениткам. Застали зенитчиков врасплох. Уцелевшие расчеты открыли бешеный огонь. Костя вторым заходом бил по ним же, а Сергей по самолетам и складам. В последующих атаках, ярых и ураганных, крепко обработали аэродром, уничтожили несколько транспортных и боевых самолетов. Окончив штурмовку, направились за облака. Горевшие машины и склады, сплошь и рядом изрытая воронками взлетно-посадочная полоса радовали глаз, словно перед ними, летчиками, распростерлась прекрасная картина. Обезображенная земля заворожила его, Сергея? Нелепица какая-то! Но это было именно так. Что же тогда такое красота? И почему безобразное порою тоже кажется красивым? Красота - не совокупность ли чувств, мыслей, идей, относящихся не столько к внешнему облику объекта или явлению, сколько к их внутреннему существу, содержанию, которые каждый оценивает по-своему. Для немцев содеянное им, Сергеем, и Костей - ужасно, для них же - великолепно, потому как нанесли врагу огромный урон. Мысли Сергея о красивом и безобразном прервал Костя.
- Теперь - к Паулюсу?
- Нет, на свой шесток.
- А говорил...
- Не бить же фрицев хвостом, довооружимся.
При выполнении задания они израсходовали почти весь боекомплект. А с чем на том засекреченном аэродроме придется столкнуться, Сергей не знал. Лучше уж сделать второй вылет.
Приземлившись, друзья наказали механикам и оружейникам подготовить самолеты к срочному вылету. Сергей, доложив комэску о выполненном задании, попросил разрешения вылететь сейчас же на свободную ночную охоту.
- Ни пуха, ни пера, - добродушно сказал Григорьев, довольный успехами крылатой пары.
- Летим долбить Паулюса, - заикнулся, не выдержав, Костя.
- Молодцы, - похвалил комэск, - сегодня Паулюса возьмем за жабры, завтра - Гитлера.
- Я же всерьез, - заершился Костя, - Серега его штаб разнюхал.
Григорьев вопросительно взглянул на Сергея.
- Заливает Костя, - пояснил Красноперов, - я, кажется, обнаружил замаскированный аэродром, не более того. Ну, разведаем боем.
- Умеют фрицы маскироваться, - заметил комэск, - слетайте, слетайте, голуби, успокойте душу. Об итогах разведки сообщите немедля.
И вот Сергей снова ушел в ночное небо. Костя, вылетев следом, занял место ведомого. Дернуло сказать ему про засекреченный аэродром, всему полку растрепал. Штаб Паулюса, убежище! Откуда столько фантазии?
Позади осталась линия внешнего фронта окружения фашистов. Пролетев наши позиции, оказались над станом обреченной 6-й армии противника. Сергей подкорректировал курс. И не на шутку разволновался. Со вспотевших рук стянул меховые перчатки. А вдруг Костя прав? Вдруг там убежище Паулюса. Напорются, чего доброго, на сильнейший заградогонь или на сюрприз какой-нибудь. Что ни говори, а на фельдмаршала он еще не ходил. Тьфу, взбредет же в башку блажь! И все Костя... Заморочил голову.
- Костя, мы у цели, - предупредил Сергей, - смотри в оба.
- Смотрю, - четко и сухо отчеканил напарник, - и вижу самолет... Вроде на посадку идет...
Молодец Костя, первый заметил приземляющийся самолет. На поле отчетливо виднелись светящиеся посадочные знаки. Значит, не ошибся он, Сергей, в своей догадке. Это - аэродром!

- Костя, бери на себя самолет, - скомандовал Сергей, - в атаку!
Сам он бросил штурмовик туда, где, по его предположению, замаскированы зенитные установки. Бомбы сотрясли землю. Возник пожар. Что загорелось - определить не мог. Полыхал и приземлившийся самолет. Костя сработал чисто. Обычно тихое, укромное местечко разворошилось, как муравейник. Мощно забили зенитки, внизу метались фашисты.
- Костя, за мной! Клади бомбы рядом с моими!

Они вошли в пике прямо над целями, замеченными Сергеем в прежние полеты. К тому же пикирующие штурмовики менее уязвимы для зенитчиков. Оба реактивных снаряда Сергей всадил в предполагаемое убежище. Делая заход за заходом, они уничтожали капониры и находившиеся в них самолеты, перепахали взлетное поле. Все! Кончились боеприпасы, надо убираться домой. Сергей опасался "мессеров", но те так и не появились в ночном небе.
Григорьев едва дождался возвращения Сергея и Кости.
Увидев идущих от самолетов друзей, спросил с подначкой:
- Где, голубки, ваш Паулюс? В бомбовом люке, поди, связанный лежит?
Сергей, не моргнув глазом, доложил, как положено, об уничтоженном замаскированном аэродроме. Слушая доклад Красноперова, комэск искоса поглядывал на Костю, понурого и
разочарованного.
- Да черт с ним, Паулюсом, ребята, - сказал Григорьев, несдерживая восхищения, - вы же два аэродрома за ночь изнахратили!Один из них, видимо, специального назначения. Под самое дыхло фельдмаршалу звезданули!
Наверное, на этом история бы и завершилась. Но, по великому совпадению, в наступивший день генерал-фельдмаршал Паулюс сдал 6-ю армию на милость победителей. И на Сергея с Костей однополчане запоглядывали с любопыт-ством, приставали с расспросами. Может, они действительно штурмовали ставку Паулюса, и от крепкой встряски он образумился? По эскадрильям пошли гулять слухи с невероятными присказками и домыслами о том, как Красноперов и Сергеев вздыбили штаб самого фельдмаршала и вынудили в конце концов сдаться. Комэск пытался выяснить, что все-таки штурмовали Сергей с Костей, но никому не было дела до его просьб. Победа опьянила всех. Паулюс в плену - чего еще надо. Одно ясно и неоспоримо: сдаться генерал-фельдмаршала заставила сила русского оружия; его победили такие лихие парни, как Павловы, Григорьевы, Красноперовы, Сергеевы,
Ивановы и Петровы...
Второго февраля 1943 года на берегах Волги прекратились бои. А четвертого числа разрушенный Сталинград праздновал победу. Отмечал ее и Сергей Красноперов. На груди летчика сиял орден Боевого Красного Знамени, врученный 15 ноября.
А 26 февраля наградили орденом Красной Звезды. Оба ордена получил за Сталинград, который он, “ангел-хранитель‟, оберегал с друзьями с воздуха. Почти пять месяцев. Сталинград научил его воевать.
В Сталинграде сражался и Павел Лыкасов, скромный бухгалтер из Чернушинской заготконторы, в свое время помогавший Сергею освоить премудрости своей мирной специальности. Был в той их жизни любопытный случай. Сергей тогда учился уже в Сарапульском техникуме. Узнав, что Павел Григорьевич отправился на курсы в Пермь по Каме от Сарапула, поспешил на пристань. Встреча тронула обоих. Дядя Паша, обняв его, посетовал: “Завтра занятия начинаются, а мы, - он кивнул на друзей-бухгалтеров, - билеты на пароход не можем купить. Ты парень толковый. Пойдем на почту, поможешь телеграмму отбить наркому речного транс-порта. ‟- “Думаете,Москва поможет?” - Сергей сомневался, что у наркома дойдут руки до бухгалтеров, опаздывающих на курсы. Все же они сходили на почту, Сергей составил текст, и они вернулись на пристань. К удивлению Сергея, Лыкасова вскоре пригласили в кассу, и он купил билеты на всю группу.
После Сталинграда Павел Лыкасов воевал на Кубани, куда попал и Сергей. Но встретиться они не могли: один сражался на земле, другой - на небе.

Новые друзья.Испытание

В начале марта 1943 года Красноперов прибыл в 502-й штурмовой авиаполк. Этот полк вошел в состав 214-й авиационной дивизии, сражавшейся на Сталинградском фронте. К тому времени закончилось зимнее стратегическое наступление наших войск. На Волге и Дону потерпели поражение итальянские, румынские, немецкие армии. Были освобождены Ростов, Новочеркасск, Харьков, Майкоп, Краснодар. Под Краснодаром, в станице Елизаветинская, и расположился авиаполк.

- Младший лейтенант Красноперов... Направлен для продолжения военной службы, - Сергей представился командиру полка Смирнову и комиссару Ширанову.

Смирнов, поприветствовав стройного светловолосого летчика, спросил:

- Откуда родом?
- С Урала, товарищ майор.
- А я думал с Рязани. На Сергея Есенина похож. Блондин.

В судьбах Сергея Смирнова и Сергея Красноперова оказалось много общего. Оба родились в многодетных крестьянских семьях, рано увлеклись авиацией. Правда, Смирнов был постарше. Он родился 26 сентября 1914 года в селе Ильинское Кольчугинского района Ивановской области. В семье Смирновых воспитывалось одиннадцать детей. Сын Сережа еще в школьные годы занимался в аэроклубе. В тридцать втором поступил в Качинскую летную школу истребителей, а затем перевелся в Ейское бомбардировочное училище и успешно окончил его в 1935 году. Когда Сережа Красноперов грезил авиацией, Смирнов уже летал, набирался боевого опыта - воевал в небе Китая, на Халхин-Голе.

Смирнов, расспросив Красноперова о боях под Сталинградом, обернулся к майору Ширанову:

- Что предложим новенькому?

Комиссар, крепкий, поджарый мужчина, стянутый портупеей, порекомендовал направить младшего лейтенанта командиром звена в первую эскадрилью, которой командовал капитан Корней Ефременко. Василий Ширанов порывался еще что-то сказать, но сдержался. Смирнов, согласившись с комиссаром, подошел к новичку.

- Назначаю тебя командиром звена. - Он пожал руку Красноперову, - Успешной боевой работы. И помни: 502-й дерется на "пятерку" с удвоенной энергией.
- Это по мне, товарищ майор, - четко отчеканил летчик, разрешите идти?

Смирнов, проводив взглядом новичка, обратился к Ширанову:

- Хорош,а?
- Штурмовка покажет.
- Покажет, - подтвердил комполка и спросил: - Метишь новичка, Василий Иванович, в заместители комэска?
- От него зависит, как проявит себя, - улыбнулся Ширанов, довольный, что командир полка понял его без слов.
- От Корнея еще зависит,задумчиво бросил Смирнов, упрется - не возьмет.

У командира первой эскадрильи Корнея Ефременко в январе 1943 года погиб заместитель - Михаил Назаров. Выполнив задание, он возвращался на аэродром, но шальной снаряд подбил штурмовик.

Самолет с раненым летчиком и воздушным стрелком рядовым Сергеем Смирновым плюхнулся около станицы Ново Дмитриевской. Их схватили фашисты. На допросах они молчали, не выдавая данных о численности и вооружении воздушных подразделений,действующих на Северном Кавказе. Им выкололи глаза, на спинах вырезали звезды. Мучеников убили, а истерзанные тела выбросили в кусты. Ночью станичники тайно похоронили героев.

Михаил Назаров отличался дружелюбным, покладистым характером, высоким летным мастерством. И хотя асов в эскадрилье хватало, Корней Ефременко не видел достойной замены погибшему другу. Отвергал кандидатуры, предлагаемые Смирновым и Ширановым.

Красноперов вышел из штаба, огляделся. Непривычна кубанская сторонка. На Урале в это время лежат еще глубокие снега, а здесь, того гляди, скоро все заблагоухает. Недалеко от штаба, как успел узнать, стоял клуб, служивший одновременно и столовой. Комсостав обедал на сцене - не хватало всем места в зале. Рядом с аэродромом - землянки. В них жили механики, оружейницы. Не ушедшие на штурмовку самолеты стояли в капонирах.

Найти первую эскадрилью не составило труда. Комэск Ефременко встретил Красноперова настороженно, но, узнав, что новичок назначен командиром звена, успокоился. Среднего роста, коренастый, Ефременко казался несколько нескладным, неуклюжим человеком, особенно рядом с Сергеем, которого отличала стройность, ловкость, гибкость тела. Срочную службу Ефременко проходил в авиации. В 502-й авиаполк прибыл в апреле 1942 года. Обладал незаурядным мастерством ведения штурмовки. "Корней в полку - боль-шо-о-й авторитет," - так о нем отозвался Ширанов. Красноперов перед авторитетами не робел. Он тоже воюет, кое-чему научился, но хвалиться - не в его характере. Скорей бы в небо - там иной разговор.

Комэск, дав наставления молодому летчику, суховато бросил:

- Личному составу эскадрильи представлю тебя завтра, сейчас половина моих соколов - в небе.

Козырнув, Сергей отошел от комэска и, посмотрев на часы, отправился к комсоргу полка встать на комсомольский учет. Александр Прохоров, числившийся в первой эскадрилье, с любопытством разглядывал младшего лейтенанта. Волнистая светловолосая челка аккуратно зачесана на левую сторону высокого чистого лба, строен, юн. Заполнив карточку на Красноперова, Прохоров спросил:

- Чем увлекаешься? Мы ведь не только гадов бьем - самодеятельность устраиваем, спортом занимаемся.

- Стихи читаю, пою, играю в волейбол, футбол.

- Отлично, - воскликнул комсорг, - мы со второй эскадрильей в футбол тягаемся. Поможешь?

Сергей не успел ответить - в землянку прямо-таки ворвался высокий худощавый мальчишка в летной форме.

- Тоже футболист, - кивнул на долговязого Саша Прохоров. - Это - Леня Смирнов, брат комполка, специалист по укладке парашютов.

Леня, отдав честь, положил перед Прохоровым пакет и, извинившись, шустро выскочил из землянки.

- Мальчишку в тыл отправляли, а он отовсюду сбегал, -пояснил комсорг.

Леня Смирнов прописался в полку в октябре 1942 года. Быстро познал технику, парашютное дело. Просился на штурмовку воздушным стрелком - не брали, велели подрасти. А он иных летчиков на голову выше вымахал, куда расти-то еще!

Прохоров с Сергеем вышли на свежий воздух. Саша завел разговор об истории появления 502-го авиаполка. Пусть знает новичок, куда попал.

Полк сформировался в начале войны. Одним из его создателей был комэск Сергей Смирнов. Сергей Александрович, отлично владеющий методами воздушного боя, как бывший летчик-истребитель, а также штурмовки, бомбардировки, подготовил летный состав полка к универсальным боевым действиям. Летчиков этого уникального авиаполка отличало от других умение вести необычайно точную штурмовку объектов противника и, при необходимости, - воздушный бой, несмотря на численное преимущество "мессеров", "юнкерсов",
по всем канонам военного искусства.

Авиаполк начал боевые деиствия в октябре 1941 года при обороне Москвы. На следующий год, в январе, 502-й авиационный полк, командиром которого стал Сергей Смирнов, направили на Северо-Западный фронт. Боевая работа велась с аэродрома Крестцы в направлении Новгорода, Старая Русса, Осташково. Изо дня в день зрело мастерство летчиков. Умело воевали Евгений Лаук, Григорий Баранов, Михаил Назаров, сам командир полка Сергей Смирнов, другие асы. Они перехватывали и уничтожали транспортные воздушные суда противника, доставлявшие боевое снаряжение и продукты в район окруженной

76-й немецкой армии,то есть делали то, чем позднее пришлось заниматься и ему, Сергею, в Сталинграде. В жестоких боях полк потерял четырнадцать самолетов. При штурмовке аэродрома погиб заместитель командира эскадрильи А.Кондрашов. Не вернулись с заданий В.Белоусов, В.Медведев, Т.Калинченко... Горькие то были потери, но смирновцы вели и другой счет. Полк совершил на Северо-Западном фронте 408 успешных вылетов, из них - 44 ночных; уничтожено пехоты противника -3900 человек, самолетов в воздушных боях - шесть, на земле
- 142, танков - 24, автомашин - 412, много другой техники врага.
После зимних боевых полетов, 12 апреля 1942 года, полк отправили на переформирование и получение новой техники. В конце июля он перебазировался на Северо-Кавказский фронт. Приходилось постоянно менять места дислокации из-за отхода наших войск. В августе авиаполк перелетел в Адлер, с аэродрома которого вел боевую работу до 11 февраля 1943 года. Недавно перебрался сюда, под Краснодар. Летают в районы станиц Курганская, Лабинская, Белоречинская, Хадыжинская... Опыт штурмовки, приобретенный на Северо-Западном фронте, используют и на Северном Кавказе. В полку воспитываются новые воздушные бойцы. Им есть у кого учиться. Конкретно? У Корнея Ёфременко, Григория Кочергина, Владимира Тюкова, Дмитрия Лутовского, Владимира Кирсанова... Среди асов был и Борис Золотухин. Однако Золотого сбили в феврале, незадолго до прибытия в полк Красноперова. Он сел в плавни, на территорию, занятую врагом. С тех пор о нем ни слуху, ни духу. Не разделил ли он участь Михаила Назарова? А еще Сергей Красноперов узнал от Прохорова о Варе Ляшенко - единственной женщине, овладевшей штурмовиком ИЛ-2 и храбро воевавшей наравне с мужчинами.
- В какой она эскадрилье?
- В нашей, первой. Сейчас под Хадыжанской немца кромсает.
-Здорово! - не сдержался Красноперов от восхищения, - мне нравится ваш полк!
- Наш полк, - поправил Саша.
Сергей кивнул головой: верно, мол, наш. Они тепло расстались у контрольно-пропускного пункта. Красноперов с группой летчиков отправился в Краснодар. Офицеры, расквартированные в городе, уезжали отдыхать на "полуторке". Она же и доставляла их на аэродром.
Сергей поселился на улице Тихой в доме Шуры Суховеевой, солдатки, растившей двух детей. Она устроила летчика в отдельной комнате, окружила фронтовика заботой и вниманием.
Наутро Корней Ефременко представил личному составу эскадрильи командира звена - Красноперова. Сергей, выйдя из строя, всматривался в лица, пытаясь увидеть Варю. Однако девушки в строю не оказалось. Что с нею? Ефременко охарактеризовал Красноперова коротко, четко, по-военному. Поставив задачу перед звеньями, скомандовал:
- Разойдись!
Летчики, расходясь, делились впечатлениями о Блондине, как окрестили новенького.
- Зеленоват, - сказал Миша Земляков, - на войне без году неделя, а...
- А уже два ордена имеет, - перебил Землякова комсорг Прохоров. - В Сталинграде воевал. По-моему, храбрый летчик.
Однако новичок есть новичок. О нем судят не потому, как жил раньше, а как поведет себя здесь, рядом с тобой на штурмовке или в круговерти воздушного боя. Так считал и комэск Корней Ефременко. Хотя парень с Урала ему приглянулся: чувствуется, дисциплинирован, начитан, самостоятелен и скромен, даже застенчив. Да в бою застенчивость-то не нужна - не девушку к земле прижимают. Хотелось проверить новичка-орденоносца на крупной штурмовке. И случай такой вскоре представился.
Смирнов, вызвав в штаб Ефременко, склонился над картой.
-Корней, нанеси-ка удар по высоте 101,1.Задание сложное, вылетай сам, - Подумав, добавил: - В помощь даю штурмана полка Тимоховича. Может и меня возьмешь? Ежели Смирнов рвется в полет, то бой действительно предстоит жаркий. Корней с ответом не спешил,поколебавшись, сказал:

- Я обязательно полечу, но группу поведет Красноперов.
Он ожидал резкого протеста командира полка, но Смирнов молчал, обдумывая предложение комэска. Потом ухмыльнулся:
- Надумал новичка испытать? Добро. Летчик вроде надежный. Только помни: задание трудное, чуть что - бери руководство боем на себя.
Шестерка ИЛов оторвалась от взлетной полосы. Ведущий Сергей Красноперов взял курс на цель. Воздушный стрелок Саша Прохоров, находясь за спиной Красноперова, тревожился: как-то Сергей справится с ролью ведущего под строгим контролем комэска и штурмана полка, замыкавших пеленг. Красноперов сразу раскусил назначение "почетного эскорта". Не доверяют, что ли? Даст промах, проявит слабинку -подстрахуют? Нет уж, пусть покрутятся в подчиненных до возвращения на аэродром, если, конечно, все, в том числе и он, уцелеют. Не выдавая волнения, Сергей уверенно, четко подавал команды по радиосвязи.
- Впереди цель. Приготовиться к штурмовке!
Саша Прохоров крикнул:
- Командир, “юнкерсы“!
- Вижу. Выше - “худые“, будь начеку, без драки не обойтись!
Несколько "мессершмиттов" заходили в хвост штурмовикам. Ефременко и Тимохович, летевшие прикрывающей парой, вмиг оценили всю сложность обстановки. Если сейчас ведущий не отдаст команды им, Ефременко и Тимоховичу, набрать высоту и атаковать “мессеров“, то надо будет самим предпринять этот маневр, иначе момент упустят, и фрицы сорвут штурмовку или расстреляют их на выходе из атаки. Владеет ли Красноперов ситуацией, примет ли верное решение? И тотчас комэск и штурман полка получили приказ ведущего расстроить замысел вражеских истребителей. Остальных, качнув крыльями, Сергей позвал за собой. Он бросил самолет на цель. За ним пошли Лева Брутт, Отарий Чечелашвили, Павел Рудь. Нанеся мощный пушечно-бомбовый удар по высоте, Красноперов, выйдя из пике, поспешил на выручку Ефременко и Тимоховичу, которые, расстроив атаку “мессеров“, сразу сорвались на штурмовку и теперь набирали высоту. Сергей, не упустив важного момента, перестроил группу для круговой обороны, зашел в хвост стервятника, охотившегося за Ефременко, и пулеметной очередью сбил его.
- Командир, - вскрикнул Прохоров, - "худой" задымил!
- Кувыркается, - бросил Сергей, не позволяя себе расслабиться.
Ефременко и Тимохович заняли в "кольце" свое место. Еще один “мессер“, дымя, неуклюже поплыл в сторону, заваливаясь на крыло. Это Саша Прохоров точной пулеметной очередью прошил немецкого истребителя. Теперь “мессершмитты“, с какой бы стороны ни сунулись, попадали под огонь пулеметов летчиков и воздушных стрелков. Поняв, что перед ними хорошо организованная, опытная группа, фашистские летчики, покружив поодаль, убрались восвояси.
Нервное напряжение несколько спало. Добив группой высотку, Красноперов повел ее на аэродром. Саша Прохоров ликовал от удачного исхода боя, умело проведенного его новым товарищем. Высотку разбили, воздушную дуэль не продули. Не переставая зорко следить за воздухом, он запел шуточную полковую песню:

Крутится-вертится Ил над горой,
Крутится-вертится летчик-герой.
В задней кабине сидит паренек,
Должность простая - воздушный стрелок...

Долетели до аэродрома. Выбравшись из кабины, Саша от избытка чувств крепко, без слов обнял Сергея. Подбежали Лева Брутт, Отарий Чечелашвили и Пашка Рудь. Красноперову, отбивавшемуся от поздравления, казалось, будто он вечно знаком с этими добрыми ребятами. Неожиданно они расступились, и перед ним оказалась... Варя. Им уже довелось познакомиться. Сейчас она сняла шлемофон и, мило улыбаясь, протянула ему руку.
- Молодец, Сережа!
В полку об успешной штурмовке высоты звеном Красноперова узнали от связистов наземных войск, и смирновцы чувствовали себя именинниками.

- Спасибо, товарищ лейтенант, - вежливо козырнул Сергей Варе, старшей по званию.
К женщинам он вообще относился галантно. К тому же до сих пор не удалось достаточно близко пообщаться с отважной молодой женщиной, прекрасной летчицей.
Варя смешалась, зарделась: под хорошее настроение назвала его по-панибратски - Сережей, а он - " товарищ лейтенант".
Иронизирует? Она пристально посмотрела в глаза Красноперова, отливающие синевой неба, на губы, припухшие от прикусывания в бою, и, не заметив тени издевки, успокоилась.

- Зовите и меня просто Варя, - сказала, переходя на "вы"!
Они прогулочным шагом пошли по взлетному полю к контрольно-пропускному пункту. И тут Сергей в разговоре узнал кое-что о ее обычной, как она считала, жизни.
Родилась в городе Николаеве. В тридцать шестом окончила аэроклуб, через два года - летную школу. Перед войной вышла замуж за летчика, родила сына. Муж погиб в воздушном бою в начале войны. И поклялась она, Варя, мстить фашистам за смерть Алексея. При подходе немцев к Краснодару посадила в самолет мать, шестимесячного сына Сашу, сестру Александру и поднялась в небо. Приземлилась на военном аэродроме 502-го авиаполка и упросила Смирнова зачислить ее на службу. Была офицером связи, летала на ПО-2.
О том, как Варя стала летчиком-штурмовиком, Сергей знал от Прохорова. Однажды подошла к командиру полка и попросилась на штурмовик.
- Хочу бить фашистов, - сказала твердо, - а не порхать бабочкой над полями.
Смирнов подивился: ишь ты - "порхать бабочкой", будто никому не известно, что над безоружными самолетами связистов постоянно висит угроза быть сбитыми.
- Не женское дело - штурмовка, - отговаривал ее командир полка, - у тебя, Варя, кроха на руках.
- За ребенком мать, сестра присмотрят, - настаивала упрямица, - ничто меня не остановит - учите!
Делать нечего - перевел Смирнов Варю на штурмовик, сам заделался учителем. Подключил и штурмана полка Ивана Тимоховича. Не было прилежней ученика у них, чем Варя. Днями проподала в штурмовике, облазила весь самолет. С механиками копалась в различных узлах, с оружейницами набивала штурмовик боеприпасами. И овладела грозной машиной. Первый боевой вылет сделала в конце 1942 года. Мастерство росло от полета к полету. На ее гимнастерке засиял орден Красной Звезды. Ей доверили звено. К прибытию в полк Сергея Варя прослыла мастером штурмовки. Вареньку любили, как сестру, оберегали на земле и в воздухе. Идя рядом с нею, Сергей заметил ревнивые взгляды летчиков. И, не лишенный чувства юмора, подал им знак, незаметный для Вари: не тревожьтесь, мол, охрана у нее самая надежная.
Сговорившись с Сергеем о совместном полете на завтра, Варя попрощалась:
- Дома сынок ждет...
Корней Ефременко доложил командиру полка о выполнении задания, высоко оценил действия новичка.
- Красноперов грамотно построил бой, проявил смелость и решительность. Лично сбил "мессера".
- Мише Назарову смена пришла, - произнес Смирнов, - бери его заместителем, Корней.
В эскадрилье заговорили о парне с Урала.
- Гриш, рассказать, как Блондин с Варей вчера на штурмовке в "глухие телефоны" играли? - услышал Корней Ефременко голос Прохорова, сидевшего под деревом с Григорием Дмитриенко, числившимся воздушным стрелком в экипаже комполка.
- Валяй.
- Видят - автобаза. Варя - вниз, Блондин - за ней. Подкинули фрицам горячих гостинцев. Все рвется, полыхает, гансы разбегаются. Ад, сущий ад.

Блондин кричит по радиосвязи: “Варя, мы - как Адам и Ева!“ Она, ослышавшись, ответила: "Хорошо, поддам и слева". Крутой вираж влево и - в пике. Накрыла зенитку, замаскированную в кустах. “Глазастая“, - отметил Блондин. " Тебе спасибо!" - крикнула. “За что?“ - поинтересовался Блондин. А в наушниках - треск. "За наводку!" - "За какую водку?" - удивился Блондин. Короче, наигрались в "глухие телефоны" и только на аэродроме разобрались что к чему. Хохота-а-ли, скажу тебе-е, до коликов.
Оказавшись невольным свидетелем разговора однополчан, капитан Ефременко удовлетворенно улыбнулся. Взяв Сергея замом, он не пожалел о выборе. Оставаясь командиром звена, Красноперов летает на самые ответственные штурмовки. Не суетится, расчетлив, видит небо. Выпрашивает полеты, как путевки на курорт, хотя любой вылет может стать последним. Вот и на завтра, 14 марта, напросился к порту Темрюк, где находится один из самых сильных узлов сопротивления оборонительного рубежа противника, названного "Голубой линией" .
Этот оборонительный рубеж, прикрывавший подступы русским войскам к Таманскому полуострову, протянулся на 113 километров между Черным и Азовским морями. Глубина обороны составляла 25-30 километров. Все населенные пункты, высотки, расположенные на главной оборонительной полосе, фашисты превратили в сильные узлы сопротивления и опорные укрепления, приспособленные к круговой обороне. Главная полоса обороны прикрывалась с фронта минными полями, проволочными и другими видами заграждения. Огонь зенитных установок, нашпигованных повсюду, господство над “Голубой линией" истребителей противника - все это, казалось, делало оборону немцев неприступной. Сами захватчики считали, что в глубь ее не пролетит ни один русский самолет. А Красноперов как раз и намеревался со звеном пересечь оборонительный рубеж с севера на юг.

Летчики-штурмовики 502-го авиаполка начали подбирать ключи к воздушным воротам “Голубой линии" еще в феврале. Полеты, совершенные группами Василия Скрипина и Бориса Золотухина, показали, сколь сложно пробиться к Керченскому проливу. Скрипин пытался произвести разведку боем, нанести удар по скоплению техники, но возле Темрюка на звено напали "мессеры". Сбросив бомбы, Василий с невероятным трудом вырвался из воздушной засады. Ушел не без потерь. Здесь же сбили Золотого. Повезет ли Красноперову?
Противник не лаптем шит. Оборонительные действия немецких войск обеспечивает 4-й воздушный флот. В немецкий воздушный флот входят такие известные эскадры, как "Удет", "Мельдерес", “Золотое сердце“. Летчики отборных немецких эскадр, специально обученные сражаться в горных условиях, снабжены кислородными масками. Любопытно, что 4-ому немецкому воздушному флоту противостояла 4-я воздушная армия Константина Вершинина.
Сергей со звеном вылетел к Темрюку на рассвете. Он радовался кучкующимся облакам - чуть что, помогут укрыться от стервятников. Обходя особо опасные зоны, летчики рвались к порту. Нарываясь на огонь зениток, резко уходили в сторону, не принимая боя, не расходуя боеприпасов, и во все глаза следили за воздухом. Заметив далеко впереди "мессеров", похожих на тучу саранчи, моментально развернулись и сделали вид, будто драпанули домой. Благодаря облачности, затерялись в небе и, сделав солидный крюк, вновь взяли курс на Темрюк. И прорвались, атаковали порт. Сергей поджег бронекатер. Удачно отбомбились остальные летчики. Не задерживаясь ни на минуту, Красноперов повел звено на аэродром. Домой вернулись без потерь.
Сергей, разбирая полет, размышлял: не случаен ли этот успех? Желательно сегодня же еще раз слетать к Темрюку, окончательно преодолеть психологический барьер, доказать себе и другим летчикам, что можно прорываться в глубь оборонительного рубежа и вести штурмовку.
Ефременко дал "добро" на повторный вылет. Знай он, чем закончится этот полет - остудил бы пыл Сергея, попридержал до следующего дня.
Красноперов полетел по проложенному маршруту. До цели добрались без приключений. Удалась и штурмовка, несмотря на сильный заградительный огонь. Потопили две баржи, катер.

- Возвращаемся домой, - передал по радиосвязи Сергей, выравнивая штурмовик. Неожиданно вражеский снаряд впился в мотор его самолета. Яркая вспышка на мгновенье затмила солнце, и тут же все померкло в густом черном дыму. Не паникуя, он отключил зажигание, перекрыл подачу топлива к мотору и повел штурмовик подальше от порта к линии
фронта. Высота таяла на глазах. С парашютом уже не выпрыгнешь - разобьешься. Поджидала и другая опасность самолет в любую минуту мог взорваться в воздухе. Выход один - садиться как можно скорее на "брюхо", благо внизу потянулись плавни. Плюхнувшись в камыши и воду, Сергей ударился головой о приборную доску. С окровавленным лицом выбрался из кабины и тотчас отскочил от штурмовика. Раздался взрыв. В считанные минуты от самолета остался черный остов. Выбрав место посуше, присел, оттер кровь. "Ничего", - успокоил он себя, - бывает хуже. Выразился словами пилота, потерпевшего аварию в Чернушке. Перед глазами, словно из тумана, возникла картина из далекой юности.
... Он, Сергей, мастерил в сарайке аэроплан. Строил по описанию. Авиация, писал Водопьянов, начинается с крыла. Самолет без крыльев не возможен. И собирают его из сотен деталей. Тут множество лонжеронов и соединяющих их поперечных балок-нервьюр, придающих крылу особую форму. Все вместе это составляет крыльевой набор и покрывается специальным авиационным полотном или листами металла... Сергей тоскливо поглядывал на полозья от кошовки, на два-три листа фанеры и пару длинных досок. Примитив. Вдруг над сарайкой раздался странный нарастающий звук. Выбежав во двор, заметил низко летевший самолет, терпящий аварию. Люди, крича, бежали за поселок. Он кинулся следом. В поле, задрав крыло вверх, на боку лежал аэроплан. Отважившись, Сергей подошел к завалившемуся самолету. Жадно рассматривал фюзеляж, элероны. Заглянул в кабину. Изучая самолет, побаивался окрика летчика, но тот молчал. На поле, подле аэроплана, раздавались реплики чернушан.
- Страсть-то какая!
- Обошлось, мог и погибнуть.
- Лезут куда не след, Бог и наказывает...
Летчик, спасшийся чудом, прихрамывая, приковылял к мальчугану, увивавшемуся вокруг самолета.
- Не повезло, брат, - сказал, как равному, - однако хуже бывает. - Положил руку на его плечо, спросил: - Летчиком хочешь стать?
- Хочу.
Пилот пристально посмотрел на него, не отказывающегося от мечты в столь малоромантической ситуации, и сказал:
- Ну, дерзай, брат, небо смелых любит...
Вот и он, Сергей, как тот летчик из юности, сброшен с неба в хлябь. Ему-то куда сложней, чем тому пилоту. Плюхнулся на территорию, занятую врагом. Но это еще ничего, бывает, действительно, хуже. Он обдумывал положение, в которое попал. Главное - быть настороже. Его, навер-
ное, уже ищут немцы. Где-то здесь был сбит Борис Золотухин. Что же с ним: затаился у кого-то, в плену или убит? Оказывается, миф о неприступности "Голубой линии" граничит с реальностью. Крепкий она орешек!
Определив местонахождение, Сергей сжег на всякий случай записную книжку, бросил прощальный взгляд на сгоревший штурмовик, к которому успел привыкнуть, и с пистолетом в руке ринулся в сторону линии фронта. Ему казалось, что он бежит. На самом деле был лишь порыв, к бегу. Скорость гасили камыши, вода, доходившие до пояса и выше. Тратя много энергии, Сергей тем не менее двигался медленно по вязкому илистому дну, зыбучей трясине. Жадно глотнул воду из ладошки и поперхнулся: бре-е, соленая! Разбитое лицо, потрескавшиеся губы запылали от соли. Она душила, раздирала горло и грудь жгучим огнем. К вечеру Сергей выбился из сил, сомлел...
По эскадрильям полка разнеслась печальная весть: новичок, симпатичный блондин, а главное превосходный летчик, вероятно, погиб. Варя, Прохоров, Леня Смирнов ходили подавленные. Комэск Ефременко был мрачнее тучи. Полк за последнее время потерял Женю Лаука, Мишу Назарова, Борю Золотухина .

Неужели и Красноперов погиб? Сплошные напасти. Тяжело... Варя, дотронувшись до плеча хмурого комэска, тихо сказала:

- Не везет тебе Корней на замов. Такие парни гибнут.
- Может, еще вернется.
- Товарищ капитан, - Варя подтянулась, - разрешите вылететь на свободную охоту?

"Хочет слетать по маршруту Красноперова, - мелькнула у комэска мысль. - Если жив, может с земли подать сигнал. Такие случаи бывали. Друзья садились и выручали попавшего в беду летчика. Однако маршрут этот слишком опасен. Запретить? Но ведь все равно улизнет."

- Разрешаю, - Ефременко протянул руку Варе в знак благодарности, - но... в паре со мной.

Они взяли курс на Темрюк. Облетели весь район предполагаемой посадки Сергея и с трудом обнаружили остов сгоревшего штурмовика. От него полетели на север, к линии фронта, изучая местность, ожидая какого-нибудь сигнала. На странные маневры двух штурмовиков обратили внимание немцы. Били по ним издали, однако снаряды, не достававшие их, вроде вреда не причиняли.

- Надо уходить, - передал по радиосвязи Ефременко Варваре. - Сейчас натравят "мессеров".

Оба чувствовали: поиски ничего не дадут. Возможно, Сергей сгорел вместе с самолетом. Корней и Варя, изменив
маршрут, выследили немецкую батарею и нанесли по ней удар. Затем подожгли пару машин, какой-то склад. Летя к дому, они мстили за друга.

Шел Сергей в основном ночами. Выбирался на тропки, на дороги, чтоб ускорить продвижение к линии фронта. Удручал черепаший ход. Подводу бы или велосипед, хоть самый задрыпанный. В Чернушке у него был велосипед, новенький, блестящий. Купили, помнится, его с трудом. Тогда у них гостил дядя Федя из Черемхово.

При нем завезли в магазин партию велосипедов. У Сергея горели глаза - купить бы, а? На семейном совете решились-таки на дорогую покупку. "Леня, - сказал Федор брату, - ты же председатель райпотребсоюза . Неужели в очередь вставать. Батю к тому времени из секретарей райисполкома перевели в торговлю. "Никакого блата, - заупрямился отец, - только живая очередь. Купил - твое счастье, не досталось -не обессудь". В очередь отправился дядя Федя. Измученный, уставший, он привел во двор новехонький, блестящий лакированной краской велосипед к полудню следующего дня. С отцом и дядей Федей Сергей готовил машину к езде. Боясь перепутать детали, раскладывали их в строгой последовательности на развернутую газету. Малышню - Вовку, Юрку, Витьку - не подпускали к месту сборки. Ребята с завистью наблюдали за взрослыми. Снятые детали промывали, смазывали и устанавливали обратно. Наконец, подкрутили последние гайки, отец наклонил к Сергею руль сверкающей спицами машины: "Осваивай, сынок". Он, горя нетерпением вскочить в седло, повел велосипед через дорогу на стадион. Малышня - за ним. На стадионе нажал на педали - ищи ветра в поле.

Отцу тоже захотелось освоить велосипед. Однажды после ужина выбрал безлюдное место, чтобы не видели, как он, председатель райпотребсоюза, кувыркается, и начал приручать неустойчивую машину. Домой заявлялся с синяками и шишками. Все-таки укротил строптивый велосипед. Сгонял на нем даже в Михайловку. Вернувшись в Чернушку, воскликнул: "Вот это машина! Съездил в деревню быстрее, чем на лошади". Сергей втихаря улыбнулся, его-то манили воздушные скорости. Но сейчас ему хотя бы тот велосипед!

Он тащился по плавням и проселочным дорогам из последних сил, отчего притупилось чувство осторожности. То бросало в жар, то колотил озноб. Простудился, поди: мартовская вода коварная, не июльская. Кружилась голова, донимал голод. Возле развилки дорог на него кто-то напал сзади. Схватил, словно в клещи, и выбил из руки пистолет.

Потеря Красноперова больно отозвалась в сердце комиссара Ширанова. И ведь знает-то Сергея всего около двух недель, а, поди ж ты, оставил Блондин в душе неизгладимый след, заворожил обаянием, летным мастерством.

Достав личное дело Красноперова, задумался: посылать или нет на Урал, в Михайловку, извещение о смерти летчика? На днях после долгого колебания он отправил "похоронку" матери Бориса Золотухина. Но Золотого нет в полку уже более месяца, а Красноперов отсутствует третий день. То, что его самолет сгорел, комиссар знал от летчиков. Успел ли Сергей покинуть штурмовик? Парашютом он не пользовался - это точно известно. Может, был тяжело ранен? Полная неизвестность о судьбе молодого человека, ставшего в короткий срок любимцем полка, час от часу удручала Ширанова.
В штабную землянку энергично вошел Смирнов.
- Чего нахохлился?
- Думаю, посылать "похоронку" на Красноперова или обождать?
- Новости не знаешь, что ли?
- Неужели жив?! Где он?
- У Васько, в санчасти. На нашу разведку набрел. Чуть, говорят, на немцев не напоролся...
Не дослушав командира полка, Ширанов выбрался из землянки и торопливо зашагал в санчасть. Увидев Сергея, обнял его, прослезился.
- Пронесло, пронесло, слава Богу. Долго жить будешь, сынок.
Полковой врач Василий Васько, душевный, отзывчивый человек, тонкий знаток медицины, подлечил Красноперова в два счета. Уже через день Сергей появился в эскадрилье. Его затискали в объятиях Ефременко, Галанов, Добрынин, Брутт, другие ребята. Варя, растроганная, счастливая, расцеловала Блондина: жив-живехонек!

Осторожно: в небе - Красный!

Сергей попал из огня да в полымя.
Военная обстановка на юге обострялась. В низовьях Кубани шли ожесточенные бои. По группировке противника наши войска намеревались ударить с трех сторон, окружить, чтобы не допустить отхода в Крым, и разбить наголову. Командование 4-й воздушное армии поручило 214-й авиадивизии - уничтожить переправу на важном участке фронта и перекрыть тем самым, во-первых, идущий поток вооружения крупным частям врага, во-вторых, путь к их отступлению. Степан Рубанов, командир авиадивизии, вышел на связь со Смирновым, приказал подготовить к выполнению срочного задания лучшее звено. Смирнов вызвал в штаб Корнея Ефременко. Над картой детально обсудили план штурмовки переправы. Для охраны штурмовиков выделялись истребители.
Комэск отобрал в полет Галанова, Добрынина, Радченко и Красноперова.
- Тебе бы, Сергей, отлежаться надо, - сказал Корней, - но предстоит адовая штурмовка. Ты мне нужен в звене.
- Спасибо, устал-то я по земле ходить.
Подробности операции осветила газета "Советский пилот" за 22 марта 1943 года. Прочитав заметку "Переправа вздыблена", сын полка Леня Смирнов бросился к комсоргу.
- Саша! Тут про наших напечатано!
Прохорова и взбудораженного Леню моментально окружили находившиеся поблизости летчики Михаил Земляков, Григорий Кочергин, Сергей Баюков,Варя Ляшенко, обаятельности и женственности которой не умоляла летная военная форма, воздушный стрелок Володя Зорин, коренной москвич, игравший до войны в футбольной дворовой команде. Он, кажется, и в небе чувствовал себя футболистом. Сбивая "мессера", цедил сквозь зубы: "Один ноль в нашу пользу". Когда реактивный снаряд, пущенный со штурмовика, достигал цели, Зорин восторженно кричал: "Гол!"
Всем нетерпелось узнать, что и как пишет газета. Они тормошили Прохорова, просили не томить ожиданием. Саша уткнулся в заметку и стал читать вслух: "Пятерка ИЛов шла ломаным курсом. Ведущий Ефременко вел штурмовик над местностью, где была меньшая вероятность встречи с истребителями противника. Цель осталась позади, немного слева. Ведущий осматривается, приказывает ведомым подтянуться, быть наготове.Он взглянул вверх, ЛАГГи

шли хорошо. Недаром перед вылетом он долго беседовал с ведущим капитаном Исаенко. Но вот у одного истребителя выпустилось колесо.
- Тринадцатый, убери левую ногу, - передает Ефременко по радио и, видя, что летчик наклоняется к кабине, шутя добавляет, - да не свою, а шасси.
Шасси убирается. Летчик с 13 номером кивает головой: "Спасибо..."
- Хотела бы я быть с ними! - не удержалась Варя. -Извини, Саша, давай дальше.
Прохоров продолжил чтение: "Пора на цель",
- решает капитан. Он разворачивает группу, теперь ИЛы и ЛАГГи идут к цели с тыла. Перехитрить врага, чтобы нанести внезапный и молниеносный удар - такова манера капитана Ефременко. Он видит, как навстречу, немного в стороне, возвращаются к себе, в фашистское логово, "юнкерсы".
- Эй, ударить бы! Нет, еше переправа не разрушена...
Переправа. Огромное скопление вражеских автомашин. Как ураган, неожиданно налетели на цель штурмовики. Враги не ожидали их с тыла.
Цель узкая, точечная, и ИЛы атакуют один за другим. За ведущим шел Галанов, потом Красноперов, Добрынин и Радченко. При первом же заходе на цель пулеметно-пушечным огнем уничтожены зенитные точки у подхода и отхода переправы. С высоты 200 метров прямо в центр переправы посыпались бомбы и тотчас возникли взрывы. Несколько машин загорелось. Переправа взлетела в воздух. В наушниках Ефременко услышал радостные возгласы:
- Вот здорово, переправа вздыблена!
Это говорит по радио капитан Исаенко.
Но это не все. По дороге от разрушенной переправы вереницей тянулись автоколонны отступающих фашистов. Капитан Ефременко, а за ним и остальные летчики с бреющего обрушили на врага ливень пулеметно-пушечного огня. Галанов и Красноперов меткими очередями создали в автоколонне четыре очага пожара..."
Прочитанную заметку обсуждали восторженно. Подходили вернувшиеся из полета летчики и тоже читали, нетерпеливо вырывая газету из рук друг друга.
- Изорвете, пожалуй, - забеспокоился Прохоров, прибирая ее в карман, - Сереге сохраню.

Блондин был на задании, и Саша стал ждать его у кромки аэродрома. Когда Сергей, приземлившись, подошел к нему, Прохоров заложил за спину руку и хитровато сказал:
- Пляши, Сергей.
- Письмо? - лицо Красноперова оживилось.
Прохоров протянул уставшему другу помятую газету.
- Читай.
Пробежав заметку, Сергей вздохнул:
- Занятно, а письмо желанней...
Он несколько месяцев не получал вестей из Михаиловки от матери. Не отвечала и Люба. Может, выскочила замуж? Зря, наверное, сдержанно относился к ней в Сарапуле. Однажды Люба пригласила его на вечеринку. Парни и девчонки пели, танцевали, играли в "фантики". Люба старалась не выдавать особого к нему расположения. И не удавалось. С нею, грациозной, он охотно танцевал и вальс, и танго, и фокстрот. "Сережа, - шепнула она в конце вечеринки, -задержись". Хозяев в доме не было, но он, Сергей, посчитал предложение девушки пленением, что ли... И не остался в уютном, славном доме, обихоженном руками очаровательной городской девчонки. Эх, вернуть бы тот вечер... Неужели потерял Любашу?
Саша, пожалев взгрустнувшего друга, бодро заверил:
- Держу пари, письмо получишь через неделю. Выиграю пари - возьмешь меня на штурмовку.
- А если проиграешь?
- Тогда неделю будем вместе летать.
Расхохотались, расшалились, как мальчишки. Сергею нравился Саша. Родом из села. В армию призван в 1939 году. Окончив авиационное училище, попал в

десантные воиска, был назначен начальником парашютно-десантной службы истребительного полка в одной из авиационных частей. В 502-й штурмовой авиаполк прибыл в октябре сорок второго года.

- Если рвешься в бой, Саша, - сказал Сергей, успокоившись, - мы с ИЛом к твоим услугам. Пока.

Повернулся и припустил к грузовичку - "полуторке", набитому офицерами и готовому отправиться в Краснодар. Среди летчиков, призывно махавших ему руками, выделялась фигурка Вари Ляшенко.

- Сережа, скорей, - крикнула она, - я тебе местечко забила!

На следующий день, 23 марта, Сергей и Варя со своими звеньями взяли курс к станице Крымской - мощному узлу обороны немцев, одному из ключевых на "Голубой линии". Летели будто по огненному коридору. Зенитные установки били то слева, то справа. Приходилось постоянно применять противозенитные маневры, уходить от шквального огня. При подлете к станице заметили змеистую автоколонну с немецкими солдатами и вооружением.

- За мной! - Красноперое направил штурмовик к автоколонне. За ним - Варя и их ведомые. Колонна расстроилась, на дороге возникли пробки. По заторам и били летчики-штурмовики, устраивая невообразимые костры с фейерверками. От разрывов снарядов, баков с горючим, боеприпасов вверх взлетали колеса, кабины, тела погибших и живых еще солдат. Фашисты, соскочив с уцелевших машин, шарахались из стороны в сторону, в ужасе разбегались, прятались в канавы, воронки, за камни, бревна, прикрывались телами убитых.

Летчики терзали автоколонну до последнего снаряда. Сбросили все бомбы. Израсходовав боеприпасы, Сергей собрал группу и лег на обратный курс. Немцы на перехват "обнаглевших" летчиков-штурмовиков, посмевших сунуться в их оборонительную зону, бросили два десятка истребителей. Сергея и Варю, однако, они врасплох не застали. Заметив стервятников, сцепились в "кольцо". Полязгают зубами, как голодные волки, и отвалят, если не дураки.

В эфире раздались тревожные сигналы немецких летчиков:

- В небе - Красный! Рот-рот!

Длинную, трудную фамилию не просто было выговорить. Укорачивали: рот-рот, по-немецкий - красный. Гитлеровские асы узнавали Красноперова по его штурмовику, по своиственному ему почерку боевых действий. Не запомнить его самолет просто невозможно: постоянно ошивается в небе - примелькался уж, дьявольски точно бьет по наземным целям и по ним, истребителям. Приблизиться к красноперовскому "кольцу", смертельно опасному, немецкие летчики не посмели. Издали дали по его самолету несколько длинных очередей. Все попытки расстроить круговую оборону "горбатых" провалились, и "мессеры" отвалили в сторону.

Вернувшись на аэродром, летчики-штурмовики помогли оружейницам загрузить самолеты боекомплектами и, не отдохнув, снова ушли в небо, вернулись к недобитой автоколонне. Они спалили уцелевшие машины, достали отъехавших...

- Сережа, поддали фрицам жару! - услышал Красноперов в наушниках голос Вари при возвращении домой.

- За отца хочу расквитаться с ними, - отозвался он.

- А я - за Алешу, за наших мальчиков - Лаука, Калинченко, Назарова...

Убитые, живя в памяти живых, продолжали воевать руками друзей, родных и любимых.

Приземлившись, Сергей записал в журнале: "23.03.43 г. Двумя вылетами с группой уничтожил автоколонну..."

В среду, 31 марта, наши войска очистили от фашистов станицу Анастасиевскую. Светлое событие отметили вечером отдыха в полковом клубе. Крутили трофейный патефон. На музыку сбежались оружейницы Юля Пелешенко, Маша Карманова, Валя Жарикова, Паша Кравченко, Оля Комиссарова. Заскочила в клуб и Варя. Случалось, она с Красноперовым исполняла девичьи страдания - частушки, полные фронтового юмора. Сергей повязывал на голову одолженный у оружейниц платок и превращался в Варину товарку. Веселому

дуэту неистово аплодировали. Все у них славно выходило: и сценки, и частушки, и, конечно, атаки с неба. Они и над позициями врага в районе Анастасиевской слаженно поработали, в пух и прах разносили укрепления. Сергей зашел в клуб с сыном полка. Леня просто влюбился в Красноперова. Сергей не зазнайка, нос не задирает, тяжесть на плечи товарищей не перекладывает. Иные находят причину для отказа от полетов, а Красноперов, наоборот, сам рвется в небо.
Приход Сергея заметил воздушный стрелок Володя Зорин.
- Смотри, - толкнул он локтем Гришу Дмитриенко, -Блондин. Жаль, ни разу с ним не летал.
- А мне довелось, - сказал Дмитриенко. - Случайно попал к нему воздушным стрелком. Переправу через речушку в одиночку рушили. - Гришу потянуло выговориться: - Летим, значит, на цель, и бац - в пике, без всяких-яких маневров. У меня глаз зоркий, но я, как ни всматривался в землю, ни хрена не видел - так ловко благодаря деревьям, растущим по берегам, фашисты замаскировали мост. Ну, думал, водичку сейчас взмутим и - все. Ан нет! В щепки разнес мостик-то с первого захода. Он переправу на земле вычислил: учел и расстояние, и скорость, и приметы ландшафта.
- Форвард что надо! - поддакнул Зорин. - Классный нападающий и в небе, и на футбольном поле. Видел, как по мячу лупит?
... На днях Прохоров устроил футбольный матч между эскадрильями. Спросил Блондина: “Может, в ворота встанешь? Ты ловкий, как барс“. - “Я в нападении играю, -заупрямился Сергей, - мне атака по душе“. “И я в нападении", - созорничала Варя, тряхнув короткой стрижкой. Она во всем соперничала с мужчинами: и на земле, и в воздухе.
В ворота первой эскадрильи встал долговязый сын полка Леня Смирнов. Защитниками и полузащитниками напросились Павел Рудь, Отарий Чечелашвили, Лева Брутт... А Зорин заделался вратарем в другой команде. Ввести мяч в игру доверили Варе. Она отдала пас Красноперову, и тот устремился с Прохоровым к воротам Зорина. Защитники едва сдерживали натиск Сергея, Саши и Варвары. Зорин до хрипоты кричал партнерам: “Опекайте Серегу, не давайте бить!” Как ни опекали, но одну из атак Блондин завершил голом. Первая эскадрилья ликовала. Сергея заблокировали и защитники, выпустившие из поля зрения Прохорова, который, получив от Вари пас, ворвался без особого труда на штрафную площадку и сходу забил мяч в ворота Зорина. "Ура! - прыгала от восторга Варя. - Ура! ". Вторая эскадрилья отквитала гол, но в конце игры Сергей, оторвавшись от преследователей, забил победный гол. Шумно переговариваясь и споря, летчики, воздушные стрелки, механики обливались водой, приводили себя в порядок. Напялив гимнастерку, Красноперов сказал Прохорову: “Чернушку вспомнил. Я в школе волейболом увлекался. Пришел как-то на стадион, а там товарищи по команде с футболистами мяч делят. И тем, и другим играть надо. Волейболистов, понятно, в два раза меньше. Возникла потасовка. Ну, и я ввязался. Мяч отстояли, но домой заявился с “фонарем". Прохоров пошутил: “Теперь понятны истоки твоих побед над фрицами, превосходящими в численности.“
... Да, Зорин, знавший толк в футболе, ходивший до войны на матчи в Лужники, признал в Красноперове отличного футболиста. Все-то у Сергея получается само собой. И в клубе, где начались танцы, он держится так же виртуозно, как на спортивной площадке или в небе.
- Гриш, глядь, - Зорин опять подтолкнул локтем Дмитриенко, - форвард на левый край подался.
Сергей, подойдя к полковым красавицам, попросил у Оли Комиссаровой головной платок. Олю, худощавую, но симпатичную оружейницу, тотчас пригласил на танец механик Саша Серебряков, высокий, крепкий парень. Сергей повязал платок на Леню Смирнова. Сын полка, став "барышней", закружился с летчиком в шуточном вальсе. Эх, ему бы, Лене, не в танце, а в круговерти боя покружиться с Красноперовым! Он и пулеметом овладел. Варя стояла подле командира полка и оживленно что-то рассказывала ему. Увидев, Красноперова с “барышней-дылдой“, залилась смехом:
- Ой, умираю... Выдумщики!

Сергей и Леня, не обращая внимания на смех и реплики в их адрес, продолжали танцевать, создавая образ влюбленной парочки. Варя не танцевала. Ее никто не решался пригласить на танец - слишком влюбленными глазами смотрел на королеву воздуха командир полка.
Стихла музыка, и Красноперов проводил "даму" на место, вернул Оле платок. Оля собралась замуж за Серебрякова, весельчака-гармониста, сочинявшего фронтовые песенки. У
них уже все было решено: после войны уедут в Пермь, на Олину родину.
Вечер отдыха закончился обильным ужином. Летчики с приподнятым настроением отправились в Краснодар. Варя уехала в город в машине комполка Смирнова. Припозднилась она, и, торопясь домой, согласилась скоротать дорогу с начальством. Возвратился на улицу Тихую и Красноперов, довольный, что удачно вписался в жизнь боевого полка. Его звено - ударное, ведущее. Так комполка говорит, а Смирнов слов на ветер не бросает.
Высота 304,3, сильно укрепленная, мешала наземным войскам русских продолжать наступление. Эту высоту, огрызающуюся плотным огнем, облетали стороной истребители и штурмовики. И вот ее, грозную, опасную, поручили разбить летчикам 502-го авиаполка, а конкретно - звену Сергея Красноперова. Смирнов в присутствии комиссара Ширанова, штурмана Тимоховича, комэска Ефременко поставил перед ведущим звеном полка боевую задачу и в заключение сказал:
- Продумай, Сергей, ход штурмовки. Вылет завтра, четвертого апреля в 7.30.
Из землянки Сергей вышел с Ефременко. Комэск озабоченно напомнил:
- За основу, Сергей, возьми наш принцип: удар с тыла.
- Фрицы, похоже, раскусили его, но попробуем провести их.
Красноперов изложил суть идеи, вынашиваемой в последнее время. Кажется, сейчас придется ко двору. Комэск одобрил задумку Сергея и включился в подготовку предстоящей штурмовки.
Сергей сколотил две группы из добровольцев. Сам выпрашивал полеты, и хотел, чтобы подчиненные поступали подобным образом. С летчиками, отправляющимися в полет по собственному желанию, чувствовал себя уверенней. Они надежны в бою, деруться с полной отдачей. На разгром высотки напросились Павел Рудь, Отарий Чечелашвили, Михаил Земляков, Михаил Минаев. Варе Ляшенко и ее звену предстояло сначала поводить немца за нос, а затем подключиться к штурмовке. Михаила Минаева, капитана по званию, Сергей взял в свою группу впервые. Михаил воевал в полку давно, слыл смелым летчиком. Никто из однополчан не предполагал, в какую беду вскоре попадет Минаев.
Корней Ефременко, убедившись, что Сергей и Варя хорошенько обсудили нюансы атаки коварной высоты, пожелал удачи и распрощался с ними до утра.
Утром Красноперов поднял свое звено в небо. Спустя три минуты в воздух взмыло звено Варвары Ляшенко. Сергей,забравшись на максимальную высоту, без осложнений углубился в оборону противника поодаль от цели. Долетев до точки, удобной для выхода на объект штурмовки, Сергей взглянул на часы. Пора! Варя начинает "завлекать" фрицев. Он развернул группу и повел ИЛы к высотке с тыла. Она грохотала. Зенитки били по штурмовикам Вари Ляшенко, кружившим на расстоянии, недосягаемом для огня немецких зенитных установок. Штурмовики Красноперова, подобно смерчу, налетели на холм. На макушку и склоны посыпались бомбы. В твердь сопки врезались реактивные снаряды. Разрывы бомб и снарядов выкорчевывали из укрытий пушки, минометы, пулеметы, зенитные установки. Уцелевшие зенитки огрызнулись злобными очередями, но это был уже не тот огонь, не мощный, не плотный - угасающий. Фашисты поздновато раскусили обман русских летчиков. После второго захода Красноперова сопку обволокли клубы дыма и поднятой пыли. Нанесли мощный удар и летчики, ведомые Варварой. Штурмовики выпотрошили высотку, погрузили ее в безмолвие. Пехота, не дав немцам опомниться, пошла в атаку и заняла выгодные позиции.
На земле летчиков встретил Корней Ефременко. Он уже знал от комполка о сокрушительной штурмовке сопки. Растроганный, Корней всем жал руки,

повторяя одно и то же: " Молодцы, соколики мои славные!" Михаил Минаев, равный по званию с Ефременко, мимоходом бросил комэску:

- А у Блондина и котелок варит и нервы стальные.
- Не знал, будто?
- На деле убедился...

К Сергею со всех ног мчался Прохоров.

- Письмо, - орал он во всю матушку, - тебе письмо, Сергей!

- Запыхавшись, протянул треугольник и сказал: - Пари я продул. Думал, через неделю придет, а оно припозднилось. Будем недельку вместе летать, по уговору.

Сергей, казалось, его не слышал. Распечатав письмо, он с жадностью набросился на строчки, боясь неприятных вестей, но, наткнувшись на слово "люблю", унял тревогу. Люба извинялась за долгое молчание. Их, работников горторга, посылали в колхоз на переборку картошки. Там простудилась и малость приболела, теперь поправилась и просит его не волноваться. А дальше: "Изумрудик мой дорогой, береги себя..." Сергей улыбнулся. Это прозвище - Изумрудик - дал ему Толька Зиновьев.

... В тот день он, Сергей, вернулся из Ершовки, с аэродрома, и попал на диспут: "Чья профессия лучше". Пожал плечами: "О чем спорить? Все работы хороши. Люби дело, подходи творчески..." Устроители диспута сникли. "Верно Серега говорит, - брюзжал Зиновьев. - Все зависит от работника, а не от того, какая работа". Толькин вердикт окончательно вверг общественников в уныние. Пытаясь миром выйти из неловкой ситуации, они предложили показать свои таланты в импровизированном концерте. Заставили Сергея сделать зачин. Не отказался - пусть ребята поразвлекутся.

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
"Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартеру"!

Слушали Пушкинского "Гусара" с неподдельным интересом - стихотворение не эстрадное, со сцены редко читалось. Гусар, думающий о горилке, подружился с вдовой, пригожей и доброй, встающей почему-то рано, до петухов. Стал ночами присматривать за ней...

...И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,
Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула,
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу - и улизнула...

Стихотворение разудалое, веселое, казалось, никогда не кончится. Гусар, последовав примеру вдовы, выпил всю скляночку и пухом взвился кверху, на гору, где кипят котлы, венчают в мерзостной игре жида с лягушкою. К гусару подбегает вдова Маруся, зовет домой, предложив кочергу вместо коня. Гусар отвергает кочергу и, наконец, получает коня, который скребет копытом, весь, как огонь, хвост трубою. Конь взмыл, и гусар очутился у печки.

"...Гляжу: все так же, сам же я
Сижу верхом, и подо мною
Не конь, а старая скамья;
Вот что случается порою."

Закончив чтение, Сергей широко улыбнулся, поклонился. И - всплеск аплодисментов. "Молодец, шпарь еше!"- выкрикнул Толька Зиновьев. Восторженно хлопала в ладоши Люба, сидевшая во втором ряду. Смущенный, раскрасневшиися, Сергей хотел уити со сцены, однако усиливающиеся аплодисменты заставили остановиться. Прочитал еше из Пушкина "К Чаадаеву", из Маяковского - "Товарищу Нетте - пароходу и человеку". После него никто не решился читать стихи. Пели песни, частушки, танцевали. Под занавес концерта Сергей спел про Стеньку Разина, Ермака. Голос, от матери

унаследованный, развитый, ведь в Чернушке постоянно выступал в клубе, пришелся, видно, ребятам по душе.

“Ну, Серега, даешь, - хлопали по плечу друзья, расходясь из техникума, - талант!” - "В театре твое место, - восторгался Зиновьев, - не в кооперации, Изумрудик ты наш бесценный!” Это прозвище понравилось Любаше. Оно не обидное - не Зверобой, не Сарделька, которые расточал другим острослов. Изумрудик...
Ну, Любаша, порадовала. Отмякла душа от письма и воспоминаний. Сегодня же ответит любимой, как только вернется на Тихую. Заполнив графу в журнале боевых действий, Сергей подкрепился в столовой и заглянул к Прохорову.
- Саша, - сказал весело, - я тебе стихи почитаю.
Во фронтовую землянку ворвался разудалый пушкинский “Гусар”.
Используя складки местности, Сергей на бреющем обошел станицу Славянскую и, оказавшись над позициями немцев, обрушил бомбовый удар на технику, скопившуюся в лесочке.
На свободную охоту он вылетел с Сашей Прохоровым. Такой хитрец: держал пари и в любом случае выиграл. Приди письмо в срок, какой он устанавливал, взял бы его на штурмовку один раз сверх заданий. Теперь же придется "нахала" целую неделю "катать" на самолете. И ведь знает, чем это пахнет. Свободная охота сопряжена с большим риском и требует от летчика и воздушного стрелка напряжения всех душевных и физических сил, высокой выучки. В таком полете надо суметь уклониться от боя или, несмотря на численное преимущество вражеских истребителей, принять его. Еще - умело маневрировать, обходить наиболее опасные зоны противовоздушной обороны, поражать обнаруженные цели. Знает и все равно рвется на охоту.
Внизу - заваруха: огонь, дым, мечутся взбеленившиеся зложелатели. Удар по технике Сергей нанес точнейший. Развернувшись, устремился опять к лесочку. Выбрав нужный угол атаки, пустил реактивный снаряд. Вверх взлетели две машины и, рассыпавшись, рухнули наземь. Пушечным выстрелом разворотил зенитку. Отлично, надо отсюда сматываться. Сейчас на них натравят стервятников, а он, Сергей, объегорит их. Забрался повыше, чтоб был лучше виден, и направил самолет к линии фронта, будто домой намылился. Скрывшись из виду и опять же используя рельеф местности, резко повернул штурмовик назад, в глубокий тыл противника. На бреющем вынырнул у Вышестебелиевской. И здесь навел панику: кромсал все, что попадало под крыло, пока не кончились боеприпасы. Кажется, увлекся, перестарался, не оставил про запас даже пулеметной очереди. Теперь окружным путем - к дому.
- Саша, следи за воздухом, - напомнил Сергей другу, - нас попытаются перехватить “мессеры‟.
Он и сам сосредоточенно наблюдал за воздухом и всем, что происходило на земле. Заметил костер и немцев вокруг него. В памяти полыхнули костры далекого детства, когда с пацанами пек в горячей золе картошку. Злость обуяла Сергея: на его земле фашисты жируют у костра! Эх, ни снаряда, ни бомбы, ни пулеметного дождика! Безотчетно бросил самолет вниз, к костру, и так близко от него вышел из пике, что ударная волна разбросала фашистов от костра. Страсть воздушного охотника чуть не подвела Сергея. Не успел набрать высоту, как штурмовик тряхнуло. Неужто подбит?!
- Сашка, жив?
- Жив, командир.
Самолет вроде слушался, гарью не пахло. Может, незначительное повреждение? Похоже, он, Сергей, пренебрег со-ветом Смирнова. Наставляя, комполка требовал: ‘‘Беите врага всюду: на воде, суше, в воздухе, но не забывайте, что и за вами охотятся..." Пора, пора избавляться от мальчишества, ненужной лихости.
Мотор мощно тянул облегченный самолет. Не попались бы “мессеры‟, хватит на сегодня приключений. Фу-ты, легки на помине! Целая стая.
- Прохоров, - крикнул Сергей, напрягшись до предела, - у меня - ни пули, ни снаряда, отстреливайся до последнего!

- Есть... до последнего!
Немецкие летчики узнали штурмовик Красноперова.
- Рот-рот, в небе - Красный!
- Айн-айн! Один-один! Капут ему...
Красный напропалую рвался к своему аэродрому. Чтобы сковать маневренность немецких истребителей, прижал как можно ниже к земле штурмовик, а Прохоров бил из пулемета прицельно, несуетливо. Ближний "мессер" резко клюнул носом вниз, словно наткнулся на невидимую стену и, войдя в штопор, врезался в землю. Других «мессеров» потеря не охолонула. Они остервенело преследовали Красного.
В такой воздушный переплет он, Сергей, пожалуй, не попадал. Бывало уклонялся от боя с истребителями, но "убегать" вот так от стаи не доводилось. Неужели... И вдруг он... просветлел: впереди сверкнули крыльями краснозвездные "ястребки".
- Сашка, наши! Живем!
Спасены! Прохоров дал напоследок длинную прицельную очередь. И удачно: зацепил еще одного стервятника.
- Попал! - заорал Прохоров. - Попал.
Сашкин восторг был понятен Сергею. Уложить за несколько минут парочку "мессеров" не часто удается.
Наши истребители завязали воздушный бой с "мессершмиттами", а Сергей, набрав высоту, благополучно пересек линию фронта.
Приземлившись на аэродроме, они осмотрели штурмовик. Обнаружили небольшую пробоину, переглянулись. Мда-а, легко отделались.
В журнале боевых действий Красноперов записал: "5 апреля 1943 года. Во время свободной охоты лично уничтожил: автомашин - 2, танков - 1, орудий - 1, минометов - 1. Создано очагов пожара - 3."

Над Голубой линией

- Вернулся! Золотой вернулся!
Новость вмиг облетела эскадрилии. Жив Золотухин, жив! Бывают же на фронте чудеса. Золотой объявился в полку девятого апреля 1943 года. Почти два месяца добирался до своих. Исхудавшего летчика, отчитавшегося за вынужденные "прогулы", осторожно обнимали друзья, поздравляли с возвращением в полк. Сергей тоже подошел, протянул руку.
- Рад познакомиться.
- Новичок?
- Эх, Борис, долго же тебя не было, - сказал Ширанов, -новичок-то уже ветераном стал. Это Сергей Красноперов, уралец, гроза фрицев.
Золотухин пытливо посмотрел на "грозу фрицев" и чувство ревности кольнуло сердце: отстал от товарищей, скорей бы выздороветь, набраться сил и - в небо.
Больным занялся полковой врач Василий Кириллович Васько. Целый букет болезней, от простудных до малярии, нашел он у летчика. Золотухина отправили в госпиталь, а комиссар Ширанов отбил телеграмму матери Бориса: объявился ее сын, жив!
Вскоре полк облетела еще одна радостная весть: 17 апреля Григорию Кочергину присвоили звание Героя Советского Союза. Летчики, механики, воздушные стрелки, оружейники собрались на митинг. Его открыл комиссар Ширанов. Ширанов был, пожалуй, самым старшим в полку, с 1910 года рождения. В армии - с тридцать второго года. Начинал авиационным техником, выучился на штурмана, много летал, будучи комэском. С июля 1941 года назначен заместителем
командира 502-го авиаполка по политической части. Краткую горячую речь на митинге комиссар закончил словами:
- Призываю летчиков полка бить врага так, как бьет его Григорий Кочергин, наш славный герой!
Однополчане поздравляли Кочергина с наградой, клялись беспощадно бить фашистов. Красноперов не завидовал Грише. Он знал себе цену, проведенным

операциям. К тому же Кочергин воюет в полку давно, а он, Сергей, второй месяц. С митинга Кочергин, как многие летчики, вылетел на боевое задание. Через неделю, 25 апреля, в полку чествовали Красноперова. На общем построении огласили приказ о награждении его вторым орденом Боевого Красного Знамени.
Последние дни апреля Сергей проводил в частых полетах над "Голубой линией" имевшей две оборонительные полосы. Главная полоса насчитывала три-четыре позиции. Плотность минных полей перед нею была фантастической. На отдельных участках она достигала 2500 мин на километр фронта. "Голубая линия" слыла венцом фортификации. Не потому ли все острее вставал вопрос: а не приостановить ли наступление наземных войск, не отдать ли "Голубую линию" на откуп штурмовой и бомбардировочной авиации?
Накануне Первомая Сергей вылетел на свободную охоту в одиночку. Одиночные полеты нравились тем, что отвечаешь лишь за свою жизнь. В них больше свободы, маневренности, риска, азарта. Важно не увлечься, не потерять голову от опьяняющих удачных штурмовок, как случилось в марте и в начале апреля.
Под крылом - линия фронта. Забрехали зенитки. Сергей высмотрел кучку танков, бросил самолет в пике. Бомбами завалил на бок, как кабанов, два танка. Оба вспыхнули. Ага, запахло жареным! По нему бешенно забили ближние и дальние зенитки. Он у них в прицеле один - лучше улизнуть своевременно, поискать зверя в другом логове. Резкий разворот и - выше, выше. Полетел вдоль линии фронта - в одиночку, без воздушного стрелка, в глубину обороны немцев нежелательно соваться, трудно совладать с "мессерами", летающими стаями. Конечно, задание дадут - другое дело, слетаешь, выкрутишься. А сейчас и поблизости хватает техники, вооружения, живой силы противника. Да вон батарея замаскирована. Звезданул по ней из пушки. Чудненько -накрыл одно орудие. И здесь ощетинились зенитки. Ладно -пока! Сергей повернул к дому. По дороге вдребезги разнес миномет.
К немецкой батарее он вернулся часа через два. Разбил еще три орудия. В третьем вылете уничтожил два орудия и два миномета. Немцы палили по нему из всех видов оружия, даже из пистолетов - так он их взбесил. Привязался, мол, к
ним и тюкает-тюкает потихоньку, и несут они большие потери. Вызвали, понятно, своих истребителей, а его и след простыл.
Приземлился. На сегодня хватит. Расслабился в кресле. Пронесло, обошлось без пробоин, парашюта и плавней. Мартовский тяжелый эпизод с падением в плавни таился в глубине души. Он не был источником или причиной страха, а служил уроком боевого опыта, пусть горького, бесславного, но делавшего его, Сергея, сильнее и увереннее в сложных обстановках. Может, потому и приземляется изо дня в день на родном аэродроме, что прошел через то мартовское испытание.
Сергей вылез из кабины, заложил руки за голову и потянулся до хруста в костях. Благодать. Вдали пенились цветами фруктовые сады, под ногами стелилась трава, зеленая, мягкая.
Первомай отмечали в полковом клубе. На стенах красовались плакаты, лозунги; на столах радовали глаза полевые цветы, собранные и поставленные в воду девушками-оружейницами. Сцену освободили для артистов, убрав в зал столы и стулья. На тесноту не роптали, с нетерпением ожидали концерта, перебрасывались шутками, репликами.
Смирнов и Ширанов подвели итоги боевой первомайской вахты, поздравили однополчан с праздником и пожелали успешных штурмовок. Ширанов, отвечавший за организацию праздника, подал сигнал Прохорову: пора! Занавес раскрылся, и перед зрителями предстал хор. Под аккомпанемент гармониста Саши Серебрякова хористы спели несколько весенних песен, маршей и уступили место чтецам, танцорам, юмористам. Варя Ляшенко, Леня Смирнов, Сергей Красноперов, девчонки-оружейницы, Сергей Баюков веселили однополчан сценками из фронтовой жизни, юмористическими стихами, шутками-прибаутками. И опять приятно удивил Красноперов. "Там вдали, за рекой..."- запел трепетно, душевно.

- Браво, - выкрикнул комэск Василий Сивочуб, когда Сергей смолк, - еще спой!
Сивочуба поддержали дружными аплодисментами.
- Споет, - успокоил зал Саша Прохоров и, игриво подтянувшись, объявил: - Известный всему полку дуэт исполнит частушки-штурмушки.
Серебряков растянул меха гармошки, и зал замер в ожидании веселых куплетов. Варя и Сергей, посмотрев друг на друга, звонко запели:
Завтра снова будет бои
На участке "Голубой",
Так потрудимся над ней
Станет огненной, ей-ей!
Каждый куплет зал встречал смехом или аплодисментами. Переждав шум, "известный всему полку дуэт" запевал очередную частушку-штурмушку.
Наш бронированный ИЛ
Очень Гитлеру не мил.
Его бункер я и ты
Скоро вздыбим с высоты...
На Варю влюбленными глазами смотрели и летчики, и воздушные стрелки, и сам командир полка Сергей Смирнов. Необыкновенная женщина, храбрая, милая и красивая, она очаровывала многих. Но ее сердцем после гибели мужа владел лишь крылатый штурмовик, и лишь с ним сливалась она в единое целое в страстном бою. На ее груди рядом с орденом Красной Звезды появился орден Отечественной войны второй степени. Накануне весеннего праздника она,- как и Сергей Красноперов, сделала три эффективных вылета на "Голубую линию".
Летчики, веселясь в клубе, не предавались раздумью, чьи крылья опалит воина завтра, послезавтра, через месяц и кого сбросит с высоты в хлябь. Никто не предполагал, что Варя пела с Блондином последний раз, что до трагических событий остались считанные дни.
В жизни Сергея не много было праздников. Один из них помнился с детства. С дружком Федей Деревянных его при-гласила на день рождения обаятельная девочка Оля Трескина. Они усердно рисовали имениннице в подарок картинки. Вручили неумело, смутясь перед Олей и соученицами Тоней Усаниной, Таней Злобиной, Аганией Кочергиной. Отец Оли играл на гармони, мать - на гитаре. Освоившись в интеллигентной семье, мальчики пели и танцевали. Угощались пирожками с малиной, ватрушками. Серега переглядывался с Федей, удивляясь всему, ведь в их семьях не отмечали дни рождения...
Прохоров объявил об окончании концерта. Занавес закрылся. Возвращаясь в Краснодар на грузовике, летчики вместе с Варей и Сергеем пели полюбившиеся частушки-штурмушки:
Завтра снова будет бой
На участке "Голубой".
Так потрудимся над ней
-Станет огненной, ей-ей!
На следующий день, второго мая, над "Голубой линией" и в самом деле разгорелись бои. Правда, на задания вылетели
единичные экипажи. А третий майский денек выдался тяжелым, остро драматичным.
Авиаполк, получив задачу по взлому оборонительного рубежа противника в районе станицы Крымской, работал на пределе: одни штурмовики, загруженные боеприпасами, взлетали, другие садились на аэродром. В этом челночном цикле штурмовки "Голубой линии" сновали самолеты Сергея Красноперова и Вари Ляшенко. Первый вылет у Варвары закончился без осложнений. Во втором ее атаковали три "мессершмитта". Она приняла неравный бой. Вираж вправо - пулеметная очередь. Строчил из пулемета и воздушный стрелок. Нырок вниз и снова - вверх. Замолчал пулемет стрелка. Убит! Со стороны хвоста не стало защиты. Совсем худо... "А, гады, не возьмете", - ринулась в лобовую атаку на один из "мессеров". Уклонился, полоснув огнем. Мимо. Видимо, дрогнул, поспешил... Опять лезут, теснят...
Ведомые, увлекшись боем, спохватились: "Где командир?" Вари поблизости не было. Сбили, но когда? Бросились обшаривать небо, оторвавшись от

"мессеров", и увидели Варю, отбивавшуюся от трех стервятников. Кинулись ей на помощь и отбили любимицу полка от немецких асов, так и не понявших, наверное, что им противостояла женщина.
Штурмовка участков "Голубой линии" усиливалась. Крепкие удары по оборонительным укреплениям нанесли звенья Василия Сивочуба, Дмитрия Луговского и других комэсков. Смертоносный конвейер, запущенный командиром полка Смирновым, решил исход боя. После более сорока боевых вылетов в авиаполк передали телеграмму представителя Ставки Александра Новикова, давшего высокую оценку действиям 502-го штурмового авиационного полка, во многом благодаря которым наши войска прорвались к станице Молдованской. В полку царило воодушевление, все-таки сам командующий Военно-Воздушными Силами Красной Армии поздравил с успехом! Комиссар Ширанов на импровизированном митинге зачитал ответную телеграмму, направленную Новикову: "Мы, летчики, техники, младшие авиаспециалисты, заверяем, что приложим все силы, настойчивость и бесстрашие в деле выполнения поставленных перед нами боевых задач. Будем бить врага так, как требует Родина, наш народ..."
Хотя задание было выполнено, Сергей Красноперов и его друзья пожелали уйти на штурмовку новых объектов "Голубой линии".
- Нанесем удар такой силы, какого фашисты еще не видели, - заявили они, - каждую бомбу и каждый снаряд будем класть точно в цель.
За звеном Красноперова увязалась Варя.
- Сережа, я с тобой!

Она вылетела без воздушного стрелка. Замены не выпрашивала - некогда. И знала, как не просто сесть, кому бы не довелось, на место погибшего, кровь которого еще не высохла в кабине.
Подняв группу в небо. Сергей определил Варю в середину пеленга, надеясь хоть малость обезопасить молодую женщину. Истребители противника, по всем признакам, усилили патрулирование "Голубой линии". На подлете к вражеской танковой колонне штурмовиков встретил плотный заградительный огонь зенитных установок. Проведя противозенитный маневр, Красноперов повел друзей в атаку. Штурмовики ударили, как водится, сначала по зениткам. Во втором заходе нацелились и на зенитки, и на танки. Варя точно ударила по головной машине. Танк вспыхнул. Она развернула штурмовик для следующего захода. Высмотрел "свой" танк и Сергей. Неожиданно его самолет резко и сильно тряхнуло. Нарвался на снаряд? Кажется, нет. Оглянувшись, увидел рассыпающийся штурмовик Вари Ляшенко. Заряд, видно, угодил в бомбовый люк.
- Варя!
Боль пронзила Сергея. Варя... Как же так... Варя... Слепая безудержная злость закипела в сердце, ничто теперь не могло остановить его порыва к мести, перекрыть ему дорогу к врагу. Слившись со штурмовиком, ринулся навстречу огню, забыв о звене. А ведомые не отставали от командира. Крушили все. что попадало под крыло; танки, зенитки, автомашины, склады. "Голубая линия" на продолжительном участке фронта пылала и дымила. Она походила не на голубую, а на огненную линию. Израсходовав боеприпасы, Сергей собрал группу и повернул на аэродром. Глубоко удрученный, он, пожалуй, впервые не чувствовал облегчения после боя. Непомерная тяжесть давила на плечи, невыносимая печаль заполонила душу - такая горькая потеря, не уберег любимицу полка.
На аэродроме под ногами качалась земля. Никого не хотел видеть, никому не смотрел в глаза.
В это время "Голубую линию" кромсала группа Василия Сивочуба. При сильном зенитном огне летчики трижды заходили на цели. Создали пять крупных очагов пожара, уничтожили батарею зенитной артиллерии. Не плохо, можно и домой поворачивать. Сивочуб, качнув крыльями, позвал ведомых за собой. Но вдруг его самолет вспыхнул, стал терять высоту. Парашютом Василий пренебрег - не захотел попасть в лапы фашистов. Он направил горящий штурмовик на скопление боевой техники врага. Прогремел мощный взрыв.

Группа вернулась на аэродром без ведущего. Думая о погибшем командире эскадрильи, летчики вспомнили и Женю Лаука, который первый в полку пошел на самопожертвование, как Николай Гастелло. Кто-то на память тихо прочел строчки из поэмы о Лауке, написанной полковым поэтом Николаем Баженовым:
Он сжал сильней штурвал в руке,
Он смотрит вниз... И вот пошел в последнее пике подбитый самолет...
В последнее пике пойдут и другие летчики полка. Не только каждый снаряд, каждую бомбу клали летчики-штурмовики в цель, но и себя бросали на алтарь победы.
Пятого мая, спустя два дня после гибели Вари и Василия, Сергею Красноперову вручили орден Боевого Красного Знамени, которым был награжден 25 апреля. Радость омрачилась потерей близких друзей. На краснодарскую квартиру приехал уставший, разбитый и грустный. Шура, женщина ласковая, доброжелательная, соорудила ужин. Пока она хлопотала по хозяйству, накрывала на стол, Сергей набросал домой кратенькое письмо: "5 мая 1943 года. Добрый день! Здравствуйте, мама и братья. Шлю привет. Сообщаю, что все идет нормально. Жив, здоров. Сегодня награжден 2-м орденом Боевого Красного Знамени.
До скорого свидания. С приветом Сергей Красноперов. Мой адрес: полевая почта 42139".
Шура, бросив взгляд на письмецо, попросила:
- Дай, припишу твоей маме еще пару слов.
Сергей протянул хозяйке листок бумаги. Шура написала: "Дорогая мамаша. Поздравляю Вас с награждением Вашего сына Сергея Леонидовича орденом и желаю Вам хорошего здоровья, вырастить и воспитать остальных Ваших детей-красноперииков, которые, я думаю, пойдут по стопам своего брата.
Пару слов о Сереже. Сережа жив, здоров... На него не обижайтесь, что мало пишет, нет времени, спешит поскорее изгнать врага с нашей земли и с победой возвратиться домой. И отомстить врагу за гибель наших мужей и детей, которых изверг растерзал во время оккупации нашего города. До свидания. Шура".
Пока она писала, Сергея сморил сон. Давали знать сумасшедшие штурмовки, сопряженные со смертельным риском.
Утром Шура опустила солдатской треугольник в почтовый ящик.
Гибель Вари переживали тяжело. Горевал командир полка Сергей Смирнов, любивший ее за женственность и смелость. Не скрывали горя штурман полка Иван Тимохович, учивший Варю вместе со Смирновым летному мастерству, комсорг
Саша Прохоров, комэск Корней Ефременко... Сергей Красноперов неудержимо рвался в небо, делая за день по три-четыре боевых вылета, за себя и, как бы, за Варю, с которой любил "прогуляться" по небесам. Он вносил в журнал одну запись за другой: "Штурмовал подходящие резервы противника по дороге станиц Крымская и Баканская" , " Тремя вылетами штурмовал войска и технику противника", "Уничтожал мотовойска западнее станицы Курганская..." За эффективные, дерзские штурмовки Сергею Красноперову восьмого мая, спустя всего две недели после приказа о награждении его орденом Боевого Красного Знамени, вручается еще одна награда. К ордену Отечественной войны второй степени летчика представил сам командующий Военно-Воздушными Силами Красной Армии Александр Новиков.
... Наземные войска прорывали оборону немцев в районе станицы Крымская. Штурмовая авиация помогала пехоте брать укрепления врага. Летчики, уходя в небо, наносили удары по объектам и вновь возвращались за боеприпасами. Продираться к целям приходилось сквозь шквальный огонь немецких зениток. Атака на вражеские позиции была тем более опаснее и рискованнее. Бросить бронированный штурмовик - "летающий танк" в пике, в атаку, положить точно в цель бомбу, снаряд, нередко в цель точечную, - дьявольски сложно, трудно. К тому же по нему ведется яростный огонь зенитной артиллерии, а рядом пасутся небезобидные "мессершмитты". Таких атак за день выпадает до двенадцати.
Смирнову докладывали об удачных атаках его орлов. Он же с тревогой в сердце наблюдал за приземлением, часто неровном, нервном, изрешеченных

штурмовиков. До такого состояния полк доводился редко. Еще несколько вылетов - и не останется ни одного исправного самолета. Командир полка отдал приказ:
- Прекратить полеты! Летчики облегченно вздохнули: на сегодня отвоевались, не осталось ни сил, ни запала.
Война, однако, не считалась с усталостью людей. Сергею Смирнову приказали направить к Крымской еще группу штурмовиков - следовало подавить замаскированные огневые точки противника, препятствовавшие продвижению пехоты вперед.
- Тимохович, - сказал Смирнов штурману полка, - собери исправные самолеты в одну группу.
Исправных штурмовиков оказалось всего двенадцать. Последняя надежда на них и на летчиков, которых отберут в полет. А впереди- неизвестность, попробуйка с воздуха распознать замаскированные доты и дзоты. Ситуация сложилась настолько серьезная, что Смирнов, командир с изрядным боевым опытом, поежился. Промашку бы не дать, приказ-то исходит от Новикова, о чем не преминул намекнуть комдив Рубанов.
- Василий Иванович, - задумчиво сказал Смирнов комиссару Ширанову, - отыщите Красноперова.
Вскоре Красноперов встал навытяжку перед Смирновым.
- Выручай, Сергей,- по-дружески сказал комполка, подойдя вплотную к летчику. - Извини, заездил тебя, но выхода нет. Поведешь последние исправные самолеты... Цели хорошо замаскированные... Какие есть предложения?
Сергей призадумался: без разведданных, без координат уничтожить замаскированные точки врага наобум трудно. Что же предпринять? Выход подсказал опыт, приобретенный в боях, особенно ночных. Смирнов, выслушав летчика, одобрил план, донельзя простой, не требующий длительной подготовки. Отпустив Красноперова с добрыми напутствиями и пожеланиями, он вышел на связь с пехотинцами и изложил суть задуманного. Смирнова поняли и обещали помочь летчикам.
Сергей, уйдя в небо с большой группой, волновался: задание ответственное и сложное, исполнят ли пехотинцы все задуманное вовремя, иначе фашисты раскусят замысел и не клюнут на удочку. Группа шла пеленгом - так удобнее и проще встречать огнем истребителей противника спереди и сзади, а еще - сподручнее сорваться в атаку и нанести удар по обширной территории, занятой врагом. До линии фронта оставались считанные минуты. Подал команду по радиосвязи:
- Приготовиться...
Штурмовики подтянулись, пошли на снижение, чтобы легче было засечь скрытые объекты. Пехотинцы, заметив ИЛы, бросились в ложную атаку. Вызвав огонь на себя, залегли. Летчики моментально засекли замаскированные огневые точки и сходу сорвались в атаку. Доты и дзоты поражались реактивными снарядами, бомбами, пушечным огнем. Все было задействовано, вплоть до стеклянных шариков с жидкостью "КС", выжигавшей любые укрытия. Штурмовики уничтожали не одни замаскированные доты и дзоты
- горели танки, автомашины, разваливались зенитки и орудия...
За мощной штурмовкой наблюдал командующий ВВС Красной Армии Александр Новиков. Рядом с ним находился командир 214-й штурмовой авиадивизии Степан Рубанов. В авиации, в небе Александр Александрович Новиков сумел сделать в годы войны не меньше того, что совершил Георгий Константинович Жуков на земле. Воздушные бойцы помогли войскам отстоять Москву, Ленинград, Сталинград. Крепя крылья страны, Новиков всегда находился там, где решалась судьба крупных сражений. Вот и на Северном Кавказе, являясь представителем Ставки, организовывал воздушное сопротивление отборным немецким эскадрам, принимал меры к эффективной поддержке наземных войск во время обороны и наступательных операций. Здесь Новиков собрал лучшие силы авиации. В небе Кубани сражался ас-истребитель Александр Покрышкин. С летчиками знаменитого 502-го авиаполка укрепления врага долбили асы 190-го и 622-го штурмовых авиаполков, а также женские авиационные полки легких ночных бомбардировщиков: 46-й и 125-й. Летчицы Марина Чечнева,

Евгения Рудакова, Екатерина Рябова, Марина Долина, Антонида Зубкова, Лариса Розанова, Вера Белик, Ольга Санфирова и Наталья Меклин, летавшие на ПО-2, стали Героями Советского Союза. На Кубани отчаянно дрался с фашистами летчик из Перми Георгий Сивков, удостоенный этого звания дважды...

Новиков, следя за действиями летчиков-штурмовиков, ничем не выдавал своих эмоций. Степан Рубанов недоумевал: почему, мол, командующий молчит, когда летчики такое вытворяют в небе? Уже и пехота пошла в наступление... Видя, что ни один немецкий дзот не открыл по наступающим частям огонь, Александр Александрович сказал Рубанову:

- Выясните, кто ведущий у этих орлов. - Он кивнул на небо, где кружили штурмовики.

Рубанов тут же ответил:

- Ведущий Сергей Красноперов, командир звена первой эскадрильи 502-го авиаполка.

Закончив штурмовку, Сергей не уводил группу домой, ждал, как условились с комполка, наступления пехоты - не придется ли добивать уцелевшие огневые точки.

Новиков, обратившись к Степану Рубанову, сказал:

- Ведущего награждаю орденом Отечественной войны второй степени. Остальных летчиков и воздушных стрелков сам представь к наградам.

- Будет исполнено, товарищ командующий...

Так на груди Красноперова появился этот орден высокой фронтовой пробы.

Весь май Сергей вел с товарищами штурмовку “Голубой линии“. Он исключительно точно, как свидетельствует документальная хроника полка, выходил на цели и поражал их кинжальным огнем.

Тридцатого мая 1943 года наступление наших войск на Кубани приостановили. Оборонительный рубеж - “Голубую линию“ - отдали на откуп авиации. Наступило кубанское лето.

Сергей, прибыв с аэродрома в Краснодар, на Тихую, набросал домой письмо: “4 июня 1943 года. Добрый день! Здравствуйте, мама, Вова, Юра, Боря, Ваня и Валечка. 2 июня получил от вас письмо. Я не получал от вас 7 месяцев писем. Вам с этим письмом высылаю справку, 22 марта я послал вам 1000 рублей, 14 мая послал 700 рублей и послал на 300 рублей аттестат, по которому вы будете получать каждый месяц по 300 рублей.

Мама, если что-нибудь потребуется, пишите. Это в отношение помощи. Ты учти, что я фронтовик, командир Красной Армии, летчик-орденоносец.

Пока все, до скорого свидания, ваш сын Сергей Красноперов“.

Откинувшись на спинку старого венского стула в доме Суховеевой, прикрыл глаза. Мама... Какой она стала? Так давно не виделся с нею! А братья, сестренка? Подросли, поди, здорово. Подумав о братишках, вспомнил день испытания парашюта собственной конструкции. Соорудил его из полога, служившего одеялом для ребятни, спавшей на полу вповалку.

Была зима. С дружком Федей Деревянных Сергей заявился домой из школы. Снял с печи парашют, где полог подсыхал, чтоб полегче весил, и облачился в “летную“ форму. Братья Юра и Витя выскочили во двор. Юрка сообщил приятелям, что Сергей надевает “парасют" и сейчас прыгнет с высокого сарая. Во дворе Сергей покорил пацанов неземным одеянием. Шапка-ушанка, подвязанная под подбородок, плотно облегала голову и походила на шлемофон. На шлемофоне поблескивала кокарда замысловатой формы. К ремню с желтой пряжкой тянулись стропы парашюта. Штаны, натянутые поверх валенок, казались частью летного обмундирования. На спине, как ранец, торчал сам парашют. Ловко забравшись на пологую крышу высокого сарая, разобрался с бечевками-стропами. Сильно наклонившись, резко рванул к краю крыши, давая возможность пологу наполниться воздухом. На земле замерли стар и млад: "Разобьется парень! Оттолкнувшись от козырька навеса, Сергей камнем полетел вниз, грохнулся на утоптанный во дворе снег. Полог накрыл его с головой. Толпа бросилась к нему. Первым успел Федя, но Сергей сам выбрался из-под полога и смущенно сказал: “Высота мала, и парашют не совершенный, нет нужного материала..."

Открыв глаза Сергей вздохнул. Давно все было, давно. Он бегло пробежал написанное и свернул листок треугольников. Написал письмо и Любе. Раздевшись, лег спать.
Утром он проснулся от первых лучей солнца, коснувшихся его лица. Так же вот однажды в Чернушке игривые лучи разбудили Сергея, прибывшего из Сарапула на летние каникулы.
... На улице не мычали коровы. Видно, пастухи угнали буренок на пастбище. Проспал, знать, зорьку. Потянулся -славно спится дома. Во дворе квохтали куры, перекликались ближние и дальние петухи. Нет, не спекло еще солнце утренних хлопот. По избе разносился запах вкусной стряпни - мама старалась для гостя. Он выскочил за порог. Побегав по стадиону, вернулся во двор. За гимнастическими упражнениями его застал проснувшийся Юрка. "Что делаешь?" -спросил, шмыгнув носом. "За-ряд-ку", - ответил, не сбивая дыхания. Юрка из любопытства тоже помахал руками, попрыгал. Отдуваясь, поинтересовался: "А на речку купаться пойдем?" На Стреж он идти отказался, надумал в заготконторе поработать, а для речки - воскресение.
В конторе его встретили радушно. Павел Лыкасов воскликнул: "Теперь ты, Сергей, учи нас уму-разуму!". Коллеги подтвердили: не новичок уже, имеет кое-какой опыт, позади - курс техникума. И верно, ему удалось-таки обнаружить в счетах ошибки.
В первое же воскресенье собрал ребят, пошли купаться. Вода у берега кипела от барахтающихся в ней мальчишек и девчонок. Сергей отплыл подальше, лег на спину, пошевеливая раскинутыми руками, смотрел на легкие облака в голубизне неба... Вопли Юрки, разнесшиеся над Стрежом, заставили выскочить на берег. За Юркой гнался жирный гусак. Сергей бросился навстречу и встал между ними. Гусь, не ожидавший отпора, уперся лапами в землю, во всю ширь раскинув крылья, и, не переставая шипеть, отступил к стае. Сергей заглянул в Юркины глаза. "Испугался? - спросил, обняв братишку. - Запомни, Юра, бегают за слабыми, а ты повернись лицом к опасности и дай отпор". - "Ага, а если бык на тебя попрет, - спросил Юрка, - как ему отпор дашь?" Сергей рассмеялся. "Тогда нужно маневр сделать, - ответил он, присев перед мальчишкой, - отступить, увернуться, но без паники. Понял?" - "Ага", - Юрка припустил к пацанам, прыгая то на одной, то на другой ноге...
... Вставать не хотелось. Сладкие воспоминания совсем разнежили Сергея. Да, то было чудное, безмятежное время, когда на тебя нападали лишь гуси, бодливые козы да драчливые петухи!...
В двери постучала Шура:
- Сережа, не заболел? Припозднился чуток, вставай.
"Как мама будит", - подумалось Сергею. Он вскочил с постели, оделся и, попрощавшись с хозяйкой, припустил к месту сбора летчиков. Успел тютелька в тютельку, чуть за бортом грузовичка не остался. Прибыв в часть, отправил письма на родину.
А Сашка Прохоров тут как тут, словно ночь поджидал.
- Летим, Саша, летим, - напористо с подъемом сказал Сергей, опережая комсорга, собиравшегося напросится в полет.
Они вылетели на свободную охоту в район Анапы. День выдался обычный: солнечный, жаркий. Сергей высматривал на земле технику, склады, оборонительные укрепления. Взорвал реактивным снарядом склад с горючим. Вторым снарядом разнес орудие. Круто развернувшись, вышел к морю и полетел вдоль побережья, надеясь встретить плавсредства врага.
- Саша, - крикнул Сергей в переговорное устройство воздушному стрелку, - фрицы загорают, на песочке греются, гады!
Прохоров, зорко следивший за воздухом, глянул вниз. На длинной песчанной косе негде было яблоку упасть. Фашисты купались, загорали. В отсутствии активных боевых действий они чувствовали себя, как в санатории.
- Поможем им загореть, - хмыкнул комсорг.
Красноперов бросил самолет к пляжу, где начиналась паника. Бомбы подняли вверх султаны воды и песка. Выйдя из пике, Сергей на бреющем прошелся над пляжем.

- На том свете загорайте, - приговаривал Красноперов, поддавая свинцового дождя, - мы вас к себе не звали...
Перепахав пляж, Сергей набрал высоту. Он всматривался в необозримую ширь моря. На бирюзовой глади то тут, то там всплескивали бурунчики. Ему не доводилось плавать в Черном море. В Чернушке купался в речках Танып да Стреж. Каму в Сарапуле переплывал на спор с Зиновьевым в самом широком месте.
Анапский пляж остался далеко внизу. Накалил он его с Прохоровым покрепче солнца. Оставшиеся в живых фашисты надолго запомнят этот жгучий песочек. Качнув крыльями, Сергей попрощался с морем. Эх, окунуться бы сейчас с головой в воду, до посинения, до озноба накупаться, как в детстве! Нет, не в море, а в извилистой, кроткой речке Стреж или в привольной, могучей Каме. На родине.
При взломе “Голубой линии‟ на глазах Красноперова загорелись самолеты Героя Советского Союза Григория Кочергина и Михаила Минаева. Оба выпрыгнули с парашютами над горной местностью, занятой немцами. Потянулись томительные дни ожидания - вернутся ли? В полку дорожили летчиками, каждый был на счету, ведь боевой работы прибавлялось и прибавлялось. Кстати вернулся из санатория в июльские дни Борис Золотухин, кругленький, без следов болезней. Встретили здоровяка дружескими тумаками, шут-ками-прибаутками.
- Золотой, немцы по тебе соскучились. Слетай на "Голубую", поздороваися.
- Хоть сеичас...
Однако командир полка, комиссар Ширанов, штурман Тимохович не спешили выпускать Золотухина "здороваться" с немцами. Пришлось Борису полетать на учебном самолете. Он лишь с завистью поглядывал на Красноперова, уводившего звено ввысь. О подвигах уральского парня ему доводилось читать в газетах, письмах, приходивших в Ессентуки, где лечился и отдыхал. И в полку на каждом шагу о Блондине толкуют. Здоровая зависть помогла Золотухину быстро войти в боевую форму. О первых полетах Золотого после выздоровления бывший участник боев на Тамани Марк Черп рассказывает так: Убедившись, что летчики поняли задание, Смирнов обвел строй внимательным взглядом.
- Ведущим я назначил самого молодого, но опытного боевого офицера - младшего лейтенанта Золотухина...
- К самолетам! - скомандовал Золотухин.
Взревели моторы. Первым от взлетной полосы оторвался командир группы. Восемнадцать боевых машин легли на заданный курс...
Показались вражеские огневые позиции. Ведущий развернул свою машину и приказал:
- За мной!
На врага обрушились бомбы, пушечные и реактивные снаряды, пулеметные очереди. Во время боя ведущий обратил внимание на копны, торчащие в открытом поле в стороне от артиллерийских огневых позиций.
Стройные, аккуратно причесанные, они показались ему подозрительными. Не раздумывая долго, он повернул машину к полю, послал в ближайшую копну реактивный снаряд. Солома загорелась, повалили черные клубы дыма, потяну-лись темно-красные языки огня. Это заполыхало горючее. “Стало быть, копны - маскировка", - и Золотухин приказал первой шестерке расстрелять остальные соломенные укрытия...”

Приземлившись на аэродроме, Золотухин резко выбрался, из кабины, энергично похлопал рукой по крылу штурмовика и восторженно вымолвил: "Так держать, дружище!". До-ложив Смирнову о выполнен-ном задании, он, выходя из штаба, столкнулся с командиром первой эскадрильи Ефременко.
- Фрицам привет передал?
- Самый горячий, и гостинцев не пожалел.
Разошлись, улыбаясь. Смотрит Золотухин, а навстречу Красноперов идет. Наигранно поклонились друг другу.
- Привет, Золотой!

- Привет, Блондин!
- Вернулся? - спросил Сергей. - А я улетаю.
- Ага, вернулся, того и тебе желаю...

Да, на земле оставались друзья, ждавшие каждого, кто летел на штурмовку, к смертельной опасности. Иногда ждали очень долго. Григория Кочергина, сбитого фашистами над горной местностью, в полку дождались на третьи сутки. В горах он искал Минаева, выпрыгнувшего с парашютом почти одновременно с ним, но тщетно. Вот фашистов, рыскавших с собаками, издали видел. Ему-то, Кочергину, повезло, избежал встречи с овчарками, а повезет ли Мише. Пронесет, поди, тогда не сегодня-завтра тоже вернется в полк.

Занимался погожий день. Под крылом самолета Золотухина летчики перед вылетом травили побасенки, поминутно раздавались взрывы смеха. Неистово гоготал Отарий Чечелашвили, худощавый, среднего роста грузин, с черными усиками; слышались задиристые восклицания воздушного стрелка Володи Зорина: “Ой, не могу, откатываюсь в аут!” или :"Бац и - мимо!". В этом гомоне выделялся чистый звонкий голос Сергея Красноперова.

- Кому на фронте, братцы, легче всего? - спросил он развеселившихся друзей.
- Повару, - мгновенно среагировал Баюков.
- По-пу-у, - разочарованно протянул Сергей.
- Где ты на фронте попов нашел? - прыснул Зорин.
- Я и говорю: легче на фронте тем, кого на нем нет.
- Замисловато, кацо,- отозвался Чечелашвили. Он вдруг вскочил на ноги, выхватил пистолет и помчался по аэродрому.
- Заяц! - вскрикнул Зорин, заметив скачущего впереди Отария ушастика. - Смотрите - заяц!

Прозвучало несколько выстрелов. Чечелашвили наклонился к земле, поднял трофей над головой, выказывая азарт истого охотника. Вернувшись с добычей, цокнул языком:

- Жаркое буде - е - т - во!
- Охота по-чечелашвильски, - пошутил Красноперов, - ну, держитесь, косые!
- Хлопцы, есть идея, - Сергей Баюков хлопнул себя по лбу ладонью, - а что если этого зайца фрицам подкинуть? Пусть удирают, пока не поздно. Поймут намек-то.
- Ультиматум, стало быть, пошлем, - уточнил Золотухин, - давайте текст сочиним. Отарий, не против лишиться жаркого?
- Не против, дарагой,- Чечелашвили сунул пистолет в кобуру.

Баюков, покружив вокруг, отыскал небольшую дощечку. Почистил ножом, и, достав ручку, задумался. И вот веснушчатое, вспотевшее лицо расплылось насмешливой улыбкой. Он склонился над доской и старательно нацарапал:

Не соизволите убраться
-Судьбу схлопочете вы зайца!

- Здорово! - засмеялись летчики, хлопая Баюкова по плечу. А он, довольный, накрепко прикручивал косого проволокой к доске.
- Кому доверим доставить ультиматум фрицам? - услышал Красноперов голос Володи Зорина.
- Золотому, - предложил Баюков.

Звено Бориса Золотухина ушло в синеву неба. Летчиков, летевших к передовому краю и оставшихся на земле, разбирало любопытство: как-то фашисты воспримут экзотический подарочек?

Появившись над позициями противника, Борис, открыв фонарь, выбросил зайца за борт. Звено сделало круг, дав возможность немцам ознакомиться с "ультиматумом". Ответа долго ждать не пришлось. Фашисты, увидев дохлого зайца, поняли красноречивый намек русских летчиков и взбеленившись, открыли по штурмовикам стрельбу из всех видов оружия.

- Заело, сволочи! - Борис, выругавшись, повел друзей в атаку.

Спасаясь от ураганного огня, немцы бросали боевую технику. Накренившиеся зенитные установки, горящие автомашины, склады свидетельствовали о том,

что "воздушный ультиматум", не принятый противником, был подтвержден конкретными действиями.
На земле Сергей Красноперов, узнав от небесных парламентеров об итогах "визита" к неприятелю, крепко пожал руку Золотому.
- Диплома-а-т, - пошутил он, - быть тебе, Боря, послом после войны.
Сергея Красноперова и Бориса Золотухина роднила... конница. И Борис "пас" тот же 4-й Кубанский кавалерийский казачий корпус генерал-лейтенанта Кириченко, который охранял Сергей под Сталинградом. Когда на Сталинградском фронте танковые бригады противника заварили густую кашу, а наших летчиков-штурмовиков, в том числе Красноперова, бросили на их уничтожение и создание воздушного "котла", конники Николая Кириченко подались к Краснодару. Здесь и свела судьба Бориса Золотухина с конницей. Однажды помог кавалеристам взять высоту. Причем в том бою пришлось подменить ведущего Василия Скрипина, вынужденного пойти на посадку из-за внезапно забарахлившего двигателя. Тогда-то в летной книжке Золотого появилась благодарность комкора Кириченко. Это было его первое поощрение, полученное на фронте. От него же, Кириченко, и Красноперов получил первую награду - именные часы. Вот такие, почти одинаковые, коллизии просматривались в судьбах Сергея и Бориса. Впрочем, заоблачными "пастухами" конников были и другие молодые летчики 502-го авиаполка.
В июле и августе Сергей Красноперов взламывал с боевыми друзьями оборонительные укрепления "Голубой линии". Мастер штурмовых ударов с неба, он по-прежнему неудержимо рвался в бой. Что ни вылет - то ощутимый удар по врагу. Его штурмовик начали узнавать и наземные части противника.
- В небе - Красный, рот-рот!
Немцы прятались в укрытия. Застигнутые врасплох, они били только по нему, ведущему.
Командир авиаполка подполковник Сергей Смирнов /его повысили в звании/, высоко ценя мастерство Красноперова на шутурмовке и в воздушных боях, заполнил на него 25 августа 1943 года наградной лист. В графе "Краткое изложение личного боевого подвига или заслуг" написал: "... Зарекомендовал себя храбрым, мужественным и отважным летчиком-штурмовиком. За отличную боевую работу имеет четыре благодарности от командира полка и эскадрильи...
Тов. Красноперов за особо 45 эффективных штурмовых вылетов по уничтожению войск и техники противника, сделанных за период с 15.11.42 года по 8.05.43 года, награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени, Красной Звезды и Отечественной войны 11 степени..."
Описывая боевые действия Сергея Красноперова, командир полка подробно раскрыл ряд героических эпизодов из последних штурмовок: "12.08.43 года. Раном утром, на рассвете, летая парой охотников, он проявил исключительное мастерство и военную хитрость. Используя складки местности, внезапно появлялся над вражескими позициями и, находя цель, расстреливал ее. В населенном пункте Варенниковская, штурмуя скопление войск, взорвал склад с боеприпасами, по дороге от Варенниковской взорвал мост, подорвал одну точку ЗА и, не имея повреждения, возвратился на свой аэродром.
13.08.43 года. Получив задание на свободный полет в паре, он, будучи ведущим, открыто на бреющем полете появлялся там, где противник не ожидал. Зайдя глубоко в тыл, он по дороге расстреливал автомашины, атаковал скопление войск и самоходную баржу, с которой происходила выгрузка боеприпасов и вооружения. В результате смелых, дерзских и внезапных налетов он наносил большой урон противнику и создавал панику его войскам. В этом полете им уничтожено: автомашин - 2, потоплена одна баржа. На обратном маршруте они были встречены парой истребителей противника. В результате проведенного воздушного боя оба истребителя были сбиты воздушными стрелками. Такие героические подвиги тов. Красноперова повторяются в каждом боевом вылете.
Эффективность боевых вылетов по штурмовке войск и техники подтверждаются командованием наземных войск в районе действия и прикрывающими летчиками-

истребителями. Летчики его звена стали мастерами штурмового дела. Звено сколочено и занимает ведущее место.
Самые трудные и ответственные задания командование-всегда поручает ему, надеясь, что он, как пламенный патриот Родины, выполнит их с честью. Своими героическими подвигами он создал себе славу, пользуется заслуженным боевым авторитетом среди личного состава полка.
За героические подвиги, отвагу, мужество, бесстрашие, проявленные в борьбе с немецкими оккупантами, Красноперов достоин высшей правительственной награды - звания Героя Советского Союза ".
Смирнов направил наградной лист командиру 214-й штурмовой авиационной дивизии Степану Рубанову. Комдив поставил под ним свою подпись пятого сентября. Далее, по инстанции, наградной лист ушел в штаб 4-й воздушной армии, к Вершинину.
Сергей Красноперов с однополчанами продолжал крушить "Голубую линию". Летчики-штурмовики помогали наземным войскам, вновь перешедшим к активным боевым действиям, брать опорные узлы сопротивления. В ночь на десятое сентября наши войска пошли на штурм Новороссийска и взяли город на шестые сутки. Не удержавшись на "Голубой линии", противник откатывался к Керченскому проливу, на полуостров. Штурмовики в пух и прах разносили плавсредства врага. За один день, 23 сентября, они уничтожили в Керченском проливе десять десантных барж и три катера. Две баржи потопил Сергей Красноперов.
На следующий день, 24 сентября, командующий 4-й воздушной армии генерал-лейтенант авиации Константин Вершинин взял в руки наградной лист на Красноперова и наискосок в верхнем углу написал: "Достоин присвоения звания "Герой Советского Союза". Такое же заключение 28 сентября дал командующий Северо-Кавказским фронтом Иван Петров, видный полководец.

Воздушные братишки Тамани

Тамань... Со школьных лет этот городок запал Сергею в сердце по запискам Печорина из повести Лермонтова "Герой нашего времени". Самый ли он скверный городишка из всех приморских городов России, где Печорин чуть не умер с голода и где его вдобавок ко всему хотели утопить, - Красноперов сказать не мог. Сам по нему не бродил, а с высоты трудно судить о городе, оккупированном немцами. Но то, что и его, Сергея, хотели здесь сбить и утопить вместе с самолетом в море - соответствовало действительности.
Со второй половины сентября Сергей Красноперов изо дня в день летал к Тамани, громил пригородную линию обороны, топил плавсредства. Двадцать девятого числа Сергей завел со звеном вокруг Тамани смертельный хоровод. Сперва атаковали порт, устроили пожар и потопили баржу. Выйдя из атаки, на бреющем пронеслись над укреплениями врага, потряся противника бомбовым ударом. Набрав высоту, снова ударили по порту, подожгли катер, спешивший причалить к берегу. Сохранившиеся зенитки береговой охраны сосредоточили огонь по ведущему, по Сергею.
Немецкие зенитчики и летчики-истребители, понимал Сергей, были куда коварней той ловкой, обольстительной контрабандистки, которая заманила Печорина, не умеющего плавать, в лодку. С ними ухо держи востро, не дай обвести себя вокруг пальца, сумей сам заманить врага в ловушку. Сейчас на его дерзкое, назойливое звено науськают "мессеров" без прикрытия, мол, летают "горбатые". Пошлют не стаю, так около десятка, примерно. И обожгутся. У него, Сергея, кое-что есть в запасе. Глянул на часы: время терпит, еще на кружок хватит. Он повел ребят на третий заход. Только вышли из атаки - "мессеры" тут как тут. Узнали штурмовик Красного. Сергей, занимая круговую оборону, поглядывал в сторону наших позиций, словно поджидал кого-то. В небе, однако, не виднелось ни точечки.
"Ничего, продержимся, - сказал Красноперов ведомым по радиосвязи и воскликнул: - Летят!" Летели истребители прикрытия. Так все задумали, и расчеты совпали почти идеально.
Немецкие летчики, ошарашенные случившимся, ничего не поняли. Кто-то их дезинформировал, бросил малочисленную группу против мощной силы. Они не

могли предположить, что виновником дезинформации был все тот же Красный, ведущий штурмовиков и круживший рядом с ними над Таманью.
Девять русских истребителей неслись в атаку на "мессеров". Те, выпустив пулеметные очереди по "горбатым" и в летевших навстречу "ястребков" взмыли ввысь. "Ястребки" достигли их и изрядно потрепали.
Немцы несли колоссальные потери от звена Красноперова, а также от звеньев и групп, ведомых Ефременко, Тюковым, Корниловым, Золотухиным... К тому же фашистов долбили бомбардировщики, артиллеристы. Оборонительные укрепления немцев трещали по всем швам и разваливались.
Третьего октября русским войскам удалось освободить Тамань. Предстояло очистить от захватчиков весь Таманский полуостров. Освобождение полуострова от фашистов создавало благополучные условия для ударов по Крымской группировке врага с моря и через Керченский пролив. Туда, в Керчь и Крым, немцы бежали с Таманского полуострова. А им мешали удирать летчики-смирновцы.

Шестого октября Сергей Красноперов, вылетев на свободную охоту, потопил катер и баржу. Утром седьмого октября у мыса Литвинова появилось звено Бориса Золотухина. Оно удачно вышло на пять самоходных барж, набитых до отказа пехотой и вооружением. Тяжелые неповоротливые баржи оказались беспомощными перед штурмовиками. Летчики потопили их в считанные минуты. На бреющем расстреливали тех, кто пытался вплавь добраться до берега. Жестоко? Конечно. Но они, Золотухин, Красноперов, Баюков, Чечелашвили, Зорин еще летом в "воздушном ультиматуме" просили неприятелей уносить ноги с их земли. Не послушались, так пускай пеняют на себя. На обратном пути Золотой атаковал двадцать автомашин. Груженые техникой и пехотой, они тянулись к переправе. Штурмовики вздыбили переправу, уничтожили половину автомашин, побили много солдат и офицеров.
Таманский полуостров полностью очистили от фашистов к девятому октября. В тот день в небо поднялся весь полк. Он взял курс на косу Чушко. Сергей, летя рядом с Ефременко, ликовал. Боевой вылет походил скорее всего на парадный. Пахнуло запахом победы. А ведь совсем недавно над косой Чушко, в безбрежной синеве, буйствовали смерчи, закрученные "мессерами", зенитками, пытавшимися укоротить, спалить крылья штурмовикам. Здесь при выполнении фигуры высшего пилотажа был подбит в бою самолет Михаила Корнилова. Он умудрился из очень Неудобного, трудного положения покинуть штурмовик, совершить затяжной прыжок с парашютом и спастись. Немыслимые "коленца" выкидывали в небе боевые товарищи Сергея Красноперова. Корнилов летел поблизости и вспоминал, наверное, тот случай, довольно редкостный в боевой практике.
Сбросив бомбы на остатки убегавших с Таманского полуострова немецких частей, полк вернулся на аэродром. На земле Сергея Красноперова и его друзей обрадовала приятная весть: за освобождение Тамани и Таманского полуострова 502-му авиаполку, внесшему наибольший вклад в разгром вражеской группировки, присвоено наименование "Таманский".
На общем построении Сергей Смирнов, поздравив личный состав полка с важным событием, произнес:
- Ура, таманцы!
- Ура, ура, ура-а-а!
В эскадрильях царило праздничное настроение. Старшина Николаи Баженов, поэт и полковой писарь, взялся за перо, захотелось написать песню о летчиках-таманцах. В суете сует о его намерении забыли. Забот привалило! Тьма-тьмущая! Полк перебрался в Тихорецк. Принимал пополнение. Летчики с Сергеем Красноперовым отправились в Куибышев за новыми самолетами. В октябре и первой половине ноября таманцы закончили переформировку полка и перебазировались на освобожденный Таманский полуостров. Боевые действия повели с аэродрома, устроенного в лимане Кизилташский, изрядно высохшем.
Сергей жил теперь в землянке. О былых удобствах остались одни воспоминания. Зато под боком всегда самолет. А боевой работы опять навалилось невпроворот. С первого ноября войска Северо-Кавказского фронта

во взаимодействии с кораблями Черноморского флота и Азовской флотилии начали Керченскую операцию. Десантирование бойцов 18-й армии из-за штормовой погоды проходило сложно. Воины 318-й Новороссийской стрелковой дивизии с батальоном морской пехоты высадили десант около рыбацкого поселка Эльтиген. Он закрепился на небольшой полоске берега, названной огненной землей. Его усилия по расширению плацдарма поддерживали с воздуха летчики 502-го, 190-го и 622-го штурмовых авиаполков.
Сергей Красноперов с Владимиром Кирсановым, Михаилом Корниловым, Вадимом Комендантом, Львом Рощиным и другими летчиками-штурмовиками не позволяли фашистам сбросить десантников с “огненной земли".
Немцы нервничали. Опасный плацдарм русских мог в любой момент прирасти, а потому его следовало побыстрей ликвидировать. И немецкое командование подготовило операцию по уничтожению десанта. Начать контратаку планировало головной ударной механизированной группировкой в центр десантированных частей, чтобы расчленить их и, ударив одновременно с флангов, полностью разгромить. О замыслах немцев десантники вызнали от захваченного ими "языка".
Сорвать планы фашистов по уничтожению десанта командир авиадивизии Степан Рубанов поручил опять-таки 502-му авиаполку.
Комполка Смирнов ответственное задание доверил выполнить звену Красноперова.
- Не подведи, Сергей, - сказал летчику командир полка, хранивший до поры до времени в тайне новость о представлении его к званию Героя.
Веря в Красноперова, Смирнов все же на сей раз подстраховался дублирующим звеном. Оно вылетело тремя минутами позже. На "огненной земле" решалась судьба десанта, дальнейшего наступления русских войск на этом участке фронта, и предусмотрительность не мешала.
Хмурое осеннее утро не предвещало ничего радужного, наводило уныние. Сергей по собственному настроению знал
душевное состояние товарищей, летевших, конечно же, не на пикник, а на побоище. И по обыкновению он скаламбурил по радио:
- Эй, соколы, не проскочить бы фрицев около...
- Не проскочим, - отозвался за всех Лева Брутт, - не позволят.
Значит, ребята настороже. Сергей и сам до предела сосредоточился. Это не свободная охота, где отвечаешь лишь за себя и волен поступать так, как хочется. Перед ним лежал обозначенный курс. Он распоряжался грозной силой в восемнадцать штурмовиков, способных сравнять, выжечь, разрушить на земле все, что попадется под крыло в указанной точке боевого курса. Если даже фашисты в назначенный час по какой-то причине отменят операцию, они, летчики-штурмовики, нанесут им упреждающий удар, после которого не скоро очухаются.
Операция, однако, началась вовремя. Вон она, головная ударная бронированная группировка врага. Устремилась к берегу пролива. За танками бежали автоматчики. Эта силища на полной скорости готова прошить десант, разметать по флангам, зажать в два кольца и ... Но не бывать тому. Сергей, качнув крыльями, повел друзей на штурмовку атакующих фашистов. Перед пикированием успел передать ведущему истребителей сопровождения, что справа замаячили “мессеры”.
- Сам вижу, - огрызнулся тот, - крой фрицев, в обиду не дадим!
Контратака с неба ошеломила фашистов неожиданностью и мощью огня. На них обрушились бомбы, пушечные, реактивные снаряды, хлынул свинцовый ливень. Огня немцам поддали и морские пехотинцы. Танки, бронированные машины горели. Уцелевшие развернулись, поползли назад. Прочь драпанули и автоматчики. Дублирующее звено, подлетевшее к "огненной земле" по приказу Красноперова начало преследовать отступающих фашистов, а он, Сергей, взялся за обработку флангов противника. Заход, еше заход, пике, еще пике... Порцию за порцией огня отваливал он с друзьями неприятелю. И на флангах немцы бросились наутек.
"Мессеры" впрямь не мешали летчикам-штурмовикам вести бой. Наши "ястребки", захватившие в небе инициативу, колошматили их в хвост и в гриву.

Убедившись в полном разгроме наступающей группировки противника, Сергей собрал звено и, качнув на прощание крыльями морским пехотинцам-десантникам, взял курс на свой аэродром. Радист десантников, сообщая на "большую землю " о результатах боя штурмовиков, отстучал, не сдержав эмоций: "Обнимаем воздушных братишек!".

Понеся приличные потери, фашисты не смогли продолжить операцию. План расчленения и ликвидации десанта потерпел крах.
Получив подробные сведения о действиях штурмовиков, Рубанов связался со Смирновым.
- Поздравляю с успехом, - сказал комдив, - штурмовка завидная. Красноперов летал?
- Так точно.
- Не зря мы его к званию Героя представили, - голос Степана Рубанова размяк от доброты. - Не случилось бы осечки в Москве...
Оба знали: осечки, на беду, бывали. Сегодня - герой, завтра - под конвой. Капитан Минаев, сбитый более полугода назад, нежданно-негаданно объявился в полку. Михаила уже считала погибшим, столь продолжительное время еще никто в части не отсутствовал. Он намного побил "рекорд" Золотухина.
- Молодец, чертяка!
- Думали, крышка тебе...
Однополчане обнимали обросшего, отощавшего летчика. Однако радость их была недолгой. Капитана взяли под стражу. В особом отделе Минаева допрашивали с пристрастием, не веря ни одному слову.
- Выпрыгнув с парашютом, я закопал в горах документы, - твердил следователям Михаил, - и стал пробираться к своим. Меня на второй день сонным схватили фашисты, преследовавшие с собаками.
- Как ты освободился?
- Я сидел в двух тюрьмах. Сбежал с матросом во время работы.
- Где матрос?
- Мы с ним расстались.
- Говоришь, документы в горах закопал?
- Так точно.
- Ты не солдат, а последственный, отвечай: "да" или "нет".
-Да.
- Проверим, как ты ловко врешь, - сказали Минаеву. -Поедем за документами.
К тому времени местность, прежде занятая немцами, была очищена от них. Поехали. Капитан в дороге молил Бога, чтобы документы оказались на месте. А вдруг их обнаружили ищейки, и фашисты откопали тайник? Тогда, считай, пропал. Особисты, видя как он переживает, усмехались, предвкушая разоблачение летчика.

Приехали. Минаев осмотрелся : кажется, здесь. Полезли в горы. Михаил метался с одной ровной площадки на другую, отыскивая ту, на которую приземлился полгода назад, и не мог найти.
- Позабыл, честное слово, - подавленный, он озирался вокруг, как затравленный зверь.
- Не морочь нам голову! - особисты достали пистолеты, боясь побега арестованного. - Твои документы в абвере. Верно?
Минаев отрицательно мотнул головой. Обессилев, опустился на камень. Не верят! Как же быть?
- Все, едем назад? - спросили следователи.
- Нет-нет, - испугался капитан, вскочив на ноги.
Один из следователей, посмотрев на часы, сказал:
- Даем еще двадцать минут, ищи.
Михаил с новой энергией занялся поиском спасительной площадки. Он понимал, что без документов ему не выкарабкаться из этой истории. Когда Минаев наткнулся на кучу валежника, лицо его озарилось надеждой. Бросился разбрасывать сучья.

- Нашел! - воскликнул он, вытаскивая из-под валежника парашют. Тут же принялся разгребать землю руками и вытащил сверток с документами. - А вы не верили!
Глаза Минаева, полные слез, сияли от радости. Нашел! Нашел! Теперь все будет хорошо, ему вернут честное имя, дадут самолет. Всю обратную дорогу он был весел, вел себя с попутчиками свободно, смеялся, балагурил. В части, однако, капитана осадили:
- Документы - не главное... За полгода тебя могли завербовать немцы...
Глаза Минаева потухли. Отчаявшись, взмолился:
- На коленях умоляю: дайте самолет, в бою докажу преданность Родине.
В конце концов Михаилу разрешили летать, но ставили в середину паленга. Членам экипажей втихаря советовали следить за ним в воздухе, и если что-либо покажется в его действиях подозрительным - расстрелять. Капитан знал об этом от товарищей и сильно переживал. Находиться под прицелом своих - пострашней, чем идти на штурмовку цели, когда по тебе открывают шквальный огонь вражеские зенитные батареи. Михаилу сочувствовали летчики. Его морально поддерживали и Красноперов с Золотухиным, которые сами выбирались с территорий, занятых врагом. Поддерживали скрытно, осторожно, иначе дважды два попадешь в немилость особистов, навлечешь на себя подозрения.

Капитан Минаев повоевал в полку после случившейся истории всего месяц.
- Вы отзываетесь с фронта в распоряжение авиазавода. -сказали бедолаге прибывшие в штаб полка неизвестные ему начальники, - будете летчиком-испытателем...
С тех пор связь с Михаилом Минаевым оборвалась. Он никому не писал ни в годы войны, ни в мирное время, а, может, жил без права переписки. Если жил... Из такого "штопора" живыми выходили редко.
Полковой писарь Николай Баженов, дождавшись приземления Красноперова, попросил заглянуть к нему в землянку. Сергей согласился. В землянке сидел механик Саша Серебряков и наигрывал незнакомую мелодию.
- Песню сочинили о летчиках-таманцах, - сказал Баженов. - Исполни ее для ребят. Разучат - запоют.
Он не отказался, хотя в последние дни смертельно уставал. Шли бои за Керченский плацдарм, приходилось поддерживать высадку десантов в районе поселка Эльтиген 18-й армии и бойцов 53-й армии, десантировавшихся севернее Керчи. Немцы злы. Затравленные, они огрызаются, не жалея снаря-дов.
Сергей прочитал стихи, послушал Сашину гармошку и запел:
Эти дни забудутся не сразу.
Будем помнить долгие года,
Как рвалась к предгориям Кавказа
Из степей фашистская орда.
Жгла станицы, танками топтала
На Кубани спелые хлеба.
В эти дни тревожные решалась
Нашей славной Родины судьба.
И всюду били злого,
Коварного врага
Штурмовики 502-го
Геройского полка.
Задыхались степи едким дымом,
Был наш враг коварен и жесток.
Но ему стеной неодолимой
Мы пути закрыли на восток.
Поднимались в воздух наши ИЛы,
Штурмовали край передовой.
Заросли фашистские могилы
На Кубани горькою травой.
Умело били злого,

Коварного врага
Штурмовики 502-го
Таманского полка...

"Песня таманцев" пришлась Красноперову по душе. Мысли и чувства, выраженные в ней, были созвучны его настроению. Он пел о своих боевых товарищах, о самом себе, о тех, кто уже никогда не поднимется в небо. За время боев на Кубани в полк с боевых заданий не вернулись двадцать экипажей. Погибли: Варя Ляшенко, Григорий Кочергин, Василий Сивочуб, Михай Слепченко, Борис Щеголев, Евгений Крылов, Петр Муравьев, Евгений Ильин... Это - летчики. Вместе с ними погибли воздушные стрелки: Дмитрий Кнуров, Виктор Терех, Василий Проскурин, Евгений Федоров, Иван Гусев, Петр Березнев... За их гибель фашисты дорого заплатили. Полком при освобождении Кубани и Тамани уничтожено: пехоты - до 6300 человек, танков - более 220, автомашин - 680, железнодорожных вагонов - 30, паровозов - 2, артиллерийских орудий - 202, повозок - 327, складов с боеприпасами и горючим - 60, истреблено немало самолетов, катеров и барж, другой техники.

Среди оставшихся в живых "воздушных братишек" Тамани особо отличились летчики: Лев Брутт, Борис Золотухин, Антон Сетько, Иван Тимохович, Корней Ефременко, Дмитрий Луговской, Владимир Тюков, а также стрелки: Александр Прохоров, Владимир Зорин, Петр Таток, Василий Табанец, Алексей Антонов... Всех разве перечислишь. И уж, конечно, не отстал от "воздушных братишек" Сергей Красноперов, один из лучших летчиков-штурмовиков Северо-Кавказского фронта. Его повысили в звании, теперь он - лейтенант.

"Песню о таманцах" запели в полку. Пели и со сцены во время праздников, и в строю, и в часы отдыха, под крылом самолета.

В первой половине декабря Сергей попал в лазарет -сказалась напряженная боевая работа, пошатнулось здоровье. Подлечившегося летчика направили на учебу в Липецкую офицерскую школу. Однако из школы отправили долечиваться в санаторий. Он черкнул домой краткое письмецо: "21 декабря, 1943 г. Добрый день! Здравствуйте, дорогая мама, Вова, Юра, Боря, Валечка и Ваня. Шлю вам свой горячий привет и поздравления с новым счастливым 1944 годом. Ваше письмо получил 5 дней тому назад. О себе: 11 дней лежал в лазарете, а с 1 января пойду в санаторий в г.Куйбышев на отдых. Что после этого будет, я напишу потом. Пока за меня не беспокойтесь. Может быть, даже удастся съездить к вам в гости. Мама, я прошу тебя не унывать. Я знаю, что очень тяжело с армией моих братишек и сестренкой. Пока все. Крепко всех целую. До скорого свидания".

В санатории Сергей отдыхал два месяца. Здесь же, в Куйбышеве, узнал о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Весть эта прозвучала по радио на всю страну. Ее услышали и на Кубани, и в Чернушке, и в глухой уральской деревушке Михайловке. Из Таманского авиаполка пришла Красноперову поздравительная телеграмма за подписью Смирнова и Ширанова. Обрадовался: помнят, не забывают! Эх, вернуться бы к таманцам! Удастся ли свидеться с боевыми друзьями?

В марте Сергей явился в Москву за наградой. Звезду Героя в Кремле вручил Калинин.Он же распорядился предоставить герою отпуск на родину. Сердце Сергея затрепетало от ошеломляющей новости, пожалуй, сильней, чем при получении награды. Завтра - домой, не верилось даже. Так хотелось увидеть родных, Любу. Он, казалось, вечность не был дома.

Выйдя из Кремля, Красноперов прошелся по знаменитой брусчатке Красной площади. Хороша главная площадь страны, но скорей бы очутиться на площади Красной в Сарапуле, на улочках Чернушки и Михайловки. Думая о предстоящем отпуске, он спустился в Александровский парк, присел на скамейку, достал из чемодана полученную Грамоту и, раскрыв ее, прочитал: "Герою Советского Союза тов.Красноперову Сергею Леонидовичу. За Ваш героический подвиг, проявленный при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 4 февраля 1944 года присвоил Вам звание Героя Советского Союза. Предсе-

датель Президиума Верховного Совета СССР М.Калинин, секретарь Президиума Верховного Совета СССР А.Горкин. М.-Кремль, 17 марта 1944 года. N 45244".
Прочитав текст до последней буковки и цифры, задумался. Калинин не был его кумиром. В детстве, когда спрашивали, кем бы он хотел стать, отвечал: "Я буду Рыковым". Жизнь преподносила ему горь-кие сюрпризы. Рыкова арестовали как "врага народа". Но что Рыков? Дядю Федю назвали "врагом народа", отца дважды исключали из партии. Первый раз исключили весной 1934 года во время чистки партийных рядов, ровно десять лет тому назад. Отца, заведовавшего Чернушинским райземотделом. обвинили в двурушничестве, назвали "нарушителем дисциплины партии и государства". Он, оказалось, не обнаружил в сведениях, представленных сельсоветами, ошибки и дал госкомиссии по определению урожайности неверные данные по двум колхозам, где ее занизили. Батя расстроился: недогляд налицо. Но к чему приклеивать оскорбительные ярлыки? Ему-то, отцу, какой был резон занижать урожайность? Это же минус его работе. Если бы он присвоил то зерно с ловкачами, тогда - казни. А так ни за что забрали партбилет, сняли с должности. Черные дни бездействия измучили батю. Он осунулся, похудел. "Не изводись так, Леня - сказала отцу мама, - не виноват ты... оправдают". Слова матери, женщины малограмотной, но понимающей жизнь, сбылись. Недруги злорадствовали не слишком долго. Спустя месяц областная комиссия по чистке рядом ВКП (б) восстановила отца в партии. Но за ошибку, за моральный вред, нанесенный человеку, никто наказания не понес. К прежней должности отца не допустили. Впрочем, он и не рвался к власти, устроился агротехником в Чернушинскую МТС. Весна и лето промелькнули в хлопотах. За образцовую организацию и качественное проведение весеннего сева, за своевременную прополку и уборку хлебов наградили знаком "Сталинский поход за высокий урожай", от МТС получил солидную премию. Казалось бы, человек на своем месте, дело знает, но способного организатора производства направляют председателем отдаленного от райцентра сельсовета - Ермиевского. "Вроде на перевоспитание отправляют", - с усмешкой заметил жене, собираясь в дорогу. Она вздохнула: "Куда иголка - туда и нитка". То поднимали, то опускали батю по службе. Перед войной исключили из партии окончательно. Не стал писать апелляций, махнул на все рукой и перебрался в Михаиловку. "Хочу еще на земле поработать", - объяснил он жене переезд в деревню. Вернулся в колхоз "Ударник", который создал в годы коллективизации. Попал в подчинение Афанасия Попова. Афанасий был третьим председателем, прежних двух сбросили с должности за то, что не послушались уполномоченных. Один не сдал государству семенное зерно, другой, учитывая "промах" предшественника, оставил хозяйство без семян. Попробуй угодить начальству...
Сергей бережно уложил Грамоту в чемодан, встал со скамьи, оправил на себе форму и пошел искать ближайшее почтовое отделение. Купив открытку, написал домой не-сколько строчек: "Здравствуите мама, братья и сестра! Сообщаю, что все идет нормально. Жив и здоров.
Сегодня получил "Золотую Звезду". До скорого свиданья".
Он опустил открытку в почтовый ящик и, счастливый, веселый, зашагал по весенней Москве, жившей ожиданием победы.

На родине

Метельный, буйный февраль, не догуляв своего, подзанял у марта две-три недельки. Не выдохся в срок, не истратил неуемную силу. Немилосердно бесился на улицах, во дворах и в поле. Ошалело завывал в трубах, выстужал избы.
Михайловский почтаренок Ванька Попов спешил к дому Красноперовых сквозь круговерть пурги. Одетый в ветхое пальтишко, он увертывался от резкого ветра, семенил переметенной дорогой в чиненых-перечиненых валенках. Навстречу почтаренку выскочила Агапия Егоровна в одном платье. Прикрывая голову и плечи серой шалью, испуганно
вглядывалась в лицо парнишки - не несет ли худую весть. С той поры, как получила "похоронку" на мужа, жила в ней, истрадавшейся, страшная боязнь

за Сережу. Почтаренок прибавил шагу и, увлекая за собой Агапию Егоровну, втащился в избу.

- Открытка вам, Егоровна, от сына Сергея Леонидовича, -сказал Попов малограмотной солдатке. - Он Звезду Героя получил. До скорого, пишет, свидания. Домой, знать, едет.

Вскрикнув от радости, Агапия Егоровна попросила почта-ренка прочесть всю открытку. Она слушала внимательно и концом шали, улыбаясь, вытирала набегавшие слезы. Сыновья и дочка, обступившие ее, удивлялись: как так можно одновременно плакать и улыбаться? Оказывается, плачут не только от обиды или боли, но и от счастья - такое открытие сделали ребята в однообразной,тяжелой жизни.

Почтаренок, отдав открытку Агапии Егоровне, замешкался у порога.

- Можно, Егоровна, к вам зайти, когда Сергей Леонидович приедет? Взглянуть хочется на него и ордена боевые.

- Забегай, Ванюша, - встрепенулась Агапия Егоровна, -забегай. - Она проводила парнишку до крылечка: - Кланяюсь за добрую весточку.

То, что сыну присвоили геройское звание за боевые заслуги, Агапия Егоровна восприняла как нечто второстепенное. Взволновала весть о скорой встрече с ним. Мать прислушалась к разговору Юрки и Вовки.

- Раз героя дали, - сказал Вовка, - значит, крепко бьет фрицев.

- И крепко, и лучше всех, -уточнил Юрка.

Потянулись напряженные дни ожидания. Агапия Егоровна все глаза просмотрела на дорогу, а Сергея нет и нет. Ломала голову, чем будет кормить воина: картошки в яме с гулькин нос, черные, рассыпчатые лепешки из лебеды, запасенной с осени, коры и гнилого картофеля не ела даже коза Манька, не дававшая ни капли молока. А куда положить спать дорогого гостя, чтобы хорошенько отдохнул от войны? На железной кровати и одеяла доброго нет. Не нажили богатства с Леонидом. Надежды мужа на счастливую колхозную жизнь не оправдались. А она, Аганя, ясно помнит день создания колхоза в Михайловке. Это было 30 июня 1929 года. Какие зажигательные речи произносил Леня!

...Оставив сенокосные хлопоты, односельчане собрались на лужайке, куда вынесли стол, покрытый кумачом, скамейки, табуретки. Босоногие мальчишки и девчонки повалились прямо на траву. И взрослые, не захватившие стулья, устроились рядышком с детворой. Братья Петр, Степан, Анатолий Армяниновы стояли вблизи стола. Петр - в солдатской форме, он - бывший красноармеец. В толпе затесались братья Овчинниковы. Два Васи. Оба - Ксенофонтовичи. Откликались на клички: Вася - большой и Вася - малый. Первый -серьезный, деловой, рассудительный мужик, второй - простоватый, беззаботный, балагур. Попозже подошел третий брат - Анатолий Ксенофонтович, мужчина обстоятельный, уравновешенный, смахивающий характером на Васю-большого. Собрание открыл Леонид Никитич. "Изберем, - сказал, -граждане, председателя и секретаря". Леонида Никитича избрали секретарем собрания, а председателем - Петра Армянинова. Петр, смутившись, оставил в толпе братков, встал за стол и предоставил слово Красноперову. Леонид Никитич, уполномоченный от района, говорил убедительно, рисуя картины зажиточной колхозной жизни, когда на поля придет техника. Новые непривычные слова - "трактор", "соцсоревнование", "пятилетка" - михайловцы воспринимали недоверчиво. Мужики хмурились, почесывали затылки. Бабы и того туже соображали, не понимая, куда их сооблазняют и зачем.

Каждого знал в деревне Леонид Никитич. В основном -бедняки, середняков - единицы, кулаков и вовсе не было. "Все должны в колхоз вступить", - думал он, поглядывая на односельчан после выступления. Почувствовав настороженность людей, сказал с подъемом: "По душе вам линия партии на сплошную коллективизацию сельского хозяйства? Тогда записывайтесь в колхоз!" В ответ - молчание. На притихшей деревенской лужайке жужжала одинокая пчела, залетевшая на сбор нектара и не нашедшая пока сладкого сока. “Поживем-увидим", - раздался чей-то голос, и тотчас толпа колыхнулась, зашумела. "Хорошо говоришь, Никитич, - выкрикнул Вася-малый, - но до неба высоко, до Бога далеко..."

Одинокая пчела продолжала грозно жужжать на лужайке среди мужиков, баб и детишек. Ребятня, отмахиваясь, порассыпалась в стороны. Под шумок и взрослые откалывались от толпы и спешно уходили домой. К столу пробрался бывший бурлак Никита Родионович. "Я вступаю в колхоз, - сказал он громко, - знаю, артелью легче тянуть лямку". Леонид с благодарностью взглянул на батю - почин есть. Следом потянулись Иван Язов, Яким Красноперов, Михаил Зотов, Афанасий Попов... В колхоз, названный "Ударник", записалось пятнадцать человек. Не густо, но людей понять можно: не просто сделать шаг к новому, неизвестному. Пусть массовости не добился, однако главной цели достиг: колхоз в Михайловке создан! Первым председателем колхоза выбрали Василия Ксенофонтовича Овчинникова, Васю-большого. Деревня начинала жить иной, чем прежде, жизнью, в ней зарождались иные человеческие отношения. К лучшему ли?
Работая в правлении "КООПхлеб" и создавая сельхозартели, Леонид Никитич сам не знал в деталях, что это за штука - колхоз, как будет развиваться, что он таит в себе. В начале 1930 года мужа, как одного из лучших организаторов сельхозартелей, направили руководить крупным колхозом "Красный Октябрь". Он на практике постигал премудрости небывалой доселе должности - председателя колхоза, чувствовал себя школяром. Наравне с решением проблем повышения плодородия земель занялся отстройкой деревень. Вырастали светлые здания, мастерские, фермы. Эту черточку в Леониде подметили в районе, направили строить Рябковский льнозавод. Так и повелось: где брешь - туда и направляли безотказного. Все должности перебрал. Походив в больших и маленьких начальниках, вернулся в Михайловку. Старательно работал там, куда наряжали Афанасий Попов и бригадир Маруся Устюгова, годившаяся ему в дочери. Уполномоченный из района, встретив Красноперова, с издевкой спросил: "Как живешь, начальник?" - "Хорошо живу, - ответил Леонид, - лучше некуда". Она, Аганя, с отъездом чиновника недовольно сказала мужу: "Пошто неправду говоришь Леня? Живем в конторе, разуты, раздеты". Он ответил: "За правду, Ганя, и забрать могут, знаю".
Вскоре, к счастью, они перебрались в избу Екатерины Овчинниковой, матери Анатолия, Васи-большого и Васи-ма-лого. Екатерина жила с Анатолием, а его взяли в армию, и она переселилась к Васе-малому, дом которого стоял напро-тив, через дорогу. В прежние годы Овчинникова, женщина крепкая, ядреная, обладала недюжинной силой. В Гражданскую войну белые вздумали выпороть ее розгами за мужа, примкнувшего к красным. "Ложись!" - приказали, указывая на скамью. Она заупрямилась: "Не дамся, хоть убейте!". Валили бравые хлопцы женщину на скамью, предназначенную для порки, и не могли с нею сладить. Оконфузившись, белые схватились за оружие. Бабы, наблюдавшие возню, вскричали: "Сдайся Катерина, ляг добровольно!". И ведь прислушалась к товаркам. Оттолкнув солдат, Катерина с вызовом заголила зад и легла на скамейку, стиснув зубы - не вскрикнуть бы на потеху ухарей. На поле она могла любого мужика заткнуть за пояс на косьбе трав, на жатве хлебов,в метке сена. И на скамье преподнесла воякам урок выносливости: не заголосила, не попросила прощения, хотя озлобившиеся беляки секли немилосердно. Поправившись, сказала товаркам: "Не боль меня на скамье донимала, а стыд сжигал".
Изба Овчинниковой, доставшаяся Красноперовым, отдавала стариной. Срубленная, говорят, в петровские времена из толстенных бревен, она имела всего пять венцов. Потолок выложен из кругляка, гладко обтесанного топором. На улицу выходило два окошка, по одному - во двор и на огород. Дом стоял на взгорье, на веселом месте, почти у самого прудочка, возникшего от перекрытия небольшой плотинкой речки Евдоки.
Леонида Никитича тревожило отношение властей к колхозникам, лишенным по сути всяких прав, кроме права вкалывать до седьмого пота.
Шла весна 1941 года.
Леня поднялся с лавки, приголубил ее, Агоню, нахлобучил на голову фуражку - растеплело на улице - и, насвистывая, зашагал к конному двору, расположенному у леска, за усадьбой Васи-малого. Там же, вблизи конюховки, припала к черемухе приземистая кузница. У конюховки встретил

Марусю, успевшую в жизни хлебнуть горюшка. "Что раскручинилась, девонька?" - спросил опечаленного бригадира. "Из района распоряжение пришло: отдать двух лошадей на вывозку топлива. Загубят их там". Ох уж эти распоряжения! Чужим добром, как своим распоряжаются, а куда денешься? Ослушаешься - наказания не миновать. На страхе все замешано. А ведь можно без команд договориться, на взаимовыгодной основе. Мы вам лошадей с возницами, чтоб за ними, сивками-бурками, уход был надлежащий, а вы колхозу -семена, к примеру. Так нет, выполняй, что велено. “Неладное деется на свете“, - заметил Красноперов, нахмурившись. В подробности "неладного" Леонид Никитич вдаваться не стал, а Маруся расспросить не решилась, привыкла держать язык за зубами. С ними, колхозниками, уполномоченные из района не считаются. Прикрикнут, поставят навытяжку, оберут колхоз, как липку, и - довольнехоньки. Ты же молчи, не смей перечить. Так, говорят, требуют интересы государства. Она, Маруся, не прочь крепить государство, но хочет, чтобы и оно думало о ней, не гнуло в дугу. У нее жизнь-то какая? Казарменная. В четырнадцать лет отправили насильно, как на каторгу, валить лес. На лесозаготовках ни обсушиться, ни отдохнуть по-человечески. Зимой простудилась, слегла, едва до дому дотянула. Спасла мама, отпоила настоями трав. И никому, кроме матери, не было до нее дела.

Подоспевшую посевную в колхозе провели дружно, в сроки. Афанасия Попова, Марусю, их, Красноперовых, всех колхозников радовали добрые всходы на полях, сильный травостой на лугах и неудобицах. Быть хозяйству с хлебушком и кормами.

Из братьев Красноперовых лишь Григорий Никитич жил в Михайловке безвыездно. Это Леонида и Федора мотало по свету волею судьбы. Григорий не знавал чиновничьего стула. Он - землепашец, трудяга из трудяг. В начале июня 1941 года Григория нарядили обмерять поля, занятые под яровые культуры. Во всю готовились и к сенокосу. Полевод Егор Секлецов, кузнец Михаил Аликин и молотобоец Николай Багаев вдосталь изготовили орудий труда. Черенки десятков кос, граблей, вил выделялись белизной - так люди, только что приехавшие на южный пляж, резко контрастируют с теми, кто уже до бронзы и черноты опален жгучим солнцем.

Григорий обмеривал поля с Марусей Устюговой, заглядывавшейся на молотобойца Багаева. Над головой простиралось бездонное безоблачное небо; зной обдавал лицо, донимал овод. Сосчитав сажени, Григорий остановился и вдруг пропел:

Войны мы не хотим,
Но в бой готовы.
Ковать мы не дадим
Для нас оковы.

И пошел дальше, к следующему полю. Раздвигая травы, вымахавшие на неудобицах по грудь, держал сажень над головой. Он прокладывал дорожку для Маруси. Местами попадалась злючая крапива. Ему-то, в сапогах она нипочем, а Маруся изжалила, поди, голые ноги. Терпит бедняжка, не ойкает. Приминая к земле крапиву, опять запел:

Войны мы не хотим,
Но в бой готовы...

Маруся, не выдержав, сказала: “Спой-ка, дядя Гриша, что-нибудь повеселее”. - "Не мастак я петь, дочка, - ответил Григорий, - эта же пристала, язви ее через пень на колоду". Устюгова прыснула, хотя прибаутку уже слыхала. Обычно Григорий Никитич работал молча, а сегодня, нака, распелся, с чего про воину заладил?

День клонился к закату, когда они, обмерив посевы, подались к деревне. Маруся, полная сил и энергии, шла теперь впереди. Приуставший, разморенный зноем Григорий плелся за нею, повесив на плечо маховую сажень. Среди гудения шмелей, стрекота кузнечиков жила тревожная песня Красноперова:

Воины мы не хотим,
Но в бой готовы...

Ковать мы не дадим
Для нас оковы...
Григорий, как в воду, глядел. Спустя несколько дней, в разгар празднества, расцветшего на лугу за речкой Лапейкой, прискакавший на лошади нарочный оборвал деревенское веселье всего одним словом: "Война!" Заголосили бабы. Затихли дети. Гармонисты, отойдя от оцепенения, заиграли военные песни. Мужики засобирались на фронт. "Дядя Гриша, - Маруся подошла к Красноперову, - чуяли, что ли, вы ее, проклятую?" - "Чуял не я один, - Григорий Никитич повернулся к бригадиру. - Разобьем мы, дочка, немчуру, помяни мое слово".
Восемь мужиков, в их числе и Григорий Красноперов, ушли на фронт на второй-третий день войны. В Михайловку зачастили повестки. С уходом на фронт Афанасия Попова колхоз возглавил Леонид Никитич. Деревня пустела. Призвали в армию Васю-большого, Михаила Зотова, Петра Армянинова... На Леонида Никитича наваливались новые дела: председатель, счетовод, агроном, кладовщик. Все в одном лице. Мария Кудрячиха, бойкая на язык баба, упрекнула Красноперова: "Все должности к рукам прибрал".
В сентябре Леонид Никитич передал свои полномочия Марусе Устюговой, другим женщинам, той же Марии Кудрячихе и, не дожидаясь повестки, собрался на фронт. "Иду воевать, родимые", - сказал своей Гане и детям. Она запричитала: "Как я жить-то, Леня, буду с такой оравой... " Подбадривая ее, муж спросил сыновей: "Знаете, ребятки, почему в двенадцатом году отдали Москву Наполеону? Да потому, что долго собирались на войну. Нынче оплошать нельзя ".
Его провожали всей деревней. "Ганя, - тихо сказал Леонид, - сон мне приснился, будто змея меня в шею ужалила".
Ганя, убитая горем, нашла силы успокоить мужа: чего, мол, не приснится, не принимай близко к сердцу. У речки Евдоки Леня поклонился односельчанкам (мужиков почти уже не было) и произнес: "Ну, женщины, будем драться так: или грудь в орденах, или голова в кустах. А вы наших детей сохраните и колхоз..."
Агапия Егоровна вздохнула: сон-то мужнин сбылся, осколок немчурской мины попал ему в шею. Вот и не верь после этого снам! Сгинули на воине его братья - Федор и Григорий. Хоть бы Сережу она, проклятая, пощадила, не задела черным крылом! Когда же он в отпуск-то приедет?
Далекое позванивание поддужного колокольчика Агапия Егоровна услышала во дворе. Бросив охапку дров, выбежала за ворота и, затаив дыхание, обернулась к лесу. Перезвон колокольца показался знакомым - обычно в кошевке из раицентра приезжал посыльный и раздавал михаиловским мужикам повестки на фронт. "Кого еще не забрали у нас? -сказала вслух, следя за приближающейся подводой. - А может, Сережа едет?" Лошадка спустилась в ложок, где Евдока течет. Все ближе, ближе, к дому сворачивает. Из кошевки вылез незнакомый мужчина, взвалил на горб какой-то мешок, занес в избу.
- Велено вам доставить, - сказал и уехал.
Она подошла к мешку, развязала и ахнула:
- Мука! Крупяная!
Мешок муки - неслыханное богатство - дети обступили со всех сторон, как великое чудо. Нюхали, давили худенькими кулачонками, отчего на мешковине выступал хлебный бус.
- Не трогайте муку, - строго сказала она, завязывая мешок,
- хлеб казенный, не наш...
В прежние годы, когда Леонид председательствовал, к ним на сохранение привозили то фураж, то упряж. Ничто не пропадало, не портилось. По привычке, наверное, и теперь привезли муку. Потеплело на душе от доверия. Казалось, вот-вот примчится на коне Леня и скажет: "Аганя, проголодался я, давай всех за стол". К глазам подступили слезы - не прискачет он больше к воротам, не войдет в избу, не сядет за стол. Прибрала, сердечного, война...
Справиться о Сереже Агапия Егоровна отправилась в Чернушку. Прихватила в дорогу лепешек и пару картофелин. Сердцем чувствовала: с дня на день

должен Сереженька приехать домой. Может, уже в райцентре. Выбиваясь из сил, шла убродной дорогой. Жесткая поземка не давала застаиваться. Ноги, обутые в лапти, коченели. Кое-как добрела до поселка, несмело заглянула в райком. У кого бы спросить о Сереже? Поскользнувшись, едва-едва устояла на негнушихся, одеревеневших ногах. Не обморозила ли, случаем? В укромном местечке размотала портянки, растерла пальцы, ступни. Кажется, не обморозила. Бог миновал. С голодухи проглотила лепешку и картофелину, запила водой из бачка, стоящего в коридоре. Полегчало, можно и про сына спросить. К начальству идти боялась, не до нее начальникам-то в войну. Если Сережа приехал, то и рядовые должны быть в курсе. Встретила образованную, культурную женщину. Та, однако, вежливо ответила, что о приезде Красноперова в поселок не слышала. Агапия Егоровна извинилась и, постояв маленько в коридоре, поплелась в военкомат. В военкомате тоже ничего определенного не сказали. Должен, пояснили, на днях при-ехать. Спать в Чернушке Агапии Егоровне расхотелось. Вдруг Сережа прямо с поезда, не заходя в райком и военкомат, отправится в деревню. К тому же дома осталась орава ребят, как бы беды не натворили. И она пустилась в обратный путь. За поселком засомневалась: не вернуться ли, уж больно устала? Заночевать есть у кого - у Белоглазовой, бывшей соседки. Она всех михайловских привечает. Думая о теплом уголке, который бы отвела ей Наталья Максимовна, Аганя все-таки шла вперед. Промокшие, непросушенные портянки скоробились на морозе; старую изношенную шубейку продувал ветер. Ничего не выходила в поселке, ничего не узнала о сыне. Неопределенность решения уводила мать все дальше и дальше от последней улицы. Переметенная дорога отнимала и без того истраченные силы. Одолевая снежный занос, Аганя упала и потеряла сознание. Очнувшись, едва сообразила, где находится. По телу приятно растекалось тепло, не хотелось вставать, идти навстречу резкому, колючему ветру. Однако мать осознала: это - смерть. Широко раскрыла глаза. А как же дом? Как же так, подумала, - завтра с фронта прибудет Сережа, а она не увидит его. А он? Что он, Сережа, пройдя сквозь смертельный огонь, почувствует? Сколько страданий это доставит ему. Перевернулась на живот, встала на колени и, опершись руками, поднялась на ноги, сделала шаг, второй, третий... Шла медленно, падала и подымалась сызнова. Одна мысль жила в ней, изработавшейся, изголодавшейся: должна увидеть Сережу, не имеет права не дойти, не доползти до малолетних детей. И эта мысль не давала матери заснуть в сугробе. Ее, выбившуюся из сил, подобрал случайный возница вблизи села Тауш. Он занес Агапию Егоровну в избу, положил на голбец. В тепле пришла в себя, сняла лапти, отдала в сушку портянки, испросив прежде разрешения на ночевку.

Хозяева сели за стол. Ели дымящийся мясной суп, пили душистый чай, не обращая на нее внимания. А она, голодная, простуженная, не смела попросить и крошки хлеба, кружку кипятка - ладно хоть кров дали. Страдалица прикрыла глаза и погрузилась в глубокий сон.

Утром Агапия Егоровна съела лепешку с картофелиной, поблагодарила хозяев за приют и, выйдя за ворота, засеменила к больнице справиться о здоровье сына Володи, который лежал здесь вторую неделю, а заодно предупредить о скором приезде Сергея. Из больницы поспешила в Михайловку. Дома было тепло. Парни истопили каленку и нежились на полатях.

- Ниче в Чернушке не знают о Сереже, - сказала мать детям, - будем ждать.

Московский поезд тащился чертовски медленно. Сергея раздражали утомительные остановки. На самолете давно бы дома был. А что - приземлился бы на михайловскую дорогу, ведущую в Покровку. В плавни на "брюхо" садился - разве не сел бы на родную земельку?

Сергей неотрывно смотрел в окно, за которым мелькали поля, леса, деревушки. Тыловая глушь. Здесь не рвутся снаряды и бомбы, нет пожаров и разрушений. Пустынно небо. Поезд неумолимо приближался к Сарапулу. Колеса на стыках выстукивало имя его невесты:

- Лю-ба, Лю-ба...

Встреча с нею так близка!

Двадцатого марта Красноперов в ладно подогнанной военной форме сошел на перрон станции Сарапул. Дыхание войны, впрочем, ощутил и здесь. На железнодорожных путях стояли воинские эшелоны, всюду сновали солдаты, раздавались громкие, резкие команды.
Сергей торопливо шел знакомыми улочками, казавшимися неуютными, заброшенными. Отвык, видимо, от города, отвык. Возможно, и война отразилась на их облике. Свернул на улицу, где жила Люба, ускорил шаг. Он остановился у дома, в котором бывал в дни юности, и постучался. Дверь приотворилась, и тотчас распахнулась широко-широко. Ликующая Люба, стройная, неотразимо красивая, в нарядном платье, бросилась навстречу. Ждала... ждала!
- Сереженька, милый!
Обнялись крепко-крепко. Люба, истомившаяся от вечного ожидания, тревог за любимого человека, шепнула:
- Долго ты летел ко мне, Сережа.
- "Худые" мешали. - Сергей, заметив удивленный взгляд девушки, пояснил. - истребители немецкие. А наш "илок" фрицы зовут "горбатым", еще - "шварц тод".
Люба немецкий понимала, даже в любви объяснилась ему по-немецки. Случилось это на втором курсе, после каникул. Как всегда, нашла предлог для общения, попросила, хитрюшка, конспекты, не успела, мол, кое-что записать. Он охотно протянув тетрадку, повернулся к выходу. "Подожди, Сережа, я скоро", - сказала. Присел на краешек ее парты. В классе никого, кроме них, не было. Люба скосила на него глаза. Между ними, как говорила потом, мог объедала Гаргантюа поместиться. "Сережа, ничего не пойму",- виновато улыбнулась, раскрыв тетрадку. Подсел поближе. "Чего не понять-то. - он уткнулся в свои записи и замолк, разбираясь в собственных каракулях. Расхохотался: "Ладно, дома расшифрую". Попрощался и - к двери, оставляя ее наедине с партами. Любаша вдруг отчаянно бросила ему вслед: "Их либе дих!" Сергей сделал вид, будто не понял немецких слов, выскочил в коридор, как ошпаренный. А на следующий день пригласил Любу в кино. Надо было видеть, как залилась она краской стыда, как увлажнились красивые, выразительные глаза. Позже начался почтовый роман, длившийся до сегодняшнего дня.
Любаша нежно прижалась к нему и целовала, пришептывая: "Милый, мой...мой..." Страсть, вырвавшаяся из плена заждавшегося девичьего сердца, была безудержной и безрассудной. Тут и у летчика закружится голова...
Сарапул - город, давший ему путевку в небо, снова заключил Сергея в объятья, размягчил душу, напоил свежестью улиц, сбегающих к заветной Каме, которая когда-то качала их с Любой на ласковых волнах.
Утром они пошли в техникум. С Камы, еще скованной льдом, тянуло прохладой. Солнце, вставшее над городом, брало свое и выживало с улиц признаки зимы. На площади Красной почти не осталось снега.
- Чудно, Люба, - Сергей оглянулся, - с Красной площади я попал на площадь Красную.
- А почему, Сережа, так нашу площадь назвали? От того, что окружена зданиями из красного кирпича?
- Не, Любаша, - улыбнулся Красноперов, - раньше площадь называлась Соборная. Переименовали ее после революции из-за бурных событий, происходивших на ней.
- Ходячая ты энциклопедия, Изумрудик бесценный, -Люба прижалась к Сергею. Они рассмеялись, вспомнив прозвище, данное ему Толькой Зиновьевым.
В техникуме, пожалуй, ничего не изменилось. Прежние лестничные марши, классы, парты, стены, пестрящие плакатами, расписаниями лекций, объявлениями, - все вызывало воспоминания, близкие сердцу. Вот тот класс, где Люба сказала по-немецки: "Я тебя люблю". Сергей бил немцев, но не мог ненавидеть их язык, на котором в порыве отчаяния объясняются в любви и русские девушки. Здесь, в техникуме, будучи членом профкома он вел культурно-массовый сектор, редактировал стенную газету. В этих стенах

увлекся театром, занимался в драмкружке, играл в спектаклях, нашел, наконец, любимую девушку.
Сергея и Любу окружили парни и девушки. Директор техникума Павел Петров собрал учащихся и педколлектив на встречу с героем войны. Ребята слушали летчика с раскрытыми ртами... Учителя не скрывали гордости за своего выпускника...
Весть о приезде Красноперова с фронта разнеслась по всему городу. Те, кому довелось с ним встретиться, делились впечатлениями со знакомыми.
- Он стулья в штабах не давит, боевой офицер.
- Молоденький совсем, а орденов-то, орденов...
- Красивый, повезло Любе...
Сергея приглашали на встречи в трудовые коллективы. Он выступил на самых крупных предприятиях. Встретился с руководителями города: председателем горисполкома Михаилом Русиновым, секретарем горкома Сергеем Охотниковым, инструктором военного отдела горкома Мироновым и другими.
Сфотографировался с ними на память. На третий день пребывания в городе Красноперов встретился в клубе с молодежью.
Люба, счастливая, не перечила просьбам людей - он им тоже нужен. Конечно, встречи с ними отнимали его от нее, но мирилась со всеми обстоятельствами, которые, увы, диктовала война, выделившая ей и Сергею очень мало времени для личного счастья. Двадцать шестого марта любимый уехал в Чернушку, Михайловку, а Люба осталась в Сарапуле готовиться к свадебному вечеру, намеченному на первое апреля.
Сергей прибыл в Чернушку в сумеречное время. Оставалось одно: заночевать в поселке и поутру отправиться в Михайловку. Со станции, никуда не заходя, он поспешил на квартиру Натальи Максимовны Белоглазовой. Интересно, где ее дочери - Мария и Дуся? У Белоглазовых, помнится, на ночевку останавливались михайловцы, застигнутые в дороге непогодой или поздним временем. Вот и он, Сергей, припозднился.
Переступив порог, сразу узнал тетю Наташу. Обрадовался, браво, по-военному отдал честь. За столом увидел белокурую девушку в летной форме. Присмотревшись, воскликнул:
- Мария?!
Обнял обомлевших женщин, первых дорогих земляков, встретившихся в родной сторонке. Наталья Максимовна заохала:
- Возмужал-то как! Орел, честное слово, орел! Вот Агаша порадуется... А у меня дочка с фронта вернулась, вот и ты заглянул. Радости-то, радости сколько!
Повесив офицерскую шинель нежданного гостя, Наталья Максимовна взялась готовить на кухне угощение. Сергей присел напротив Марии. Повзрослевшая, она выглядела усталой, даже болезненной, однако забросала его вопросами, рассказала и о себе.
Окончив семилетку, она поступила в пермский нефтяной техникум. Но содержание ее в чужом городе оказалось семье не по карману, и Мария оставила техникум, окончила курсы товароведов. Вернувшись в Чернушку, осела в райпотребсоюзе. На фронт ушла добровольцем, попала в школу младших авиаспециалистов. Воевать начала механиком эскадрильи в 1942 году. Военная служба мотала ее из края в край: Куйбышев, Астрахань, Грузия...
- Из окружения, Сергей, я вышла. Да в другой капкан попала. Туберкулез. Списали по чистой. - Она прикрыла лицо руками, пряча заслезившиеся глаза. Хлебнула, видно, горюшка, нервишки окончательно сдали. Но совладала с собой, успокоилась.
Вскоре, делясь воспоминаниями, они заразительно смеялись. Случалось, замолкали, печалясь о друзьях, потерянных на фронте.
Наталья Максимовна, собирая на стол, прислушивалась к разговору фронтовиков. Она порывалась выскользнуть на улицу - не терпелось поделиться с соседями важной новостью: у нее в гостях Сережа Красноперов. Сергей, угадав ее намерение, попросил:
- Тетя Наташа, никому не говорите обо мне.

Узнают, сказал, почестей не обобраться, как случилось в Сарапуле. Наталья Максимовна с доводами согласилась, однако не выдержала. Улучив момент, вышла из дома и сообщила директору райпотребсоюза Кузьме Верову о необычном госте. Кузьма Веров, конечно, доложил о приезде Красноперова районному начальству.

- Где же ваша Дуся? - услышала Наталья Максимовна голос Сергея, когда вернулась домой.

- На аэродроме служит, в БАО.

Дуся состояла в батальоне аэродромного обслуживания, водила машину. Специальность шофера она получила в Чернушке в 1943 году. Тогда же взяли в армию.

- Как вы обе в авиацию угодили? - спросил Сергей.

- С кем поведешься...- Мария рассмеялась и, выйдя из-за стола, посмотрелась в зеркало. Все же перед нею сидел блестящий кавалер, красавец.

Наталья Максимовна, сготовив ужин, подсела к фронтовикам. Им еще о многом предстояло переговорить за ночь.

В тот вечер к Агапии Егоровне заглянул председатель сельсовета. Осмотрев убогую обстановку и увидев нетронутый мешок муки, пояснил:

- Эта мука вам. Егоровна, пеки хлеб.

- Не до хлеба нам, - всплеснула руками Агапия Егоровна, - на болтушку этой муки на год хватит.

- Утром же хлеб испеки, - приказал председатель, - завтра Сергей Леонидович приезжает, корми, мать, героя. Он уже в Чернушке.

- В Чернушке?! - Агапия Егоровна засуетилась. - Господи, завтра приезжает... Ребята, тащите дров, да посуше.

Председатель ушел, а Агапия Егоровна раздобыла у соседки закваску и поставила квашню. Юрка и Витька натаскали сухих березовых дров. Раздевшись, завалились спать на полати.

Ночью матери не спалось. Она вставала, зажигала лучину и смотрела тесто - хорошо ли подымается. Опять ложилась на жесткую кровать, ворочалась с боку на бок. Отрывая голову от подушки, поглядывала в темное окошко: светает или нет?

Всю ночь напролет Сергей, Мария и Наталья Максимовна увлеченно проговорили за столом. Не заметили, как рассвело, как ожил поселок. Красноперов, сдвинув занавеску, выглянул на улицу. Перед домом стояла... толпа людей. Он опешил. Откуда узнали? Кинул на тетю Наташу, смущенную, кроткую, укоризненный взгляд и покачал головой: не хорошо, мол, разглашать "военную тайну", уговор же был.

- Не серчай, Сережа, - виновато сказала Наталья Максимовна, - не удержалась, грех тебя от людей таить.

Сергей и Мария, переглянувшись, рассмеялись - Наталью Максимовну хоть в разведку определяй, не оплошает.

Красноперов поблагодарил гостеприимных землячек за хлеб-соль, попрощался и вышел на улицу. Его окружили плотным кольцом чернушане. И опять, как и в Сарапуле, начались встречи на предприятиях, в райсовете...

Перед выездом в Михайловку Сергей , избавившись от опеки начальства, прошелся по Чернушке, посидел на крылечке дома, где жил с родителями до войны. Сюда прибегал из школы, наезжал из Сарапула в каникулы. Семье жилось трудно, но и светлого, трогательного, забавного хватало. Был такой курьезный случай. Сергей кончал седьмой класс, Володя - третий. Дома без присмотра старших сидели Юрка, Витька, Борька. За старшего оставался Юра. Наводил порядок, хранил хрупкий ребячий мир. В обед ненадолго забегали отец и мать. Перекусив с ребятами, уходили до вечера, а батя зачастую до полуночи.

Однажды Юрка прислушался к кудахтанью кур, находившихся в голбце, куда их поместили зимой от холода, и сказал братьям:

- Засиделись они там, пусть погуляют.

Он открыл голбец,и курицы вмиг выскочили наверх. Квохтая, рассыпались по избе, заскочили на шесток, где стояла в чугунке картошка, сваренная к

обеду. К весне запасы ее истощались, и семья доедала последние клубни. На величайший дефицит куры набросились с жадностью и поклевали всю картошку без остатка. Они по-хозяйски заскакивали на столешницу, лавки и всюду гадили: на стол, на кровать, на подоконники.Ребята гонялись за красивым петухом, носившимся с несушками по комнате. В доме стоял невообразимый шум, в воздухе летал пух, пол усеялся перьями. Неожиданно отворилась дверь. "Мама", - испуганно прошептал Витька,
подтолкнув расшалившегося Юрку, Мама, стоя за порогом, не могла слова вымолвить от изумления. Очухавшись, принялась с руганью выгонять куриц на улицу. У Притихших ребят грозно спросила: "Кто выпустил куриц?" Ожидая заслуженной порки, Юрка, насупившись, тихо пробубнил: "Я... Там им скучно было". Он захныкал. "Ах, им скучно было, -взорвалась мать, - зато тебе сейчас весело станет!" Она взялась за старый отцовский ремень. В тот момент и появились Сергей с батей в дверях. Видя угрозу, нависшую над Юрой, Сергей поспешил на выручку: "Мама! Давно пора было куриц во двор выпустить". Отец поддакнул: "И верно, мать, доброе дело сотворил сынок". Мама, недоумевая, посмотрела на Сергея, на мужа: не шутят ли? В доме бедлам, а они... Улыбка тронула губы матери, но для порядка продолжала еще распекать ребятишек. Юрка, избежав порки, взялся за веник. Наведя чистоту, семья уселась за стол. "Неси, Ганя картошку", - поторопил отец маму, застывшую у шестка. "Картошку курицы склевали, - вздохнула она, - оставил нас Юрка без обеда". Юра разревелся навзрыд. "Ну, ниче, - примирительно сказал отец, нарезая хлеб, - чайку попьем, живы будем - не помрем". Отец любил присловья. Умело гасил семейные конфликты. "Кончай, Юра, воду лить, - батя посмотрел под ноги, - потопишь нас". Сообща Юрку успокоили. Вечером мать сварганила сытный ужин, с мясом... Ах, сколько дорогих и близких сердцу событий миновало! Детям часто доводилось домовничать. Колоть дрова, заготовлять корове сено. У Витьки знакомство с купленной коровой началось с конфликта. Подсунул ей пучок травы, а буренка, наставив рога-ухват, агрессивно пошла на пацана, тесня к заплоту. Бросив траву, Витя истошно заорал. Пришлось Сергею схватить корову за черные, толстые рога и защитить братишку. Не ладились у Витьки и Юрки отношения с животными. Желали им добра, а от них - одни неприятности.
Не забылось и знаменитое дворовое сражение. В летние каникулы, перед отъездом в Сарапул, он ввязался в бой с мальчишками, бросавшими друг в друга шляпами вылущенных подсолнухов. "Иду против всех, - предложил пацанам, набравшимся до двух десятков, - но уговор: в кого попаду, тот покидает поле боя". Те согласились с восторгом. Запаслись снарядами, и сражение завязалось нешуточное. На Сергея обрушился град подсолнухов, от мелких кусков до полных шляп. От многих бросков он ловко увертывался, сам наносил урон противнику. Попал снаряд и в Юрку. Тот потер ушибленный бок, однако, как ни в чем не бывало, продолжал сражаться. "Юра. - крикнул Сергей, - почему из игры не выходишь?" - "Это не в счет", - ответил братишка. Он Юркиному терпению порадовался, но, засмеявшись, сказал: "Не в счет? Тогда получай еще!" И Юрка, урезонив упрям-
ство, отошел в сторонку. Та игра у него, Сергея, была последней данью детству.
Растроганный воспоминаниями, он вернулся в военкомат. Здесь его поджидал инструктор военного отдела райкома Павел Паршаков. У входа наготове стояла подвода. С ним в кошевке Сергей отправился в Михайловку. Рыжей масти жеребец, стянутый позолоченной сбруей, летел по санной дороге через поля и перелески, ходко брал крутые горки.
Агапия Егоровна встала раньше обычного. Да и не спалось матери длинную ноченьку. Шутка ли - Сергей уже в Чернушке. Скорей бы рассвело! Она затопила печь, принялась стряпать. Все спорилось в руках хозяйки, ожидавшей дорогого гостя. Сухие березовые дрова горели весело. Кухонька была залита светом от яркого печного огня. Постепенно свет ослабевал, и, наконец, в печи остались одни угли. Агапия Егоровна сгрудила их кочергой в загнеток, тщательно вычистила помелом под печи и посадила в нее, пышущую жаром, хлеба. По избе разнесся дурманящий хлебный запах. Вмиг

проснулись ребята, втянули носопырками воздух и горохом посыпались с печи и полатей.
- Хлеб! - восторженно крикнул Юрка. - Ура, хлеб!
- Мам, хлеба, - жалобно заканючил Бориска, - дай хлеба.
Мать, боясь пережечь караваи, не отходила от печи.
- Потерпите, детки, - ласково сказала она, - не готов еще хлебушко. - Обернувшись к старшим сыновьям, бодро крикнула: - Эй, Юрка, Витька, совсем светло стало, идите к Устиново брата встречать!
Ребята, одевшись, выскочили на улицу. Метель за ночь утихомирилась, но морозец хватал за уши. По деревне шли вместе, а за околицей разделились. В Устиново вели две дороги. Юра пошел по нижней, Витя - по верхней.
- Если дойдешь до грани и увидишь, что едет, крикни мне, - сказал Юрка, - а то околею.
- И ты свистни, ежели что, - предупредил Витька.
Ходили битый час. Однако ни по нижней, ни по верхней дороге никто не ехал. Они вернулись домой. Зуб на зуб не сходился - закоченели. Сходу полезли на печь отогреваться. Мать подала им по ломтю горячего хлеба. Вкусня-я-тина!
Агапия Егоровна поминутно поглядывала в окошко. Все боялась просмотреть приезд сына. Вдруг она, обмерев, негромко воскликнула:
- Приехал!
Ребята сорвались с печи, прильнули к окнам. Точно: приехал. У дома стоял добрый рыжий конь, запряженный в красивую кошеву. Сбруя на коне блестящая, дуга расписная, настоящая. Из кошевки вылезли двое военных. Оба в шинелях, высокие, стройные. Который же брат? Сразу не узнаешь. Ребята, не сговариваясь, отхлынули от окон и бросились на улицу, кто в чем был, Витька опередил всех и, узнав Сергея, повис у него на шее. Так Сергей и вошел с ним в избу.
Агапия Егоровна, машинально вытерев руки о передник, прильнула к сыну и разрыдалась.
- Сереженька, заждались мы... Здравствуй, родной...
Она обнимала сына и, отстраняясь, всматривалась в дорогие черты лица Сергея, возмужавшего на войне, и не могла насмотреться. Малышня путалась под ногами. Борька, вцепившись в полы шинели, закричал:
- Папка, папка приехал!
Агапия Егоровна встрепенулась от этого крика, отступила от Сергея, наклонившегося к Боре. Взяв несмышленыша на руки, Сергей сказал:
- Я, Бориска, твой брат. - Поставив братишку на пол, снял шинель, огляделся: - Вот я и дома!
Сергей представил родным Павла Паршакова, предложил товарищу раздеться. Они оба поправили гимнастерки, причесались. Ребята неотрывно смотрели на грудь Сергея. Орденов-то, орденов- тьма-тьмущая! А выше всех - геройская звезда. Поближе бы посмотреть, потрогать руками. Не разрешит, поди.
В дом Красноперовых потянулись михайловцы. В числе первых заглянул сосед - Вася-малый. Оделся в лучшее, что имел. На войну мужика не брали по непригодности к службе. Вася-малый долго тряс руку Сергею, не говоря ни слова. Уж больно стушевался под взглядом героя-фронтовика. Прибежала двоюродная сестра Настя; пришел Василий Кустов, дальний родственник; завернул председатель колхоза Василий Каракулов. В Михайловку Каракулова прислали из Чернушки в начале 1944 года. Невысокого роста, лысоватый, он не имел начальственного вида. С бабами, стариками и подростками тянул хиленькое хозяйство, подорванное войной, на пределе сил и возможностей.
Ребята, перепихиваясь и перешептываясь, наблюдали с печи и полатей за приходом гостей. Избенка тесновата, чего под ногами путаться. Мать накрывала на стол. Ей помогала Настя и Татьяна Митрофановна, сватья, пришедшая с Никитой Родионовичем. Односельчане несли капусту, свеклу, картошку, даже сахар и масло. Кто-то из гостей сбегал за керосиновой лампой - незаметно подкрался вечер. Володя, приехавший из таушинской больницы с молоковозчиком, загасил зажженную было лучину. Она дымила и

слабо разгоняла тьму. Главный "лучинщик" облегченно вздохнул, ведь жечь лучину, давать свет - занятие нелегкое. Лучину надо
держать так, чтобы она не слишком быстро горела и хорошо светила, а также вовремя зажигать новую. При этом дым ел глаза, и запросто можно угореть. Керосиновая лампа - блаженство, с нею веселей и надежней. Подливай лишь "горючку", благо на вечер разжились и бутылкой керосина.
Агапия Егоровна, взволнованная, успевшая принарядиться, пригласила гостей за стол. За ним, небольшим, дощатым, уместились, потеснившись, все. Детвора отведывала лакомства на кухоньке. Юра неотрывно смотрел на Сергея, сосредоточенного, малоразговорчивого, думающего, видно, свои думы.
Паршаков, подняв тост за героя, попрощался и уехал в Чернушку, предупредив Сергея, что подводу ему подадут через два дня, к обеду, как он и просил.
Сердце Агапии Егоровны затрепетало: столько лет не виделись - и всего на три дня приехал! К глазам подступили слезы. Не успеет она наговориться, насмотреться на старшенького, любимого пестуна. Встретившись с сыном-воином, мать острее ощутила свое бессилие перед войной, распоряжавшейся по необузданной прихоти судьбами людей и устанавливающей жесткие порядки и на фронте и в глубоком тылу. Война, война... У нее иные сроки...
Агапия Егоровна пересела на место уехавшего Паршакова, поближе к Сереже. Подкладывая картошки с мясом, капустки, хлеб с маслом, приговаривала:
- Ешь сынок, пуще, на фронте всяко бывает.
- На фронте, мама, всего вдоволь, кормят хорошо, только знаешь, родная, ничего там порою не лезет в горло. После штурмовки, приземлившись, об одном думаешь: как бы до постели добраться. Иногда такого насмотришься - не до еды.
Он замолчал. Наверное, вспомнились страшные картины войны. Возможно, перед глазами возникла искромсанная штурмовиками румынская конница, спешившая на помощь фашистам. Та штурмовка перекрасила ИЛы в черно-красный цвет. На аэродроме механики доставали из-за решеток не то человеческие, не то лошадиные кости и ошметки мяса. Война, война... Она противоестественна человеческому роду, но раз ее навязали нечеловеки приходится подавлять на время боя все чувства, кроме жажды мщения за поруганную землю, за смерть близких, ни в чем не повинных людей, за свою деревню, разоренную, опустевшую, где последнее отрывают от себя и шлют бойцам.
- Как там, на фронте, Сергей Леонидович? - спросил Каракулов, нарушив затянувшееся молчание.
- Воюем, - просто ответил Сергей и неожиданно обратился к Юре: - Суровую зиму вы одолели, а следующую переживете?
Юрка, польщенный обращением брата к нему с таким серьезным житейским вопросом, сказал, посмотрев на председателя:
- Даст дядя Вася лошадь, дров привезем, заготовим загодя.
В избе стало тихо: что же ответит Каракулов? Василий
Гаврилович, чувствуя на своем трудовом фронте сложную обстановку, пожал плечами. Сидевшие за столом люди понимали Каракулова, знали возможности хиленького колхозишка. Работы невпроворот, а на два десятка дохлых лошаденок (хороших коней на фронт забрали) надежи мало. Коров в плуги впрягают. Да что там-коров, сами бабы в упряж впрягаются. И лошадей и буренок кормить нечем. На днях Маруся Устюгова моталась по деревне, умоляя колхозников раскрывать крыши, чтобы поддержать скот соломой до весен-него выпаса. Сама подала пример, сняв со своей избы солому.
- Нам бы отсеяться как-то, - вздохнул Каракулов, - а летом полегчать должно, в беде солдаток не оставим...
Тяжелая деревенская жизнь покоробила Сергея. Иллюзий и раньше не питал, но увиденное превзошло все ожидания. Избушки, сараи, чем-то походили на людей, умирающих от голода, - стропила напоминали гольные ребра. Для домашних буренок михайловцы давненько снимали солому с крыш. Настало время спасать и колхозную живность.
Сергей взял кружку и, обведя земляков ободряющим взглядом, сказал:

- За победу! Скоро Гитлеру капут, но поднажать еще придется и нам на фронте, и вам в тылу...
Далеко за полночь разошлись гости от Красноперовых по домам. Сергей разделся, гимнастерку с орденами повесил на спинку старенького стула. Лег на железную кровать, укрылся шинелью и заснул в родном доме спокойным сном.
Утром Юрка и Витька на цыпочках подошли к гимнастерке, присели возле нее на корточки. Разглядывая ордена, бросали осторожные взгляды на Сергея. Старший брат еще спал. Витька, не выдержав, потянулся к гимнастерке и, стараясь не шуметь, надел на себя. Гимнастерка закрыла ему ноги; ордена, как гири, висели ниже коленок, у самого пола. Витька, выгнув грудь колесом, шепнул:
- Похож я на героя?
- Ага, похож, - тоже шепотом ответил Юрка, с завистью глядя на Витьку.
Сергей, услышав шушуканье, открыл глаза и, увидев ребят, улыбнулся светло и радостно.
- Героем хочешь стать? - весело спросил Витьку.
- Хочу, как ты, бить фашистов.

С улицы зашла мать.
- Разбудили-таки, чертенята, - укорила она Юрку и Витьку, - не дадите брату отдохнуть с дороги.
- Я сам проснулся, - отозвался Сергей, радуясь утру, встреченному в родном доме.
Семья собралась за столом. Не было лишь отца, и никогда уже не будет с ними вместе. Не судьба. А с ним самый скромный завтрак, обед или ужин казался сытным. Умел, что ли, заговаривать прожорливые желудки? Наговорит кучу приятных слов, успокоит, наобещает всяческих благ всерьез ли, шутя ли - не важно. Не унывал, всегда надеялся на лучший завтрашний день. Перекусив, ребята выскочили из-за стола. Целый отряд: Вова, Юра, Витя, Боря, Валя, Ваня и он, Сергей, седьмой. Вот маме достается. На семерых хватает одного сердца, какое же оно щедрое у нее!
В избу заглянул Вася-малый.
- Баньку для вас, Сергей Леонидыч, истопил, веничек березовый распарил. Айдате скорееча, пока не выстыла...
Заручившись согласием фронтовика испробовать жар, до-вольнехонький пошлепал домой.
В баню Сергей отправился с Юркой. Увидев на спине брата рубец, Юра спросил:
- Это - рана?
- Нет, был у меня случай...
И Юрка узнал о скитаниях Сергея в приазовских плавнях, о простуде, фурункулах. Хоть бы присочинил что-нибудь геройское. О чем ему, Юрке, рассказывать потом пацанам? О простуде, чирьях?
Сергей жогался распаренным веником от души, блаженно вдыхая запахи березовых листьев. Хорош-шо-о! Когда-то еще доведется попариться в деревенской баньке! Жар перехватывал дыхание, обжигал уши. Юрка с полка живо скатывался вниз охолонуться, отдышаться. А Сергей все поддавал жару. Напарившись, братья помылись, окатились чистой прохладной водой. Неспеша оделись, зашли к Овчинниковым.
- С легким паром! - Вася-малый и родительница его, Екатерина Родионовна, пригласили фронтовика и Юру за стол, вынесли бражки, молока и подрумяненные пирожки. -Выкушайте, не погнушайтесь.
- Спасибо за добрый жар, - сказал Сергей, присаживаясь на лавку к столу, - славно попарились, жажду утолить не помешает.
Он осушил кружку бражки, Юрка - стакан топленого молока.
- Вася топил каменку, - разговорилась Екатерина Родионовна, - а я воды натаскала. Силы у меня ищо остались, не надломили беляки, когда на пыточной скамье секли розгами. В молодости я была бой-баба. Один богач удумал надо мной подшутить. Показал на мешок с зерном под пять пудов и

сказал: "Донесешь без передыху до дому - себе возьмешь". Сказанул и лыбится: кто выдюжит с этаким грузом километра два. А я молча взвалила мешок на горб и потащила домой. Тяжко, ох, тяжко было, поясница отнималась, но зерном попуститься не хотела. Под ногами земли не чуяла, однако доволоклась до двора. Богач-то так поразился моей силе, что привез еще один мешок зерна...

- Погоди, мать, чепуху молоть, - заартачился Вася-малый, - про твои подвиги в деревне всяк знает, пускай фронтовик о боях расскажет.

- Отчего ж - чепуху? - Красноперов приложился ко второй кружке браги. - На таких женщинах, как наши матери, вся Россия держится.

От военной темы Сергей уклонился. О боях, сказал, будем после войны вспоминать, и стал расспрашивать про деревенское житье-бытье - кто погиб из михайловских мужиков, кто пришел по ранению, сколько дают на трудодни, как в колхозе к севу готовятся.

Разговор явно затягивался, и Юрка, не таясь, потянул брата за рукав:

- Мамка дома ждет...

Распрощавшись с Овчинниковыми, людьми хлебосольными, душевными, Сергей с Юрой вернулись домой. Мама, верно, заждалась их. Выставила на стол шанежки, разлила по кружкам чай. Почаевничав с ребятами и мамой, Сергей потянулся за военной формой. Переодевшись, взялся за шинель.

- Отдохни после баньки-то, - Агапия Егоровна прислонилась к сыну.

- Мы не устали, - Сергей ласково обнял мать, - сходим с Юрой к дедушке и бабушке.

По дороге Сергей спросил как бы невзначай у братишки:

- Где, Юр, сейчас Груня Зотова?

- Здеся и живет, - бойко отчеканил Юрка, - замуж за белорусса Каледу выскочила. Он пальцы ног обморозил, комиссовали капитана из армии.

- Придется фронтовика навестить, - задумчиво сказал Сергей.

Юрка смекнул: не Каледа занимает мысли Сергея, а Груня. В детстве Сергей и Груня бегали вместе, сенокосили в колхозе, купались в евдокском пруду, ходили по грибы и ягоды. В деревне из сверстников и сверстниц Сергея никого,
кроме нее, не осталось, вот и захотелось брату взглянуть на подружку своего детства.

Сергей, шагая к дедушке и бабушке, вспоминал, как и предполагал Юрка, образы деревенского прошлого. Девчонки раздевались во время купанья на противоположном берегу пруда, за кустами. Сергей без затруднений отыскивал в девичьей гурьбе стройную фигурку Груни. Отчего-то сладко ныло сердце. Подплыть к ней, свободной от одежды, было невозможно: дичилась, рвалась к берегу, к спасательным зарослям ивняка и камыша...

Никита Родионович и Татьяна Митрофановна встретили внуков радушно. Они тоже жили скудно, но чаепитие устроили славное.

- Горжусь тобой, Сережа, - сказал дед, - жаль, отец твой не дожил до этого дня.

На войне Никита Родионович и Татьяна Митрофановна потеряли трех сыновей: Леонида, Федора и Григория, павших при защите державных российских городов: Москвы. Сталинграда и Ленинграда.

- Перед уходом на фронт Леня сон видел, будто змея его в шею ужалила, - вздохнула бабушка Таня, - в шею и угодил осколок-то немчурский.

- Знаю, мама говорила...

Татьяна Митрофановна прослезилась, отерла глаза концом головного платка.

- Хватит о войне-то, - потребовал лед. - Отдохни от нее, Сережа. Мы тоже - хороши.

- От войны дедушка, никуда не деться. Она и в Михайловке наследила... Не легче здесь...

Сергей видел, как тяжело живется маме, поднимающей на ноги пятерых сыновей и дочь. Видел не только сдобный хлеб, испеченный к его приезду, но и черствые лепешки, припрятанные матерью. Отстранив кружку, он непроизвольно сжал кулаки - столько горя, бед принесли фашисты людям.

- Не вернуть теперича ни отца твоего, ни Федора, ни Гришу, - скорбно сказала Татьяна Митрофановна.

- Вернуть нельзя, - сдержанно ответил Сергей, - а отомстить по крупному счету можно...
В двери постучали, в избу, перешагнув высокий порог, вошел Каракулов.
- Вас, Сергей Леонидович, разыскиваю, - председатель, сняв шапку, извинился за вторжение, чего ранее за ним не водилось. - Просим выступить перед колхозниками в конторе. Люди собрались, ждут.
Сергей поднялся. Какой может быть отказ, обязан с земляками пообщаться. Он оделся, простился с дедушкой и
бабушкой. Юрка, сорвавшись с лавки, набросил на худенькие плечи задрыпанное пальтишко. Сергей, натянув на его глаза потрепанный треух, пошутил:
- Пошли, ординарец.
В конторе - тесном, душном помещении сидели, стояли, прислонившись к стенкам, женщины, старики, подростки. Более расторопные устроились на подоконниках, скамейках и табуретах. Поджидая героя, слушали Васю-малого, моловшего языком о встречах с Красноперовым.
- Евонной звездочки я рукой касался, - заливал он. - На вид, вроде, простая, а сердце обмирает.
- Василий Ксенофонтович, - спросил кто-то, - про подвиги Сергей Леонидович упоминал?
Овчинников замер от неожиданного к нему обращения: все Васька-малый да Вася-малый, а тут впервые свеличали -Василий Ксенофонтович! От того, видно, что с героем пообщался. Эх, для закрепления авторитета сказануть бы о подвигах Красноперова, да не успел про них Сергей Леонидович поведать. Матушка, Екатерина Родионовна, все карты спутала. Сунулась с рассказами о пыточной скамье да про богача с зерном и свою силушку. Не выдавая профанства, Вася-малый небрежно бросил:
- Счас сам скажет.
Дверь распахнулась, и Красноперов, пригнувшись под притолокой, вошел в контору, громко поздоровался, снял шинель. И тесная, серая комната озарилась созвездием наград.
- Ух ты! - непроизвольно воскликнул почтаренок Ванька Попов, не отрывая глаз от гимнастерки летчика.
Сергей с пониманием посмотрел на мальчишку, улыбнулся. Оглядывая комнату, приметил среди собравшихся немало знакомых лиц. Иные подзабыл. Война, видно, наложила на них свою печать, а может, пришлых загнала сюда. Возможно, поросль подымается. Рядом с почтаренком сидела Маруся Устюгова, бок о бок с нею - Прасковья Язова, у дверей примостился Вася-малый...Не видел Груню Зотову. Не пришла, и Каледы похоже, нет... "Ничего, - подумал, - сам загляну, не гордый".
Председатель, войдя в контору следом за Красноперовым, тоже разделся и, встав за стол, сказал:
- Представлять вам Сергея Леонидовича не надо, он -нашинский. Попросим героя выступить.
Сергей подошел к карте, заблаговременно приколотой к стене Василием Каракуловым, и повел рассказ о наступлении русских войск, о боях за Кавказ. Обозначая на карте места крупных сражений, говорил:
- Здесь мы били фашистов, здесь били, а здесь еще будем бить.
Юра ждал, что Сергей расскажет о том, как воюет, за какие подвиги награжден. Однако брат на них даже не намекал. Обидно же!
Закончив выступление, Сергей поблагодарил земляков за труд, за помощь фронту.
- Леонидыч! - выкрикнул Вася-малый, - будь добр, расскажи им про свои подвиги!
Он как бы дал понять всем, будто он-то знает о его боевых заслугах, но и остальным не грех послушать. Сергей ничем не выдал простоватого мужика: ни улыбкой, ни словом. Сказал, что воюет на ИЛ-2, прозванном немцами "черной смертью", бьет фашистов с неба и в небе.
- Победа, дорогие земляки, близка, - заключил он, -поднажмем вместе с вами - и с Гитлером покончим. Вы уж продержитесь как-нибудь...

Сказал так, подумал Юрка, словно они, колхозники, удерживают в деревне какой-то важный плацдарм. Поздней он, Юрий, поймет, что это так и было, что в Михайловке, в глубоком тылу взрослые и подростки не сдали жизненно важных позиций, выстояли, победили. Разутые, раздетые, голодные кормили и одевали фронт. Летом он, Юрка, будет лопатой сковыривать кочки на лугу, дабы колхозные лошадки не запинались и не падали. С военных лет в память врежутся горькие частушки о деревенской житухе:

Собиралися ребята
Утром рано на заре.
Думу думали большую
На колхозном на дворе.
Как бы нам, ребята, с вами
В гости Сталина позвать,
Чтобы Сталину родному
Все богатство показать.
Показать бы, похвалиться
Нашей жаткой боевой.
Приезжай, товарищ Сталин,
Приезжай, отец родной...

Истинный смысл этих частушек Юрий поймет в зрелом возрасте. Поймет и то, почему не мог Сергей хвалиться своими подвигами перед изможденными земляками в родной многострадальной деревне.

...Из правления колхоза Сергей без Юрки ушел в дальний конец деревни, к Кустовым, к дяде Васе и тете Тане. Судя по всему, Кустовы жили зажиточно. Сергея встретили ласково, но она, эта ласка, не грела сердце. Стол ломился от яств: мясо, сметана, шаньги, мед. Аппетита, однако, не было, разговор не клеился. Отпив медовухи, вышел из-за стола.

- Устал я немного, - он прилег на кровать, не поднимая с пола ног, обутых в хромовые сапоги. Глядя в потолок, думал, почему Кустовы не окажут его матери мало-мальскую помощь. Видят же, как бедствует мать. Он прикрыл глаза.

Агапия Егоровна, заждавшись Сережу, не находила места в избе. Завтра он последний день дома. Летит времячко, ой, летит!

- Юра, разыщи Сергея, позови домой, - сказала она, - да поторопись.

Юрка, одевшись, побежал по деревне. Брата нашел у Кустовых. Сергей лежал на кровати и, казалось, спал. Сергей же, услышав Юркино сопенье, повернул голову:

- За мной, ординарец?
- Мамка послала, велела домой идти.

Юра приметил суховатое прощание брата с Кустовыми, обошлись рукопожатием, без объятий. День клонился к вечеру, к деревне подступали сумерки.

- Навестим, Юра, Каледу? - спросил Сергей. - Посмотрим, как живет бывший фронтовик.

Братья свернули к дому Зотовых. Ворота оказались на засове. Во дворе, рыча, металась собака. На стук вышла Груня. Вспыхнув маковым цветом, она поздоровалась и, проводив гостей в избу, уединилась. От былой стройности Груни не осталось и следочка. Располнела. Разве что застенчивость угадывалась в характере девчонки его юности. Так же, как и прежде, дичась, ускользнула она от общения с ним. Эхо далекой поры отозвалась в душе Сергея, но ни один мускул не дрогнул на лице летчика, научившегося владеть собой.

Каледа, капитан в отставке, встретил братьев Красноперовых прохладно, ревниво. Был здоров, как бык. Имел гитару, патефон. В деревне, по слухам, держался особняком. Поговорив малость с Каледой, Сергей поднялся и, не подав руки, распрощался с хозяином. За воротами скаламбурил:

- Капитан пехотной окопался капитально на временных позициях.

Красноперов не ошибся в оценке капитана в отставке (после войны Каледа бросит Груню и вернется в Белоруссию).

Дома Сергей обнял плачущую мать. Она плакала и от радости, что видит сына, и от тревоги за его дальнейшую судьбу.

- Сейчас, Сереженька, на стол соберу, - Агапия Егоровна засуетилась. - Завтра шанег в дорогу, настряпаю,
- Мама, ничего не надо, не возьму.
За ужином Сергей признался:
- У меня в Сарапуле невеста осталась - Люба.
- Красивая?
- Да. Она добрая, вы с нею поладите.
Ребята поужинав, забрались на печь и полати, а мать и Сергей, сидя за столом, вели неторопливую беседу.
- Сережа, скажи начистоту, - тихо спросила Агапия Егоровна, - опасно воюешь?
- На нас, мама, напал коварный враг. Но теперь на фронте наша берет, с Гитлером скоро управимся, - уклончиво ответил он.
- Береги себя, сыночек. Отец вон сложил свою головушку.
- На такой жестокой войне трудно уцелеть, мама. Каждый боевой вылет, не скрою, опасен. Однако мы знаем, что победим. И отец знал...
Сергей поднялся со скамьи, подошел к фотокарточкам, висевшим на стенке в рамочках. На одном из снимков увидел всю семью, кроме Вани, который еще тогда не родился. А сфотографировались они в Чернушке, когда Сергей собирался на учёбу в Сарапул. Отец пригласил фотографа на дом. Младшие братишки были подстрижены наголо. Не было волос и у Валечки, Но для неё всё равно,приготовили белый бант. Юра и Витя нарядились в вышитые рубашки, застегнулись на все пуговички. Витя и Вова к тому же облачились в пиджачки. Семья устроилась у стенки, оклееной обоями, довольно быстро. Отец вэял на колени дочку, мать - Бореньку. Юра сел рядом с отцом, к Юре - Витя. Володя устроился за ними. Сергей встал позади матери и отца, опершись на спинку стула. На нем белая рубашка с распахнутым воротом, на лацкане чёрного пиджака - звездочка, "Готовы?"- спросил фотограф. Отец спохватившись, положил на стриженную головку дочери белый бант: "Барышня все же". Вот такими и заснял их фотомастер в тот день, канувший в вечность.
- Отдыхай, Серёжа, - ласково сказала мать, - умаялся, день-деньской на ногах.
Сергей лег на кровать под шинель и моментально заснул. Агапия Егоровна, задув лампу, оставленную соседями до отьезда фронтовика забралась к сыновьям и дочке на печь. Лежала и умилялась: все дети - рядышком, под одной крышей собрались. А вырастут младшие, как Сережа, и разлетятся кто куда. Попробуй потом собери их вместе. В глубине души она осознавала, насколько редкостна и значима для семьи эта встреча с Сергеем. Не будь войны, может, и не дошла бы до таких мыслей. С Леней, мужем, уже не встретиться, обезглавила война семью. "Сохрани, Боже, от гибели Сережу, - молила Агапия Егоровна Всевышнего, засыпая, - упаси от болезней, от голодной смерти младшеньких".
Весь следующий день Сергей провел дома, с родными. С утра, как хозяин, поработал во дворе. Убрал с крыши снег, подправил надворные постройки, расколол чурбаки, неподдавшиеся матери и малолетним браткам. Вернулся в избу раскрасневшимся, довольным. Умылся прохладной водой по пояс и растерся полотенцем.
Накормив ребят и убрав со стола, Агапия Егоровна вынула из сундука сверток. Развязав узел тряпицы, подала Сергею письма мужа. Он с трепетом перебирал отцовские треугольники.
- Читай, Сережа, вслух, - сказала мать, - послушаю, будто поговорю с ним.
Сергей, раскрыв первое письмо, стал читать: "3 декабря 1941 года. Добрый день, родные: жена Ганя, дети - сыновья Володя, Юрий, Виктор, Борис, Иван и дочь - милая моя Валечка. Желаю вам доброго здоровья и успехов в жизни. Сообщаю, что я от вас теперь далеконько, то есть все еще нахожусь в городе Рыбинске, здоров. Вот уже настал зимний месяц. Здесь стоят холода, но мы одеты тепло, только ноги не важно, так как в ботинках холодновато, но, возможно, выдадут валенки.

Ганя пиши мне, пока я нахожусь здесь. Пишите, как живете, что делаете. Валечка, поди, чисто говорит и, наверное вспоминает меня, или, быть может, уже забыла, не скучает.
Ганя пропиши, выдают ли денежное пособие. Что пишет Сережа? Привезли ли дрова?
С Матвеем в одном городе, но встречаться не приходится. Наших из Чернушки много..."
Сергей открыл следующее письмо. Посмотрев на мать, задумчивую, грустную, принялся читать его: "Шлю вам, родные мои, привет с фронта... Сообщаю, что я жив и здоров. Вот уже скоро два месяца, как наша батарея, а вместе с ней и я, бьем кровожадного врага, с каждым днем все дальше гоним его с нашей родной земли.
Сообщаю, что от вас получил первое письмо, очень рад, прочитал его 3 раза. Очень рад, что все живы и здоровы, что Ваня уже сидит самостоятельно. Ганя, скоро подходит время получать по многосемейности, а потому напиши Сереже письмо, чтобы он, если жив, из своей части прислал вам
справку, а то без нее не выдадут денег... Ганя, пошли мой адрес Сереже, чтобы он писал письма мне, и сами пишите. Я вам на память посылаю 3 фотокарточки...
Федя, помоги моей семье вывезти дрова из леса, а также прошу помочь, чем можешь. Если буду жив и закончим войну с проклятым Гитлером, тогда все возмещу..."
Сергей посмотрел на дату письма - 31 января 1942 года. Ничего-то отец не знал о нем, Сергее. В это время курсант авиашколы еще не воевал и не мог быть убитым. Эх, батя, батя... Ни одним письмом не обменялись они с ним. Так вышло, и виноват в этом он, Сергей. В последние годы ему не нравилось поведение отца. Однажды батя, подвыпив на гулянье и стоя на берегу реки Стреж, крикнул мужикам: "Смотрите, как я буду переплывать Советскую власть!" Что он хотел этим выразить - трудно сказать. Очевидным, бес-спорным было одно: батя отзывался о власти, хорошо знавшую изнутри, не почтительно. Отношение с ним обострились после исключения его из партии и снятия со всех должностей. Ну и что? Он тоже пошел добровольцем защищать Родину, эту власть. И сложил за нее голову, как герой. Только высокое звание ему власть не присвоит, даже посмертно, как и дяде Феде. Первый - "исключенец", второй - "враг народа". Вчера, когда Юрка спросил Сергея, как стать Героем, он ответил: "Надо быть кристально чистым человеком". Не смелым, не мужественным, а именно "кристально чистым человеком". Проявить мужество, отвагу - полдела. Найдут "пятно" в биографии - никакая отвага не поможет. Конечно, ему, Сергею, Звезду Героя дали за боевые заслуги, но при кристально чистой характеристике. Он умолчал на фронте об исключенном из партии отце и о дяде Феде. Умолчал обоснованно, ведь, говорят, сын за отца не отвечает. Ставят людей в нелепейшее положение. Как ни крути, а он вынужден был не писать на всякий случай ни отцу, ни дяде Феде.
- Чо Сережа, опечалился? - спросила мать, заглядывая в глаза сына.
- Отца жалею, о многом с ним не договорили. - Сергей не посвятил мать в свои раздумья. Знал, ей их просто не понять. Он отдал матери прочитанные отцовские письма. Она опять завернула бумаги в тряпицу и положила в сундук на хранение. Там же, в сундуке, хранились и Сережины фронтовые треугольнички.
Время после обеда покатилось еще быстрее. Не успела Агапия Егоровна оглянуться, как свечерело. Ребятня, отлепившаяся от старшего брата, завалилась дрыхнуть. Улегся под шинель и Сергей. Это была третья и последняя ночь фронтовика в родном доме.
Агапия Егоровна, устроившись спать на краю печи, переговаривалась с Сергеем в темноте.

- Сережа, в самое-то пекло на войне не лезь, - в который раз увещевала мать, - побереги себя.
- Пекла, мама, не избежать. Сама поберегись, целую армию на ноги поднимаешь.

- На нас бомбы не падают...
Сергей заснул. А мать, не уходя в сонное забытье, как бы продляла свидание с сыном, прислушивалась к ровному дыханию первенца, ставшего мужчиной, воином. Завтра Сережа уедет на фронт. Завтра... Так мало побыл дома. Что там, на войне, ждет сына? Боже, летит время, летит! Завтра, завтра, завтра... Впрочем, уже - сегодня. И не замедлить приближения грядущего дня, не оттянуть тягостную разлуку. Агапия Егоровна вздремнула перед рассветом и увидела сон: будто Сережин самолет, потерявший управление, несется к огненному шару, похожему на солнце. Вот-вот врежется в него. Мать истошно закричала во сне. Ее растолкал проснувшийся Юрка. "Ма тебе плохо?"- спросил. Она повернулась к Юре, погладила по спинке: "Спи, сон мне приснился". Юрка вновь сладко запосапывал, а мать в страхе размышляла о сновидении. Не раз убеждалась - сбываются сны. Однако этот сон прервался, чем закончился бы - неизвестно. Тем и успокоила себя, и зареклась не пересказывать его Сергею. Пускай едет на фронт со спокойной душой.
Утром начались сборы, сборы, сборы... Все "лишнее" Сергей оставлял дома. Володе отдал запасную гимнастерку. Юре - теплый шарф, Вите - перчатки... Каждому нашел подарок на прощание.
В полдень возле ворот вырос тот же резвый огненно-рыжий жеребец, что доставил три дня назад Сергея в Михайловку. Охваченный красивой сбруей и запряженный в роскошную кошевку, он нетерпеливо перебирал ногами, рвался в дорогу. Сергей прощался сдержанно, просил не лить слезы.
- Мама, я вернусь, вот увидишь, - он поцеловал ее, сестренку, братишек, - до скорого свидания.
В последний момент в кошевку к Сергею села мать.
- Но-о-о! - понужнул коня возница, и Рыжик, как прозвали его красноперики, с места пошел рысью.
Расставаясь с родным краем, Сергей мечтал о той поре, когда, отвоевавшись, вернется обратно, и не один, а с Любой. В подсознании мелькнула и тревожная мысль: не в последний ли раз видит родных? Война, все может случиться...
В Чернушке Сергей снова попал под опеку начальства. Беседы, встречи, выступление по местному радио, фотографирование - все это отняло немало времени. Особенно теплой была встреча с другом детства и юности Федором Деревянных, работавшим в железнодорожной школе, где прежде оба учились.
- Было время, - сказал Сергей другу, - когда наши отцы отступали, а теперь мы, их сыновья, ведем наступление.
Сорок пять минут - академический час - выделило им для общения военное лихолетье. Вспоминали прошлое, смеялись, делились тайнами и мечтами. Расставаясь, друзья договори-лись встретиться в Чернушке после войны.
Перед отходом поезда Сергею захотелось напоследок побыть одному. Неспеша пошел по улицам поселка, по дорогим сердцу стежкам-дорожкам. Задержался у здания райпотребсоюза. В красном уголке прежде стоял бильярд. Играли в обеденный перерыв или после работы. Однажды в бильярдную забежал Юрка. Сергей, поджидая партнера, гонял шары. Они с треском влетали в лузы от крепких и точных ударов. Подозвал Юру: "На, попробуй". Стол Юрке - по макушку. Подставил стул, на него - Юру: "Бей". Кий у братишки, как назло, мазал, ни одного путного удара. Спрыгнув со стула, он потрюхал из бильярдной, однако Сергей перехватил шалунишку и попросил станцевать "Танец маленьких лебедей". Юрка растерялся: какой из него лебедь - штаны в заплатах, ноги в грязи. Но Сергей начал напевать мелодию, и Юрка - делать нечего - раскинул руки, приподнялся на цыпочки, принялся выделывать руками и ногами "балеринские движения"...
Сергей прошел мимо стадиона. Здесь происходило столько курьезного, веселого, забавного. Светлая печаль оплела летчика, заполонила душу...
Он уезжал из Чернушки знакомым железнодорожным путем. Отсюда Сергей отправлялся в Сарапул на учебу и сюда же возвращался. Красноперов испытывал странное чувство: повторялось что-то близкое, родное, но навсегда ушедшее из жизни. То прошлое воплотилось в нем, выросшем, возмужавшем, достигшем вершин летного мастерства. Ощущая реальность бытия

во всем многообразии, думал о будущем, зависящем от людей, от него, Сергея, от того, как он, они живут, что совершают в настоящее время. Тому будущему, которое взращивает нынешнее поколение, тоже предначертана все- поглощающая вечность. На земле, увы, все преходящее, даже будущее. Таков мир, такова жизнь. Она, сегодняшняя, не мыслима без прошедшего и будущего, иначе то, что совершается сиюминутно, лишится смысла.
Был конец марта.
Ожидание встречи с невестой приглушало боль разлуки с родными и друзьями, оставшимися в Михайловке и Чернушке. Мама, наверное, все еще стоит на перроне. Тяжело ей было отпускать его в неизвестность... Отвлекаясь от грустных мыслей, Сергей думал то о Любе, то о боевых друзьях, оставшихся в Тамани. Там ли они, или перебрались на новый аэродром? Чем, интересно, занимаются? Может, атакуют
укрепления противника? Или, сцепившись в "кольцо", ведут воздушный бой? Возможно, сидят под крылом самолета и травят побасенки, а нет - так вспоминают тех, кто не вернулся со штурмовки. Наверное, и его, Блондина, не забыли. Их-то он во сне видит. Ладно, после учебы попросится в родной полк... Что же сейчас Люба делает? Наверное, торопится на вокзал встречать его - таков был уговор. Скорей бы добраться до Сарапула.
Поезд гулко вкатился на камский мост. Пора одеваться, скоро станция. Сергей надел шинель, достал чемодан. Слева поплыли привокзальные постройки. Поезд резко затормозил, дернулся и встал, как вкопанный. Выходя из вагона, Красноперов высмотрел в потоке людей Любу, идущую вдоль поезда и ловко увертывающуюся от пассажиров, навьюченных мешками, сумками, чемоданами.
- Люба! Люба, я здесь!
Услышала, бросилась на голос. Отыскав глазами Сергея, подбежала вплотную, обняла.
- Знала, сегодня приедешь, а все равно каждый день сюда ходила, - Люба, расцветшая, счастливая, засыпала вопросами о поездке в Михайловку, о маме, братьях, сестренке.
Они зарегистрировали брак первого апреля. Председатель горсовета Михаил Русин дал обед в честь молодых. А вечером Красноперовы сыграли скромную свадьбу. Медовый месяц у них отобрала война. Четвертого апреля Сергей уехал в Липецк.
Люба, стоя на перроне, долго махала ему вслед. В глазах таилась тревога. С любимым человеком всегда расставаться трудно, вдвойне-втройне трудней провожать на войну.
Поезд скрылся вдали, отгудели рельсы, отстучали на стыках колеса. Опустел мир. Она не уходила с перрона, словно ждала чуда - вдруг Сергей обратным поездом вернется с ближайшей станции. Поезда подходили, а любимый не воз- вращался. Был момент, когда она встрепенулась: из вагона выскочил молоденький офицер, но - не он! Сдерживая слезы, Люба возвратилась в опустевший дом. В голове возникла, назойливо звучала частушка Тольки Зиновьева.
Самолет летит,
Пропеллер крутится.
Полюбила я пилота
-Век мне мучиться...
Что ж, иначе и не может быть: полюбила летчика -крепись.

Шла операция "Багратион"

Сергей, приступив к учебе в Липецкой офицерской школе, не знал, что в Генштабе дорабатывались наступательные операции второй половины 1944 года. Одна из них - Белорусская - уже предопределила его судьбу. Он же, овладевая новыми знаниями, не терял надежды на возвращение в 502-й Таманский штурмовой авиаполк. Из писем друзей-однополчан Сергей черпал интересные сведения, однако без подробностей - всего в коротких посланиях не опишешь. А в те весенние дни 1944 года авиаполк вновь вел активные

боевые действия, продолжал штурмовку укреплений, техники, вооружения, плавсредств противника в районе Крыма.
... Фашисты, огрызаясь, уносили ноги от пехотинцев, наступающих им на пятки. Летчики-смирновцы наседали немецким асам на хвосты. Одиннадцатого апреля два звена, ведомые Корнеем Ефременко и Иваном Тимоховичем, удачно атаковали передовой край противника. В звене Ефременко летел командир полка Сергей Смирнов, в звене Тимоховича - брат командира Леня Смирнов в качестве воздушного стрелка.
Звенья, увлекшись штурмовкой вдали от аэродрома, израсходовали почти все топливо.
- Возвращаемся на аэродром, - дал команду по радиосвязи Ефременко, - может, дотянем.
Самолеты легли на обратный курс, кратчайший, без отклонений от опасных зон.
- Корней, "мессеры"! - крикнул Смирнов.
- Не уйти! - Ефременко принял решение: - Даем бой, скоротечный!
Закрутили воздушную карусель. Быстрой расправы с "мессерами" не получилось. Штурмовики, отбиваясь, "уползали" постепенно с "борцовского ковра" в сторону дома. Немцы наглели, чувствуя превосходство над "горбатыми". Оставалось за малым - перекрыть путь к отступлению и добить. Наших заело, от обороны перешли к атаке, будь что будет. Перестроились, разобрали по "мессеру" и ринулись в яростную схватку, чего не ожидали уверенные в исходе фашистские асы. Один за одним кувыркнулись вниз три “месссршмитта", задымил четвертый. Почувствовав почерк Смирнова, немецкие летчики отрезвели и отвалили от "горбатых" подальше.
- Что делать, командир? - Ефременко впервые обратился в небе за советом к Смирнову. О возвращении на свой аэродром не могло идти речи - воздушный бой окончательно подсушил баки, а для экстренной посадки ничего подходящего не было, кроме аэродрома в Багерово, занятого немцами.
Смирнов, помолчав, ответил:
- Сядем в Багерово.
- Шутишь, командир? - невесело сказал Ефременко. - Там же фрицы.
- Наши, видишь, вливаются в Багерово, немцы деру дают, и мы страху нагоним, - Смирнов явно не шутил, - рискнем, Корней, все равно баки сухие...
При снижении смирновцы заметили спешно поднимающиеся с аэродрома противника в воздух транспортные самолеты, бомбардировщики, захватив, видно, с собой все, что могли взять. Когда последние немецкие машины оторвались от земли, штурмовики коснулись колесами посадочной полосы. Персонал противника, обслуживающий аэродром, сдавался нашим войскам, входившим в Багерово. Летчики-смирновцы, осмотрев аэродромное хозяйство, сдали под охрану самолеты. Уставшие от штурмовки и воздушных перепетий, они искали мало-мальскую комнату, где бы можно было прикорнуть до утра. Но все помещения забили пехотинцы и пленные. Летчики устроились на ночлег в склад; легли между снарядами, оставленными немцами.
- Поспим в обнимку со смертью, - пробурчал Ефременко и отключился, захрапев по-богатырски.
- Ребята, полегче, снаряды сдетонируют, - пошутил Смирнов. И сам захрапел покрепче Корнея.
Утром, 12 апреля, группы Корнея Ефременко и Ивана Тимоховича с аэродрома Багерово вылетели на уничтожение артиллерийской батареи противника. Однако минут через пятнадцать их по радио перенацелили на другой объект. Обстановка на фронте менялась быстро - в район боевых действий, куда они летели, вошли наши войска. Штурмовики, изменив маршрут, взяли курс к мысу Херсонес. Там, на мысе, предстояло уничтожить вражеский аэродром. План атаки обмозговывали налету. На мысе фрицев на испуг не возмешь - засели крепко, цепляются за важный плацдарм изо всех сил. Аэродром имел сильную зенитную охрану. Было над чем поломать голову Ефременко, Тимоховичу и, конечно, Смирнову, по-прежнему летевшему в звене Корнея. Учитывая возможные ситуации, продумали три-четыре варианта боя.

Тревожились не напрасно. При подходе к аэродрому штурмовиков встретили более десятка "мессеров". Смирнова насторожило молчание ведущего. Где команды, что делать летчикам?
- Командир, я прикрою, - тотчас услышал он голос Ефременко. Самолет Корнея резко ушел в сторону и врезался, что называется, в гущу истребителей. Промахнуться тут было невозможно, и Ефременко сбил "мессера". Немецкие летчики, ошаращенные непредсказуемыми действиями шального ведущего, замешкались. Он, судя по тактике русских, должен в данной ситуации создать “круговую оборону”, но почему-то бросил группу на произвол, пошел на верную гибель. Они не ведали того, что одним из ведомых этого лихача летел сам командир полка Смирнов, который взял руководство боем на себя. Уклонившись от воздушной дуэли, повел своих орлов в атаку на аэродром. Короткого замешательства врага оказалось достаточным, чтобы выиграть время, приблизиться к цели. Часть “мессеров”, попустившись шальным ведущим, кинулась вслед за штурмовиками. Но момент был упущен. Смирнов уже бросил звено в пике, а Тимохович, идя пеленгом, отбивался своей группой от наседавших истребителей. У воздушных стрелков раскалились пулеметы. Еще два "мессера" рухнули вниз.
Смирнов, выйдя из атаки, прикрыл с ведомыми группу штурмана полка, которая ушла добить зенитные установки и оставшиеся целыми самолеты, вздыбить взлетное поле. Чередуя воздушный бой со штурмовкой, смирновцы точными ударами разносили бомбардировщики, транспортные самолеты, склады с горючим и снарядами. Взлетно-посадочную полосу так перерыли, что качество “весновспашки” не вызывало сомнения.
- Командир! - крикнул по радио Тимохович, - Корней подбит!
Штурмовик Ефременко, объятый пламенем, терял высоту. У Корнея и воздушного стрелка Петра Таток выбор был невелик: попасть в руки врага или... Ефременко направил горящий самолет в десантную баржу противника.
В одном полете, в одном бою Корней Ефременко совершил два подвига: прикрыл собою в небе товарищей, дал им возможность развить атаку, а затем пошел в последнее пике, как Николай Гастелло, Евгений Лаук, Василий Сивочуб... Корней, конечно, не мог не заметить и перепаханный аэродром и разбитые внизу самолеты, и горящие склады. Задание выполнено, друзья в полете...
Так погиб командир Красноперова Корней Ефременко.
В Липецкой школе Сергей проучился чуть больше месяца. Занимался основательно, с присущей ему самоотдачей. Пятого мая 1944 года отправился в Москву за назначением. В летном планшете находилась отличная характеристика, данная начальником школы генералом-маиором Николаенко. В ней говорилось: “Выпускной экзамен по воздушно-стрелковой подготовке Красноперов С.Л. сдал на “отлично‟. За время учебы в школе Красноперов показал себя дисциплинированным и старательным слушателем. Вел себя скромно. В офицерской среде общителен, к занятиям относился добросове-стно, усваивал учебный материал легко. Самостоятельно работал над собой много. Может хорошо разбираться в теоретических вопросах воздушно-стрелкового дела. На тактической конференции по боевому опыту на тему “Действия самолетов-охотников‟ выступил с хорошо подготовленным и оформленным материалом. Общее развитие хорошее. Руководить подготовкой летного состава полка вполне может.
Выводы: достоин назначения на должность помощника командира полка штурмовой авиации по воздушно-стрелковой службе с повышением очередного воинского звания "старший леитенант".
В Москве Красноперов заикнулся:
- Хочу в 502-ой авиаполк...
- На юге военная кампания завершается, - сказали ему, -там тебе нечего делать. Собираися в Белоруссию.
Во второй половине мая Красноперов прибыл на 1-й Белорусский фронт. Он попал в 874-й штурмовой авиаполк. Его назначили помощником командира полка по воздушно-стрелковой службе. Здесь, как и на Кубани, Сергей в два счета освоился, подружился с летчиками, механиками, оружейниками,

воздушными стрелками. Близко сошелся с командиром полка Николаем Волковым и заместителем старшего инженера полка по вооружению Евгением Бевзюком.
Боль белорусской земли отозвалась в сердце Сергея. Он видел горе людей, переживших лишения, издевательства фашистов. Летая, замечал сожженные дотла селения.
Освобождение Белоруссии от захватчиков началось еше 26 сентября 1943 года, когда войска 3-й армии Брянского фронта вошли в первый город республики - Хотимск, расположенный в Могилевской области. В начале октября от немцев были очищены несколько районов. Войска Белорусского фронта, начав Гомельско-Речицкую операцию, освободили Тереховку, Светиловичи, Ветку, Добруш, Гомель. К середине февраля 1944 года освобождены были Калинковичи и Мозырь. Вблизи Мозыря и дислацировался 874-й штурмовой авиаполк, входивший в состав 16-й воздушной армии, сражавшейся ранее под Сталинградом.
Теперь войска готовились к широкомасштабной операции "Багратион". Пехота плела мокроступы - лыжи из ложи, для пушек готовили волокуши, для танков - фашины. Людям и технике предстояло пройти через непроходимые, казалось бы, белорусские топи и болота.
Готовились к предстоящему сражению и летчики штурмовики. Им-то топи и болота не мешали, а потому они обрабатывали дальние и ближние позиции врага, изучали разведкой боем укрепления оборонительной линии противника в районе Бобруйска, проверяли состояние самолётов, вооружения, запасались боеприпасами.
В один из этих напряженных дней Сергей получил письмо от Любаши. "Если с тобой случится непоправимая беда, -читал он, - я не переживу... Не смогу без тебя жить..."
- Из дома письмо? - Женя Бевзюк, проходивший мимо, задержался подле Сергея.
- От жены Любы, - Красноперов не скрывал чувства горделивой радости. - Из Сарапула.
- А мне вчера было...
О самом заветном, о доме, о любимых, о том, как заживут после войны, вели они бесхитростный, задушевный разговор. Родом с Украины, Бевзюк был старше Сергея почти на десяток лет, однако разница в возрасте не сказывалась на их отношениях. Евгений, будучи капитаном, не заносился, как, впрочем, и Сергей, награжденный Звездой Героя.
Расставшись с Бевзюком, Сергей перечитал Любино письмо, ласковое, нежное, полное заботы о нем. Когда же он снова встретится с милой молодой женой? С приходом победы? Безусловно. Скоро начнется крупное наступление наших войск, и полностью будет освобождена Белоруссия. Война катится к границе. Левое крыло 1-го Белорусского фронта при успешном развитии операции "Багратион" направит удар на Пинск и Брест, откуда фашисты напали на Родину. До победы осталось всего ничего. Уцелеть бы в этом пекле.
Накануне операции "Багратион" у пехотинца Марка Тукача, не знавшего Сергея Красноперова, мысли тоже были о доме. Рядышком прикорнула родная деревня Петровичи, укутавшись зелеными садами под макушку крыш. Не подойдешь, однако, к ней, не прогуляешься вечером по улице, не постучишься в заветное окошко. Возвращение домой надо завоевать - очистить землю от фашистов. Утром он с земляками Дмитрием Карасем и Владимиром Крюком - бойцами 37-й стрелковой дивизии - пойдут в наступление и погонят поганых врагов с родной земли.
Марк лежал на спине, пытаясь в небосводе, затянутом тучами, отыскать свою звездочку в нечаянно образовавшемся просвете. До войны он с любимой девушкой, запрокинув голову, пристально разглядывал небо, полное таинств, и следил за звездами, падающими вниз. Звезды вырывались из глубин мироздания неожиданно и, отполыхав ярким, неземным светом, бесследно исчезали. "Чья-то жизнь угасла", -
шептала любимая, затаив дыхание. Она верила или хотела верить древнему преданию и, отыскав его и свою звездочки, сияющие бок о бок, забавно грозила пальчиком: "Смотрите, не падайте".

Марк Тукач улыбнулся - славные были ночки. Он вздохнул. Туча проглотила просвет. Нет, не увидеть сегодня те далекие-далекие звездочки, которые и не подозревают того, что двое влюбленных на земле породнили их несколько лет тому назад. Марк понимал: все это - романтика, предание, и если ему утром суждено погибнуть в атаке, то его звездочка по-прежнему будет сиять во Вселенной и не упадет вместе с ним на поле брани.
Марк и его друзья-пехотинцы прекрасно знали, с чем, с какими трудностями столкнутся в наступлении. Главная полоса вражеской обороны проходила по линии Витебск-Орша-Могилев-Рогачев-Жлобин-Бобруйск. Оборонительные сооружения у фашистов удачно увязывались с выгодными условиями местности - лесами, озерами, болотами, реками. Взять их не просто. Без летчиков, танкистов и артиллеристов никак не обойтись. Марк взглянул на часы: ждать осталось недолго. Соснуть бы чуток, денек выдастся тяжкий. Он прикрыл глаза, стараясь ни о чем не думать. И вздремнул. Спал чутко. По команде “тревога!‟ энергично вскочил и помчался к месту построения. Однако в атаку их, пехотинцев, не повели, оставили в окопах и траншеях. Странным показалось молчание артиллерии. В небе, затянутом тучами, мрачными, тяжелыми, не слышалось, вопреки ожиданиям, мощное гудение краснозвездных самолетов. Редкие группы штурмовиков и бомбардировщиков, появившиеся позднее, не давали повода думать о начавшемся наступлении. Марк не представлял с боевыми друзьями всех тонкостей сложившегося положения.
В Ставке же сочли, что начать операцию 1-го Белорусского фронта целесообразней не 23-го, а 24 июня, так как это позволяло перед наступлением 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов использовать здесь авиацию. Кроме того, по словам Сталина, 3-й Белорусский фронт выигрывал в данном случае лишние сутки. Спустя десятилетия полководец Александр Василевский напишет в воспоминаниях: “Итак, все было готово к решающему наступлению. Одна-ко...операция “Багратион" началась не совсем так, как нам хотелось бы. Погода не считалась с нашими планами. Небо затянули сплошные облака, и авиацию дальнего действия нам удалось использовать лишь частично... Из-за погоды мы не смогли использовать на полную мощь и фронтовую авиацию...”
Да, лишь небольшие группы из числа самых опытных летчиков ушли 23-го июня на штурмовку и бомбежку. Ушел
в небо, заполоненное тучами, и Сергей Красноперов. Он повел звено к Бобруйску. К цели подобрались на бреющем и сходу атаковали укрепления немцев. В один заход сбросили бомбы, выпустили реактивные снаряды, ударили из пушек и пулеметов. Били, летя вдоль линии обороны. Израсходовав боеприпасы, пробили облака и, не опасаясь "мессеров", вернулись на аэродром. Враги понесли ощутимый урон. Зенитные батареи, поздно застрочившие, сотни снарядов выпустили по безобидным тучам. Противник, не ожидавший в скверную погоду воздушных налетов, проморгал отчаянный рейд штурмовиков.
Летчики, вернувшись на аэродром, взахлеб делились пережитым. Нанести в непогодь точный, мощный удар они не рассчитывали, а Красноперов так "протащил" их по линии немецкой обороны, чтобы за единственный заход, без сложных маневров сполна использовать боеприпасы. Он ловко провел немцев, все рассчитав до безупречности, вплоть до ожидаемой замедленной реакции зенитчиков. Провести такую сложную, трудную штурмовку под силу опытному, большому мастеру, тонко чувствующему обстановку и знающему врага, его психологию.
- Вот это командир!
- Героя сразу видно...
Сергей разыскал Бевзюк.
- Хлопцы без ума от тэбе, - сказал Женя, мешая русские и украинские слова.
- Обычная штурмовка, - Красноперов пожал плечами.
- Не скажи. Ребят, летавших с тобой, знаю давно, зазря гутарить не будут. - Бевзюк зашагал в ногу с Сергеем. - Я от комполка. В часть поступила новая пушка, и Волков распорядился установить ее на твой самолет.

Инженер-капитан Бевзюк помог оружейникам в монтаже пушки, и напросился к Красноперову в воздушные стрелки. Сам решил убедиться в ее боевых качествах. Воздушных стрелков здесь, как и на Кубани, тоже не хватало. Сергей не возразил - с друзьями летать надежней. С благодарностью вспомнил кубанцев: Прохорова, Дмитриенко, Ионова...Славные ребята. Связь с ними оборвалась. Таманский авиаполк, видимо, передислоцировался. Впрочем, и писать письма некогда.

Вечером Сергей, поглядывая на небо, гадал, каким оно будет на рассвете: летным или нелетным? Надо бы всем полком крепко ударить по ощетинившимся укреплениям фашистов, помочь пехоте развить наступление. Ровно через месяц, 23 июля, у него - день рождения, исполнится двадцать один год. Всего-то двадцать один! Так мало. Если отсчет взрослых дел вести с шестнадцати лет, то на все, что он, Сергей, достиг, приходится лишь пять годков. Но каких! Каждый насыщен напряженной учебой, преодолением, жесточайшими боями. Только разве за пять лет стал бы он тем, кем стал, без тех шестнадцати лет детства и отрочества? Ах, время, время... Может, в будущем году день рождения отметит в мирной обстановке с мамой, сестренкой, братьями. Любой. Люба-Любочка...

Я люблю такое лето,
Когда ландыши цветут,
Я люблю такое имя,
Когда Любочкой зовут.

Чем она сейчас занимается? Наверное, сладко-сладко спит. Он расстегнул ворот гимнастерки, пора и ему спать.

На рассвете полк подняли по тревоге.

- К самолетам!

Загудели моторы, штурмовики потянулись к взлетной полосе. Занимался день. 24 июня 1944 года, второй день операции "Багратион". Погода улучшалась, облака тончали, разрывались, образовывались обнадеживающие просветы.

- Погодка разыграется под нами, як дивчина под горячим парубком, - пошутил Женя Бевзюк по радио, когда Сергей поднял самолет в воздух. Летчики эскадрильи, взявшие курс на Бобруйск, заулыбались, услышав шутку Бевзюка, летевшего воздушным стрелком в экипаже ведущего.

- О дивчинах, мастера порубки, потом, - прозвучал в ответ бесстрастный голос Красноперова, - а сначала порубаем немецких парубков.

Сергей имел, как и отец, склонность к каламбурам. Выдавал их редко, но метко, всегда к месту.

Эскадрильи полка включились в штурмовку стратегического фронта противника. На всем его протяжении фашисты имели сильные узлы сопротивления, укрепленные системой хорошо развитых траншей, дотов и дзотов. Города Витебск, Орша, Бобруйск, Борисов, Минск приказом Гитлера были объявлены укрепленными районами, их следовало удерживать любой ценой.

Красноперов с эскадрильей налетел на оборонительные укрепления в районе Бобруйска, как смерч. Звенья эскадрильи, выбрав цели, уничтожали заградительные сооружения, боевую технику, живую силу противника реактивными снарядами, бомбами, пушечно-пулеметным огнем. Сергей действовал точно и мощно. Новая пушка, установленная на его штурмовике, била превосходно. Более скорострельная,с зарядом, значительно превышающим разрушительную силу прежней пушки, она, к удовлетворению Красноперова и Бевзюка, стреляла безотказно и эффективно. Немецкие зенитчики открыли по их самолету шквал огня. Такой плотный, яростный огонь Сергей испытывал нередко, особенно на Кубани, над "Голубой линией". Он вновь попал в самое пекло войны, в которое мать просила его не лезть. Но этого пекла он, как и Женя Бевзюк, и другие летчики, избежать не мог. Грандиозное сражение, начавшееся под кодовым названием "Багратион", поставило на грань жизни и смерти миллионы людей, втянувшихся в него по воле рока.

Совершив противозенитный маневр, Сергей пошел в последнюю атаку. Выйдя из нее, передал по радио:

- Возвращаемся на аэродром...

Внизу клокотал ад. Сквозь черный дым прорывались языки всепожирающего пламени. На протяжении полутора километров оборонительная линия противника походила на многоглавого огнедышащего дракона, бившегося в конвульсиях. Из последних, кажется, сил он огрызнулся, изрыгнул в небо горячий металл. И в тот же миг самолет Красноперова содрогнулся. Подбит! Сомнений не было, поврежденный штурмовик слушался плохо. По радио сквозь шум и треск до ведущего доносились голоса летчиков:

- Командир, держись!
- Тяни к линии фронта!

Сергей надеялся дотянуть до своих, в крайнем случае до нейтральной полосы, и выпрыгнуть с парашютом. Самолет, задымивший гуще, еще держался в воздухе. Линия фронта приближалась. Вот она! И тут второй снаряд сотряс штурмовик.

- Женя, прыгай!- скомандовал Красноперов, открывая фонарь.

Бевзюк молчал. Он был смертельно ранен. Самолет начал разваливаться на части. Сергей с трудом перевалился через борт кабины и дернул кольцо парашюта. До земли оставалось метров триста-четыреста. Теплилась надежда на спасение - внизу болото, удар смягчится. Проклятье! Стропы парашюта зацепились за обломки самолета. В следующее мгновенье рванул бак с горючим, и пламя перекинулось на одежду и парашют Сергея.

Жестокая, кровожадная война, не знающая жалости, цепко ухватилась за свою жертву...

Марк Тукач ожидая наступления, закурил - когда-то еще удастся затянуться. Начнется заваруха - табачком не побалуешься. А каша заваривается густая, вон какая силища прет на немца с воздуха. Мощно бьет артиллерия. Скоро настанет черед пехотинцев. Докурив самокрутку, Марк поправил каску, теперь можно ждать приказа,

- Подбили! - услышал он чей-то крик сквозь нарастающий гул возвращающейся с задания эскадрильи штурмовиков.

Тукач задрал голову к небу. Один штурмовик, дымя, летел ниже других самолетов, и по нему, потерявшему маневренность и скорость, били вражеские зенитки.

- Тяни, родной, - крикнул Марк, - тяни!

Из самолета кто-то выпрыгнул с парашютом и загорелся. Живым огненным факелом летел он к земле. Штурмовик упал в болото за деревню Петровичи, за его, Марка Тукача, родную деревню. Потрясенный гибелью экипажа, солдат молча снял свою каску.

- Вперед в атаку!- услышал Марк Тукач голос командира роты. Он нахлобучил каску по самые глаза, выскочил с автоматом из траншеи.
- Ура, ура-а-а!

Воиска четырех советских фронтов громили правый фланг армии “Север”, группу армий “Центр” и левый фланг группы "Северная Украина".

То был неожиданный, ошеломляющий натиск русских войск. Один из немецких офицеров, испытавший его на себе, свидетельствовал: "Русским удалось в районе Бобруйска окружить 9-ю армию...Нередко немецкие полковники и подполковники срывали с себя погоны, бросали фуражки и оставались поджидать русских. Царила всеобщая паника... Это была катастрофа, какой я никогда не переживал". Германский историк Ф.Геим охарактеризовал операцию "Багратион" такими словами: “Это кровопускание было гораздо больше, чем под Сталинградом".

В самых горячих сражениях Отечественной войны участвовал Сергей Красноцеров; под Сталинградом, на Северном Кавказе, в Белоруссии. Он погиб на второй день операции “Багратион”, но именно эти первые дни сражения оглушили,деморализовали противника, навели панику в более чем миллионной группировке врага.

В 874-м авиаполку, продолжавшем боевые полеты, еще надеялись на возвращение Красноперова и Бевзюка. Всяко бывает, может, спаслись. Но шли дни, а их все не было. Комполка Николай Волков снарядил на поиски экипажа экспедицию. Однако она вернулась ни с чем. Снарядил вторую. Ребята облазили все болота за деревней, а также окрестности Петровичей - безрезультатно. Не нашли ни самолета, ни тел погибших. Мрачными вернулись

назад. Начальник отдела строевой и кадровой подготовки воисковой части 29748 гвардии старший лейтенант Сенаторов, подождав неделю, отправил матери героя письмо и извещение о гибели ее сына. Послал "похоронку" и жене - Любови Григорьевне Красноперовой.
Осенью в полк на имя Сергея пришло письмо от его матери! Боже, она по-прежнему считала сына живым! Видно, извещение о смерти Сергея не получила. Неужели оно затерялось в дороге? Горько было читать Сенаторову слова Агапии Егоровны, обращенные к Сереже, полные надежды на скорую встречу. И он снова взялся за перо. "Уважаемая Агапия Егоровна! - писал Сенаторов, - Сегодня мною получено Ваше письмо, адресованное Красноперову С.Л., и распечатав его я был просто поражен тем, что Вы до сего времени не знаете происшедшего с ним.
Дело в том что Сережа при выполнении боевого задания по уничтожению живой силы и техники противника в районе
Бобруиска 24 июня 1944 года был подбит зенитной артиллерией над целью, его самолет в воздухе загорелся, и другие экипажи видели, как из его самолета кто-то выпрыгнул с парашютом, но был ли это Сергей или его воздушный стрелок - не установлено, т.к. никто из них до сего времени в часть не вернулся, и судьба их неизвестна. Есть предположение, что Ваш сын Герой Советского Союза С.Л.Красноперов упал вместе с самолетом и сгорел.
Обо всем этом мною было выслано Вам письмо и специальное извещение, но, по-видимому, Вы это не получили. Поэтому вторично высылаю Вам официальное извещение и справку с указанием присвоенных наград...Ордена и медали, удостоверения на них находились при Сергее и остались вместе с ним..."
В Михайловку, в дом Агапии Егоровны пришла скорбная весть. Однако у матери глубоко в подсознании тлел огонек надежды: может, жив ее Сереженька, ведь судьба его, говорят, никому неизвестна.
Марк Тукач вернулся в Петровичи победителем. Часто в болотных сапогах уходил за деревню к месту гибели штурмовика. От односельчан знал, что дважды какие-то летчики во время войны пытались найти в болоте тела погибших товарищей. Один из них говорили, был Героем Советского Союза. Надеялись отыскать и Золотую Звезду, чтобы передать матери, но тщетно. О фамилиях погибших жители деревни спросить летчиков не догадались.
Вот ведь, размышлял Марк Тукач, и такое бывает, когда одновременно с человеком падает на землю и его звезда. Правда, звезда рукотворная, негасимая, а потому не может она бесследно исчезнуть с лица земли. Не будь болота, воды, он бы давно с односельчанами откопал самолет, раскрыл тайну упавшей Звезды.
Время отсчитывало годы после победы. Прошли пять, десять, пятнадцать лет. За помощью ветеран войны обратился к следопытам Николаевской школы, к учителю Алексею Русиновичу. По настойчивой просьбе Марка Тукача. жителей деревни Петровичи к месту падения самолета прислали мелиоративную технику. Механизатор, зачерпнув ковшом экскаватора землю с неразорвавшимся снарядом, прекратил работу - опасно. И снова на долгие годы отодвинулся поиск. Лишь в 1973 году, спустя почти тридцать лет после гибели экипажа, раскопки возобновились. За опасное дело взялся экскаваторщик Лукьян Бенько, заслуженный мелиоратор республики, бывший летчик, окончивший, как и Сергей Красноперов, Балашовскую авиашколу.
Был ясный день, солнце накалило кабину экскаватора. Бенько чувствовал себя в ней, как в боевой машине. Черпая из ямы грунт и жижу, мельком поглядывал на людей - не близко ли подошли. Кто знает, сколько там, в земле, в корпусе самолета, лежит смертоносного груза. Не дай Бог, ежели рванет. В толпе не все осознавали, что он, Бенько, откапывал частицу похороненной здесь войны, могущей заговорить громовыми раскатами, унести в небытие тех, кто прошел ее и уцелел в грозное лихолетье, и тех, кто никогда не соприкасался с нею.
Впереди толпы стояли бывшие бойцы 37-й стрелковой дивизии Марк Тукач, Владимир Крюк, председатель сельсовета Григорий Дудко, учитель Алексей Русинович. За ними - женщины, старики, дети. Лукьян Бенько жестом попросил людей отойти. Толпа подалась назад. Ковш экскаватора, как

показалось ему, зацепил корпус самолета. Он осторожно, очень медленно стал поднимать груз. Над ямой повис продолговатый фюзеляж штурмовика с очертаниями кабины и двигателя. Бенько отвел находку в сторону от ямы и положил на траву. Люди, забыв об опасности, подались к фюзеляжу, стали очищать от земли, из кабины извлекли тело летчика, которое, к их изумлению сохранилось. Правда, мгновенно
начало распадаться. В прахе погибшего обнаружили документы. Лучше других сохранился партбилет.
Алексей Русинович, с волнением раскрыв его, прочитал:
- Номер партбилета - 52-59529, Евгений Демидович Бевзюк, год рождения - 1914, время вступления в партию - март 1943 года, выдан политотделом 292-й штурмовой авиационной дивизии...
Каждое прочитанное слово учителем люди ловили с затаенным дыханием. Вот кто, оказывается, лежал здесь на глубине четырех метров долгие-долгие годы! Где же второй член экипажа? И кто он? Летчики, побывавшие в деревне во время войны, искали двух своих товарищей. Однако останков другого человека, его документов не обнаружили ни в яме, ни в корпусе исковерканного самолета.
- Я отчетливо помню, - возбужденно сказал Марк Тукач, - как один летчик выпрыгнул с парашютом на малой высоте, да и горел он. Летчики-то, искавшие пропавших друзей, нашим, деревенским, про героя говорили. Золотую Звезду хотели его матери передать. У Бевзюка ее нет...
Стали гадать: куда делся герой.
- Может, летчик, приземлившись, потушил в воде горевшую одежду и выжил?
- Вполне мог спастись, ведь никаких следов те летчики не обнаружили: ни Звезды, ни сапог, ни костей...
- Мог, мог... Заладили одно и то же, - не выдержал Русинович. - Выжил, в полк бы вернулся.
- А ежели его, потерявшего сознание, немецкие разведчики прихватили? - раздался голос из толпы.
- Ну, братцы, - возмутился учитель, - через край хватили.
- Почему бы - нет? - настаивали из толпы. - В плену и погиб, поди. Если уцелел - давно домой вернулся.
- Зазря чепуху не будем молоть, - подвел итог спору Русинович, - Надо выяснить, что это был за человек, как звали? Жив - тем лучше, пригласим в гости.
- Верно, - поддержал учителя Марк Тукач, - на догадки мы падки...
Алексей Русинович со следопытами с головой окунулся в поиски. Ребята обратились сначала в Управление кадров Военно-Воздушных Сил с просьбой дать подробные сведения о Евгении Бевзюке. Ждать ответа пришлось недолго. Из присланной справки узнали, что "инженер-капитан Бевзюк Евгений Демидович родился в селе Высокое Тетиевского раиона Киевской области в 1914 году. В армии - с октября 1936 года. Окончил двухгодичное Ленинградское авиатехучилище. 24 июня 1944 года, будучи заместителем старшего
инженера по вооружению 874-го штурмового авиаполка, был сбит огнем зенитной артиллерии противника, погиб".
Обширная переписка с воинскими учреждениями, ветеранами полка дали богатый материал. Следопытам, наконец, предоставили даже копию боевого донесения штаба 874-го штурмового авиаполка от 24 июня 1944 года. В донесении сообщалось следующее: "В 7.30 во время работы над целью был сбит огнем зенитной артиллерии противника на высоте 350 метров самолет N 4175 с летчиком Героем Советского Союза Красноперовым и инженером по вооружению Бевзюком".
Отбывшего командира 874-го авиаполка Николая Волкова вызнали следопыты немало ценных сведений о Сергее Красноперове. Однако и Волкову, отзывавшемуся о герое в превосходной степени, неведома была его судьба. “Раз сбили и не вернулся в полк - значит, погиб”, - считал он.
Весть об откопанном под Петровичами штурмовике, сбитом во время войны, облетела всю Белоруссию. Долетела она и до Урала, до Чернушки, где живет

брат героя Юрий Красноперов, и до Краснодара - до матери Агапии Егоровны, братьев Владимира и Ивана. От них-то белорусские следопыты и узнали, что Сергея дома считали без вести пропавшим,
Тайна упавшего штурмовика, раскрытая следопытами и Алексеем Русиновичем. имела все-таки "белое пятно" -никто не мог объяснить, почему экспедиции, снаряженные на поиски экипажа, не нашли никаких следов Сергея Красноперова, выпрыгнувшего с парашютом над болотом. В деревне Петровичи ходили разные слухи, вплоть до маловероятных: будто захваченный фашистами в плен, он после войны остался жить за границей, зазорно, мол, было герою возвращаться домой из плена.

Прикосновение к подвигу

За истиной в Белоруссию, к месту гибели экипажа штурмовика выехали Юрий Красноперов с сыном Леней, учащиеся Чернушинской железнодорожной школы с учительницей Розои Ширяевой и автор этих строк. Поезд из Чернушки отправился на запад 25 мая 1984 года.
Наш путь лежит в Минск, Брест, Светлогорск - районный город на Гомельшине, а оттуда - в Петровичи, в Чернин, на могилу героев.
Под мерный стук колес скорого поезда невольно повторяю про себя: “Чернушка-Чернин-, Чернин-Чернушка...” Слова однокоренные. Они родственными стали для нас не только в синтаксическом и морфологическом значении, но и в общечеловеческом понимании. В деревню Чернин мы везем горсть чернушинской земли. Сергей ведь погиб вдали от нее. Впрочем, размышляю я, у героя, наверное, нет неродной земли. Родина Сергея - деревня Покровка Чернушинского раиона, но своим его считают в Рябках, Ермии, Чернушке, где в разное время жила семья Красноперовых. Своим Сергея признают в Сарапуле, на Северном Кавказе, в Балашове, в Волгограде, в Белоруссии... И все-таки горсть родной земли мы не могли не взять.
Сергей Красноперов шел в огонь во имя жизни осознанно, так был воспитан в семье, школе, техникуме. Так воспитаны и его братья-красноперики, как их ласково называла Шура Суховеева из Краснодара. Они тоже осознанно, смело, мужественно, воспитанные к тому же примером брата-героя, шли на рискованные поступки в мирное время.
Юрий Красноперов из горящего дома, где жили слепые и глухонемые, вывел всех людей. Никто из них не пострадал, а ему горящая головня угодила в голову. Ослеп на правый глаз. Врачи долго боролись за восстановление зрения.
Володя служил на границе, потом в милиции. Обезвредил более двухсот преступников. В схватках с ними, вооруженными финками, пистолетами, обрезами, подвергался смертельной опасности. В мирное время награжден орденом Красной Звезды, Был у него прямой контакт и с отзвуками минувшей войны.
...Это случилось в марте 1950 года. В 23 часа он в составе дозора заступил на охрану Государственной границы. С напарником Владимир Красноперов двигался по гранитной набережной. От нее тянулась кромка льда шириной в пять-шесть метров. Володя заметил в море, недалеко ото льда, какой-то предмет. Камень-валун? Но почему на нем торчат “рожки"? Он похолодел: это же мина! До кромки припая оставалось метров тридцать. Что делать? Рванет дура так жертв и разрушений не миновать. Поблизости - жилые дома, фабрика с рабочими ночной смены.
- Доложи начальству о находке, - поторопил Красноперов напарника.
Вырвав из забора реику, Владимир спустился на лед. Мина, страшная, грозная и таинственная, неумолимо приближалась к берегу. Сможет ли он рейкой удержать ее, тяжеленную? Достаточно было легкого толчка воды, чтобы мина, наткнувшись на припай, рванула. Осторожно, не касаясь "рожек", Красноперов задержал махину и стал поджидать подмоги. Ему передали, что с минуты на минуту должен подойти тральщик. Истек, однако,

час, затем - второй, третий, а в море - ни суденышка. У военных моряков, вероятно, произошел какой-то сбой. Охотников же сторожить на льду смерть не находилось. Истекло еще два часа. Один из пограничников сжалился над смельчаком, направился к припаю, но Владимир, посмотрев мельком под ноги, предупредил:
- Лед ненадежный, двоих не выдержит.
Не мог Красноперов оставить без внимания мину ни на мгновенье. Шесть часов кряду выстоял он рядом со смертью. Наконец, показался тральщик. Шел тихо, остановился поодаль, чтобы не вызвать большой волны. Четыре матроса неспеша поплыли к Красноперову на шлюпке.
- Держись, браток! - крикнули с лодки.
- Держусь...
Взмокнув от напряжения, Владимир реикой набросил веревку, которую пустили по воде матросы, за рожки мины. Те осмотрительно потянули ее к тральщику, а тральщик - в открытое море...
При нашей встрече Владимир Леонидович, рассказывая о той давней истории, признался: "Я обращался с миной, как с чугунком кипятка, чтобы не обварить себя и других. "Чугунок"-то весил почти три тонны и имел более 2,5 тонн взрывчатки ".
Очень мне приглянулся Владимир. Да и остальные братья героя - Борис, Виктор, Иван - тоже славные люди, добросовестно работают, самоотверженно поступают в критических жизненных ситуациях, воспитывают внуков-красноперików нового поколения. Сестра Сергея Красноперова - Валечка - погибла при освоении целинных земель.
Все братья Сергея побывали в Петровичах и Чернине, а мать из-за болезни и немощи так и не смогла посетить место гибели самолета ее сына.
Юрий Леонидович с Леней едут в Петровичи вторично, но все равно волнуются. Эта поездка рабочая, надо порасспросить старожилов о давней трагедии. Может, что-то откроется новое, неведомое доселе им и нам из хроники огненного поля, принявшего Сергея и его подбитый самолет.
Позади Москва. Подъезжаем к Минску. На календаре - 27 мая. Побродив по городу, отправляемся с экскурсоводом Тамарой Яковцевой в Хатынь, о трагической судьбе которой не мог не знать Сергей Красноперов. На 54-м километре от Минска - крутой поворот вправо. Видим тревожный указатель - Хатынь. До Хатыни - пять километров. Это - дорога молчания. Смотрю в задумчивые, сосредоточенные лица мальчишек и девчонок, О чем они думают? Как их сердца воспримут Хатынь, Брест, Петровичи, Чернин?
Скорбные, беломраморные глыбы отбивают каждый километр пути. Все ближе приближаемся к месту трагедии. И вот выходим на священную землю Хатыни. Перед нами - бронзовая скульптура Непокоренного Человека.

...Каратели согнали в сарай все население деревни, заперли двери, обложили стены соломой , облили бензином и подожгли. Зловещее пламя взметнулась к небу. В дыму задыхались люди. Плакали дети, раздавались душераздирающие крики взрослых. От натиска рухнули двери сарая. Охваченные ужасом, в горящей одежде хатынчане бросились врассыпную, но другой огонь - свинцовый - преградил им путь к спасению. Из девяти детей семьи Барановских в живых остался один - двенадцатилетний Антон. Еще уцелел Витя Желобкович - его прикрыла своим телом мать. Она дважды подарила ему жизнь. Прикрыл сына и Иосиф Каминский. Очнулся от стона и просьбы Адама: "Пить". Встал на ноги, поднял на руки обгоревшего, израненного своего мальчика. Так у него на руках и умер сын.
Мы смотрим и а скульптуру Непокоренного Человека, горестно и бережно держащего на руках тело замученного ребенка. Весь вид Непокоренного и сжатый кулак мертвого мальчика как бы говорят: "Будь проклят, фашизм!"
Наш экскурсовод плачет. Она знала Иосифа Каминского, встречалась с ним, пока был жив.. Смахивают слезы с ресниц наши мальчишки и девчонки: рассудительные Люда Навалихина, Светлана Суздальцева, замкнутая Дина Гараева, вечно подвижный Толя Ширяев. Видим слезы на глазах изысканной английской пары. В Хатыни никто не стыдится слез.

Мы останавливаемся у "кладбища деревень", деревень, уничтоженных фашистами вместе с людьми, а потому не восстановленных на прежних местах. Такого кладбища нет во всем мире. История каждой деревни потрясает. А точнее - история смерти деревни, когда в ней одновременно умирают и старики, и дети.
Жила-была в Светлогорском районе, в который и лежал наш дальнейший путь, деревня Ала, веселая и работящая, мечтающая и любящая. Жила до 14 января 1944 года. В тот день в деревню ворвались каратели и согнали людей в сарай. Дома поджигали, чтоб никто не уцелел. Спрятавшихся волокли к полыхавшему огнем сараю и бросали в огромный костер. Жена офицера Колеснева обратилась к фашистам с просьбой разрешить ей сгореть в собственном доме. Каратели не поняли просьбы женщины. Она повторила ее. Фашисты, поняв, наконец, загоготали и разрешили сгореть в родной избе. Жена офицера шла к горящему дому твердой походкой, не оглядываясь. Во всем ее облике было столько мужества, решительности, что каратели оторопели. Офицер, не выдержав, выстрелил из пистолета в женщину, собиравшуюся перешагнуть горящий порог... Из 1762 человек в живых осталось четверо.
Другие деревни умирали не менее мучительной смертью, чем Хатынь и Ала. Фашисты выпускали на людей голодных
псов-волкодавов, которые разрывали детей, женщин, стариков на куски и носились с ними по улицам.
Хатынь жжет наши, сердца. Негромкие, тревожные, скорбные перезвоны ее колоколов отзываются в душе набатными ударами. Застыв, стоим у братской могилы Хатыни. На Венце-памяти- обращение хатынчан к каждому из нас: "Лю-ди добрые, помните: любили мы жизнь и Родину нашу и вас, дорогие. Мы сгорели живые в огне. Наша просьба ко всем: пусть скорбь и печаль обернутся в мужество ваше и силу, чтобы смогли вы утвердить навечно мир и покой на земле. Чтобы отныне и никогда в вихре пожаров жизнь не умирала!" Слова простые, а опаляют душу, заставляют скорбеть и выпрямлять плечи... Мы уезжаем из Хатыни другими, чем въехали в нее. В нас вошел мир жившей и спаленной фашистами деревни - свидетельницы зла, существующего до сих пор на земле и ждущего своего часа. Что сделать людям земли, чтобы не повторилось подобного варварства? Вспыхнуть огню легко, трудно его потушить. И совсем невозможно вытравить из памяти, ибо беспамятство - благодатная почва для живущего зла. Хатынь приподняла нас над безвременьем и утвердила в мысли жить за себя и сгоревших, отдающих нам свою любовь, свое добро, свою силу во имя мира и спокойствия на свете. И на сущность свершенного Сергеем Красноперовым, сгинувшего в Белоруссии, мы посмотрели иначе. Это и ему придавала мужество и силу скорбь людей, чью жизнь покалечили или оборвали фашисты.
Возвращаемся в Минск и в тот же день, 27 мая, отбываем в Брест.
О Брестской крепости мы наслышаны и начитаны. Однако лучше один раз увидеть все самим, чем сто раз услышать от кого-то. И начали знакомство с нею с просмотра документальных кинокадров начала войны, снятых немцами.
...Четыре часа утра. Гитлеровцы открыли артиллерийский огонь, тяжелогруженные бомбардировщики, закрыв все небо, взяли курс на советские города, нанесли удар по Брестской крепости. Немцы шли густой цепью. Шли уверенно, нахально, с сигарами и даже трубками в зубах. Так, с неприкрытой наигранностью, полушутя привыкли они завоевывать страны Западной Европы...
Брестскую крепость сходу взять не удалось, оказалась не по зубам. Пришлось "звать" на помощь мирное население. Захватчики сгоняли людей из близлежащих деревень к крепости, ставили стариков, женщин, детей впереди своих атакующих цепей. И к Холмским воротам рвались за живым щитом. Люди кричали защитникам крепости: "Не жалейте нас, стреляйте!"
Холмские ворота изрешечены пулями, разрушены снарядами. На стене у входа - мемориальная доска. Здесь расстрелян комиссар Фомин. Я подхожу к этому месту, встаю лицом к стене. Именно так, поставив лицом к стене, комиссара хотели расстрелять. Но Ефим Фомин, израненный, в изорванной офицерской форме, резко обернулся и принял смерть грудью, как подобает солдату. Я

круто оборачиваюсь: на клумбах цветут цветы, мимо идут нарядные, красивые девушки, женщины, на которых заглядываются мужчины-щеголи. Галдят веселые, беззаботные дети. Сияет солнце...

Брожу по крепости с ребятами и в одиночку. Кружу вокруг гарнизонного клуба... Всматриваюсь в воды Буга и Муховца... Стою на мосту, держась за перила. Через них перемахивали взятые в плен пограничники. Одни надеялись сбежать, другие умереть, предпочтя плену смерть. Что тут творилось: крики, лающие команды немцев, безостановочный треск автоматов и пулеметов... Река была красная от крови. С моря крови начали войну фашисты. И те, кто их остановил, достойны преклонения, вечной памяти. Здесь, в Брестской крепости, погиб Юрий Еремеев, учившийся с Сергеем Красноперовым в Чернушинской школе N 1. Где, в каком месте Еремеев встретил врага? Как погиб? Пытаемся разузнать о судьбе сверстника Сергея, бродя по подвалам, казематам, но тщетно - Брестская крепость хранит еще много тайн. Может Юрий Еремеев погиб на бетонном полу каземата, оборудованного под госпиталь, куда проник фашистский танк. Со страшным скрежетом он наезжал на ряды лежащих окровавленных бойцов, разворачивался, перемалывая траками людей.

...Уходя из крепости, мы услышали раскаты грома. Звуковое оформление, что ли? Здесь звучит голос Левитана, сообщающего о нападении фашистской Германии на нашу Родину, песня "Вставай, страна огромная", глухие удары сердца, доносящиеся словно из заваленных подвалов и казематов. Нет, обознались. Раскаты грома естественные - первые вестники весенней грозы. Грозовые тучи идут с запада, со стороны границы, где виднеются сторожевые вышки.

- Под крышу, девочки, - кричит Люда Навалихина, - капает!

И верно: капельки дождя зачастили, вот-вот разразится ливень. Визжа и смеясь, ребята бегут к остановке. Там собираются в стайку, кто-то задорно декламирует: "Гром гремит, земля трясется, поп на курице несется. Курица споткнулась - хлоп, поп расшиб широкий лоб". Стайка хохочет. Люди, окружающие ее улыбаются. Хорошо бы на земле слышать только мирные раскаты освежающих гроз да счастливый смех детей!

Брест... До него Сергей Красноперов не долетел. Мы опередили его. Пора назад, к нему, на огненное поле, раскинувшееся под Петровичами.

Из Бреста берем курс на Калинковичи. В Калинковичах живет Григорий Дмитриенко, бывший воздушный стрелок, летавший в экипаже командира 502-го штурмового авиаполка Сергея Смирнова и изредка - с Красноперовым на свободную охоту. До выхода на пенсию он учительствовал, был директором школы. С женой Екатериной Никитичной вырастили двух дочерей и сына. Теперь Дмитриенко - заядлый любитель грибной охоты. Самая большая опасность, существующая на ней - вернуться домой с пустой корзиной.

О встречах ветеранов 502-го штурмового авиаполка в местах былых сражений Григорий Николаевич узнал случайно, будучи в Минском музее истории Великой Отечественной войны.

- Радости моей не было конца - рассказывает Дмитриенко, - когда я получил известие о существовании в запасе Таманского авиаполка. Прекратил всякую домашнюю работу. Вспоминал боевые годы, о многом передумал. Мое волнение передалось жене и дочери, приехавшей в гости. Первая моя встреча с однополчанами после войны состоялась спустя 39 лет. Сразу узнал Прохорова, Тимоховича и комиссара Ширанова. А потом, разговорившись, и других узнал, и меня признали. В душе такое творилось... Не выскажешь. Я летал с Тимоховичем, Левой Брутт, Корниловым, Акашкиным с другими летчиками, поскольку командиру полка Смирнову, в экипаже которого я числился, летать разрешали редко.

- Красноперова помните? - спрашиваю.

- Как же, отлично помню! Чуть-чуть ниже среднего роста, блондин, всегда улыбающийся. При улыбке верхняя губа немножко как бы стягивалась вправо. Общительный был летчик. Я с ним несколько вылетов сделал, прекрасно летал...

Григорий Дмитриенко воевал в полку с декабря 1942 года. Летал до победы. Не раз находился на грани гибели. Чудом выжил, видно, в рубашке, говорит, родился. Однажды в ногах его кабины разорвался зенитный снаряд. Сапоги и ноги были пробиты бессчисленным количеством осколков. Второй раз ранили немецкие истребители. Два раза самолет, на котором летал воздушным стрелком, был подбит, пришлось летчику садиться на "живот". А как-то сделали вынужденную посадку на лес. Отвалились крылья, мотор, хвост, а кабины выдержали, и летчик со стрелком спаслись.

- Только после той посадки, - говорит Дмитриенко, награжденный двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны второй степени, многими медалями, - я три дня ходил какой-то разбитый, тело, казалось, отстало от костей...

Пора, однако, в путь. Из Калинковичей в Светлогорск выезжаем в полупустом вагоне электрички. Не спим, подремываем - боимся проспать город. На перрон вокзала вылезаем сонные. Дрожим - ночная прохлада стойко держится на улицах предрассветного города. Идя к гостинице, приглядываемся к Светлогорску: отчего получил такое светлое имя? Название городов - Светлогорск и Чернушка - очень полярны, однако, как убеждаемся, их многое роднит. Здесь тоже, как и у нас, добывают нефть, но запасы ее невелики, и светлогорчане вахтовым методом работают на севере, куда летают и чернушинские нефтяники. А когда попали на аллею Героев и увидели портрет Сергея Красноперова, прошлись по улице, носящей его имя, чувство родства со светлым белорусским городом усилилось.

Устроившись в гостинице, отдохнув и перекусив в ресторане, садимся в автобус, подготовленный гостеприимными хозяевами к поездке в Петровичи. Водитель - Иван Семченко, пожилой мужчина с поседевшими волосами. Не воевал, но хорошо знает фашистов по оккупации. С нами отправился провожатым молодежный вожак Иван Хомченко, высокий, черноволосый парень, дружелюбный и компанейский.

По пути заворачиваем в Николаевку. Надо сказать, что деревни Петровичи и Чернин входят в состав Николаевского сельсовета. В Николаевке, у школы, нас встречает Алексей Русинович, тот самый учитель, который вел с ребятами поиски, связанные с гибелью экипажа штурмовика. Русинович - человек общительный, улыбчивый, подвижный. Живет он в Петровичах, а работает в Николаевской средней школе. Сходимся с ним накоротке. В школе знакомимся с музеем, материалами, рассказывающими о Сергее Красноперове. Алексей Русинович едет с нами в Петровичи и Чернин. От Николаевки до Петровичей - рукой подать. За оживленной беседой не заметили, как оказались у заветного села, родного села Марка Тукача. К сожалению, нам с ним уже не встретиться. Он умер 19 августа 1983 года, похоронен в Петровичах. Со слов Алексея Владимировича узнаем, что Марк Тукач родился в 1914 году. В армию призван 7 ноября 1943 года. В звании младшего сержанта воевал в 114-м стрелковом полку 37-й стрелковой дивизии. Для него день 24 июня 1944 года тоже выдался трудным, был ранен в ногу. Воспоминания Марка Тукача - очевидца гибели экипажа Сергея Красноперова - хранятся в Гомельском музее.

Опоздали на встречу с ним. Уходят воины, живые свидетели истории. Спешить, спешить надо к тем, кто еще ходит с тросточкой, страдает от ран и невнимания. Мы так беспечны и расточительны временем... А оно нещадно, и все реже звучит живое слово солдата Отечественной войны.

Петровичи...Они приняли нашего Сережу, Марка Тукача, Владимира Крюка, других воинов. Одних - в годы лихолетья, других - в наши дни. У каждого свой срок. Сами Петровичи, к счастью, не разделили судьбу Хатыни и Алы. Всюду буйствует зелень. Она скрывает от взора добротные хаты, а потому улицы похожи на ровные длинные аллеи из тополей, ракит и фруктовых деревьев. Так смотрится и улица имени Сергея Красноперова. Проехав ее, сворачиваем на улицу Бевзюка. Она ведет в поле, к месту падения самолета. Выезжаем за околицу. Батюшки светы, какая необозримая ширь полей! Водитель Иван Семченко, не бывавший в Петровичах, спрашивает:

- Куда дальше?

- Вон туда, - Русинович показывает рукой влево, - видишь вербы?

Жителя деревни на месте гибели экипажа самолета посадили два деревца. Они выросли, видны издалека, застыли, как путники в широком поле, указывая к себе дорогу. Носы ребят прилипли к окнам автобуса: добрались-таки. Учащенно забились сердца, волнуются Красноперовы хотя и бывали у тех верб. Раньше Сергей приезжал к Юре и его братьям в гости, а сейчас Юрий приехал навестить старшего брата. Старшего ли теперь? Юрию стало почти в три раза больше лет чем Сергею.
Приехали. Автобус останавливается. Выходим с Алексеем Русиновичем и Иваном Хомченко из салона. Выскакивают на мягкую траву-мураву ребята. Приволье-то какое! До горизонта колышется нива, в синеве заливаются жаворонки, печет солнце и пахнет разнотравьем. Кажется, ничто не напоминает о воине. Ан нет! Толя Ширяев кричит:
- Ребята, колючая проволока!
Его окружают Слава Мельников, Владик Мусихин, Света Овчинникова. Присаживаются на корточки. Толик тянет моток из вороха. Проржавевшая проволока легко ломается.Следы войны нам не в диковинку, - говорит Русинович,до сих пор выпахиваем то осколки мин, то гильзы от снарядов, патронов. Гильзы от снарядов в каждом дворе есть косы на них клепаем.
По насыпанной песчаной дорожке идем к месту падения самолета. Дорожку выстлали песком школьники и жители деревни Петровичи. Таскали песок издалека носилками, заваливая увлажненную почву. Алексей Русинович старался больше всех - он же ее замыслил. Подходим к мемориальной доске, к металлической оградке. Открываем калитку. Здравствуите, Сергей! Здравствуите, Евгений! Простите, что так поздно... Ребята бросаются к яме, наполненной водой, и вытаскивают из нее части от штурмовика: алюминиевую обшивку, трубочки, патрубки, какие-то приборы. Они укладывают в сумки военные трофеи. Я тоже беру обрывок обшивки от корпуса самолета. Забегая вперед, скажу: он помог мне в работе над этой повестью, не позволял расслабиться, отступить, когда срывался, в "штопор" от мысли в ее ненужности, в чем убеждали коллеги и знакомые, поддавшиеся веяниям, охаивающим защитников Отечества. В вихревом потоке неотложных дел, хлопот я, увидев частицу опаленного войной самолета, принадлежащего Сергею Красноперову, самолета, повиновавшегося каждому его движению при штурмовике и в воздушном бою, я устыжался слабости, я переходил из штопора в пике, бросаясь в новый бой за строчки. Я ощущал себя в штурмовике Красноперова, за его спиной, на месте воздушного стрелка.
Крутится-вертится ИЛ над горой,
Крутится-вертится летчик-герой.
В задней кабине сидит паренек.
Должность простая - воздушный стрелок.
В последнее время я жил жизнью Сергея Красноперова. Он стал для меня человеком, который помогает выжить, выдюжить обиды, беды и лишения, не потерять веру в добро и справедливость. Уверен, память о защитниках Родины нужна. Нужна, ибо их, защитников Отечества, ни в кои веки никому не опошлить, хотя пытались уже сделать. Унижали опальных Суворова, Кутузова, Жукова. Не вышло. Не унизили, не принизили их роли в военном искусстве. Не удастся предать забвению имена Н.Гастелло, А.Матросова, И.Кожедуба, А.Покрышкина, С.Красноперова, К.Ефременко...Судья им - история...
Вернемся, однако, на огненное поле Красноперова и Бевзюка. Ребята, питаю я надежду, не только в сумки набьют вещественных свидетельств трагедии минувшей войны, но и в душу что-то вберут из увиденного и услышанного на белорусской земле.
Закончив сбор деталей самолета для школьного и районного музеев, замираем у места его падения.
Минута молчания...
Он, Сергей Красноперов, летел сюда, к земле, как звезда, оставляя за собой огненный след. От погасшей звезды, известно, свет продолжает идти еще долгие-долгие годы. Свет Звезды Красноперова тоже будет сиять долго. Может, до тех пор, пока не угаснет сама Земля.

Смотрю в небо, некогда грозное, опасное, и мысленно черчу в нем траекторию падения горевшего и рассыпавшегося штурмовика. Прочертил до последней точки. Зная воспоминания старожилов-очевидцев трагедии, происшедшей в небе, на этом поле, а также исследовательские материалы следопытов, Алексея Русиновича, я , стоя на месте давнего события, сделал вывод: не мог Сергей Красноперов спастись в той ситуации. Высота - 350 метров. Парашют, зацепившийся стропами за обломки самолета и вспыхнувший от разорвавшегося бензобака, не способен был раскрыться. Летний тонкий комбинезон, объятый пламенем, сгорел моментально... Война спалила крепкие крылья отважного сокола...
До меня донесся шум двигателя. Прислушиваюсь - не чудится ли? Ожил, оказывается, автобус Ивана Семченко.
- По машинам! - командует Алексей Русинович.
Прощаемся с вербами, огненным полем. Нехотя забираемся в автобус, жаль покидать приветливое, привольное поле, хранящее в себе много из прошлого и близкого нам. Где-то здесь в земле лежит Золотая Звезда Сергея. Я назвал это поле "Звездным", но никому пока об этом не говорю, молча забираюсь вместе со всеми в салон автобуса, все еще отрешенный от сегодняшнего дня и не способный полностью выйти из гипнотического состояния, в которое погрузился, чтобы мысленно перенестись в прошлое и зримо представить разыгравшуюся на этом месте трагедию.
Сажусь у окна и бросаю последний взгляд на поле, исхоженное вдоль и поперек. Впереди - Чернин. Едем притихшие, без словечка. Не сговариваясь, превратили дорогу от Петровичей до Чернина - от точки падения самолета до могилы летчиков - в дорогу молчания, в дорогу памяти.
В центре Чернина, на площади, - два холмика, две надгробные плиты с именами и датами рождения и смерти Красноперова и Бевзюка. Дата смерти у них одна - 24 июня 1944 года. Могилы обнесены металлической оградкой. Здесь перезахоронен прах Евгения Бевзюка. А могила Красноперова - условная, его останки так и не были найдены. Однако жители Чернина и Петровичей могилу Сергея не считают символической, ухаживают за ней, как реально существующей, все равно прах героя покоится в этой земле. Достаем привезенную чернушинскую землю и посыпаем горстями на холмик могилы. Юрий Леонидович с сыном кладут на плиты живые цветы. Дина Гараева, Эльвира Рахмангулова, Владик Мусихин и Слава Мельников встают в почетный караул. И здесь минута молчания...
К нам потянулись со всех концов улиц жители Чернина. Расспрашивают, кто мы, откуда. Удивляются: "С Урала? Из такой дали!" Мы интересуемся их судьбами. Люди пожилые, хлебнувшие немало горя, пережившие нашествие фашистов. Татьяна Андреевна Русинович потеряла на фронте сына. Пропал без вести. Ждет-пождет ненаглядного, надеется на встречу. К каждому новому человеку, прибывшему в Чернин, спешит подойти - не сынок ли вернулся к родному очагу? Печальными глазами матери всматривается и в наши лица. Гаснет ее взор - не приехал. Отошла в сторонку. Знакомимся с Ильей Федоровичем Дудко. Бывший фронтовик, воевал на 1-м Белорусском фронте, имеет награды.
- Я видел штурмовиков в деле, - делится военными впечатлениями Илья Дудко. - Страху, скажу, на немцев нагоняли. Шквал огня, все рушится, взрывается, горит - сущий ад. Очень нам, пехотинцам, помогала штурмовая авиация...
Илья Федорович перезахоронял прах Бевзюка. Точнее -хоронил, ведь в сорок четвертом война погребла Евгения и Сергея не по-людски. Ему, Илье, приходилось часто на фронте хоронить друзей. Но тут был особый случай: солдата Отечественной войны довелось предавать земле в мирное время, спустя десятилетия. Не раз екнуло сердце в тот волнительный день. Рядом с могилой Евгения Бевзюка насыпали холмик и для его сгинувшего товарища. Под холмиком - земля, взятая с места трагедии, вещи Сергея, наиденные в кабине штурмовика.
Обычно могилы летчиков неизвестны. Экипажу штурмовика за номером 4175 “повезло” - место падения его заметили люди. Илья Федорович, слышавший

историю гибели Красноперова и Бевзюка от очевидцев события, давнего и печального, не сомневается, что Сергей сгорел на воине.
Жена Ильи - Федора Николаевна - пережила ужасы оккупации Чернина немцами. С риском для жизни помогала партизанам.
- Здесь я часто бываю, - говорит она. - Березку у могилы Сережи Красноперова посадила, большая стала...
Щемит сердце: такие отзывчивые, добрые, прекрасные люди живут в Чернине! Нет, не в чужой сторонке погибли и нашли упокоение Красноперов и Бевзюк.
Иван Хомченко, наш провожатый, поглядывает на часы. Намекает: пора, мол, в обратный путь. Трогательно прощаемся с чернинцами - и когда подружиться успели! Они приглашают приезжать еще, угощают ребят сладостями.
Кланяемся на прощание могилам: пусть русский и украинец, побратимые навечно воиною, спокоино спят на белорусской земле.
Водитель Семченко нажал на клаксон - до свидания, Чернин! Мы энергично машем жителям села руками, они тоже машут, что-то кричат. Похоже, и нам и им после этой встречи чего-то не будет хватать. Наверное, теплоты общения.
В автобусе, взявшем курс на Паричи, Иван Хомченко говорит:
-Чернинцы беседовали с вами на чистеишем белорусском языке.
Вот как! А мы и не заметили. Общались с ними запросто, не переспрашивали друг яруга, не задумывались над смыслом каких-либо слов, фраз - все понимали. Впрочем, чему удивляться? Может, в душевном порыве недопонимали смысла отдельных слов, но пробелы в языке восполняли сердечная теплота, дружеские чувства, близкая всем тема разговора. До встречи, Чернин, до встречи, добрые люди!
Едем мимо хлебных полей, пастбищ, сел. Красота земли завораживает. Не зря фашисты зарились на благодатный край, да не покорился он на милость захватчиков, множился партизанскими отрядами. И вынуждены были фашисты воевать не только с людьми, но и с красотой земли белорусской: уничтожали леса, вырубали сады, сжигали деревни, оскверняли юниц, отравляли воду. Никто и ничто не убедит белорусичей, переживших воину, что фашисты несли миру цивилизацию и благоденствие. Жители Паричей тоже в полной мере познали "прелести" немецкого порядка.
В старину нынешний город Паричи назывался Шатилка. Город богат на исторические события, на достопримечательности старины. Сюда, в имение брата, наезжал друг Пушкина. - Иван Пущин.
Фашисты не сумели сходу овладеть городом. Натиск захватчиков сдерживал парический отряд под командованием М.Трояна. Гитлеровцы заняли Паричи в октябре 1941 года. Разъяренные, они вывезли за город более 1700 человек. Людей укладывали штабелями в яму лицом вниз и расстреливали. Детей, подняв на штыки, бросали на тела убитых.
Не доезжая до Паричей, Иван Семченко останавливает автобус возле леска, у танка, установленного на постаменте. Отсюда началась наступательная операция " Багратион ". Ребята, облепив танк, живо обсуждают боевые качества бронированной машины. Осмотрев памятник, бросаются в лес, к заросшим окопам и траншеям. Полежав на брустверах и посидев в окопах, они, понурые, возвращаются к автобусу. В воинушку не игралось.
Паричи мы осмотрели из окон автобуса. Когда-то он был районным центром, а потом власть перешла к Светлогорску, к более молодому, современному городу.
В Светлогорск возвращаемся уставшие, полные переживаний и впечатлений. Подкрепившись в том же ресторане, где завтракали, продолжаем знакомство с городом, начатое накоротке в первые часы приезда. Заглядываем и в музей. Под Паричами, узнаем в музее, сбили в войну летчика штурмовой авиации Анатолия Арбузова. Он погиб в один день с Сергеем Красноперовым - 24 июня 1944 года. Уж был денек!
Заночевав в гостинице, мы, отдохнувшие, посвежевшие, на следующее утро отправляемся в Гомель. В Гомельском музее есть экспозиция, посвященная подвигам Сергея Красноперова. За стеклом хранятся документы, вещи, винт от его штурмовика. Хотел сделать снимок, но налетел смотритель музея и

чуть не разбил фотоаппарат. Это единственное на меня нападение за все путешествие по Белоруссии.
Интересная, насыщенная поездка по Белоруссии подошла к концу. Берем билеты на Москву, Фирменный минский поезд с ковровыми дорожками и чайными сервизами на купейных столиках мчит нас на восток.
Столица встречает нашу группу тепло и приветливо. В первую очередь спешим на Красную площадь, в Кремль. "Кто в Кремле не бывал - тот Москвы не видал", - гласит поговорка. Нас же тянет сюда еще и потому, что в Кремле был и Сергей Красноперов.
Побыв в Кремле и на Красной площади, идем по Москве, по музеям и выставкам, спускаемся в метро и едем на Казанский вокзал. Отсюда и Сергей, получив в Кремле награду, отправился в Чернушку.
Не просто далась ребятам, всем нам эта поездка. Мы тяжело переживали увиденное и услышанное на многострадальной белорусской земле. Вспомнились строчки из стихов Владимира Соколова:
Нелегко с таким сердцем нам жить,
Но другого нам сердца не надо...
Мы возвращаемся в Чернушку как бы из прошлого, из военного времени - так живо война, люди, воевавшие, сгоревшие в огне, оставшиеся живыми, стоят перед глазами. Мы спешим с ребятами в свой город, где готовятся к открытию памятника Сергею Красноперову.
Чернушка стала городом в 1966 году. А первые избы поселения срубили крестьяне-переселенцы во второй половине девятнадцатого века среди дремучих хвойных лесов на берегу реки Стреж. В Стреж впадала небольшая речушка, бравшая начало из топких болот. Воды ее были грязны и мутны, за что речку нарекли Чернушкой. И отстроенной деревне дали такое же название.
Накануне открытия памятника в Чернушку нагрянули боевые друзья Сергея Красноперова - ветераны 502-го Таманского штурмового авиаполка: бывший штурман Иван Тимохович, комсорг Александр Прохоров, инструктор парашютно-десантной службы Леонид Смирнов - брат командира полка Сергея Смирнова. Не верилось, что спустя десятилетия после войны видим однополчан героя.
- Мы не могли не приехать в Чернушку, где жил Сережа, - говорит Александр Прохоров, летавший с Красноперовым воздушным стрелком на штурмовку "Голубой линии", на свободную охоту. - Вы должны знать, каким был Сергей на фронте, как воевал, а нам интересно повидать его родину, поговорить с родными, с земляками однополчанина...
Прохоров невысок, с открытым русским лицом. Голос у него добрый, мягкий. Смирнов, наоборот, долговяз, строен. У Леонида Александровича отличная дикция. Видно, от брата передались интонации, командирские привычки. Бывший штурман полка Иван Антонович Тимохович сосредоточен, сдержан, будто обдумывает полученное боевое задание.
Полноват, с залысинами, но фронтовая закалка, офицерская выучка чувствуется в твердом характере, в движениях, полных уверенности и достоинства. У всех - фронтовые награды. Леня Смирнов, будучи сыном полка, совершил около десятка боевых вылетов в качестве воздушного стрелка. Он награжден орденами Красной Звезды, Отечественной воины второй степени, медалями "За боевые заслуги", "За оборону Кавказа" и другими.
Однополчане Сергея Красноперова охотно вспоминают эпизоды из фронтовой жизни героя, из собственных штурмовок и воздушных боев. Сами дотошно расспрашивают земляков Сергея о житье-бытье. Знакомятся с Равилем Габделхаковым, директором железнодорожной школы, в которой учился Сергей Красноперов, а также с Федором Деревянных, другом детства и юности героя. Он, Федор Ульянович, и ведет ветеранов полка к Юрию Красноперову.
Воидя в благоустроенную квартиру, Прохоров, Смирнов и Тимохович замирают на месте - перед ними стоит...Сергей, точь-в-точь полковой Блондин. Переглядываются. Догадались, конечно, что видят племянника героя, но удивления сдержать не могут.
- Вылитый Сергей! - восклицает Прохоров, разглядывая молодого человека.

-     Это Леня, мой сын, - поясняет Юрий Леонидович, взволнованный встречей с боевыми друзьями старшего брата, - в честь деда назвали, Леонида Никитича.
-     У нас и Сережа Красноперов есть, - хвалится Леня, - Не летчик, правда, а ракетчик. В Белоруссии он...
Белоруссия... Она вошла в судьбу Красноперовых с давних пор. Там проходил службу в кавалериской части Леонид Никитич, погиб его сын Сергей, сейчас служит внук. Не случайно, знать, эта связь поколений.
Юрий Леонидович - на седьмом небе: в его квартире звучат голоса летчиков, слышанные старшим братом на фронте! Как бывает, а? Такие необычные гости к нему еще,не заезжали! Он обнимает, угощает их, чем может. И не скрывает душевного трепета перед однополчанами Сергея.
Оживленным дружеским беседам, кажется, не будет конца. Федор Ульянович, человек спокойный, интеллигентный, с юности носящий очки, делится с гостями воспоминаниями о друге.
Федор и Сергей зимой катались на лыжах. Сергей любил прыгать с трамплина, и улетал дальше всех пацанов. Летом купались на реке Стреж, ходили в лес по грибы и ягоды. Дружить продолжали и в юности. В каникулы съезжались в Чернушку из Сарапула и Соликамска (Федя учился в учительском институте), с пользой проводили свободное время: мастерили планеры, самолеты, ходили в клуб и библиотеку, катались на велосипеде. В разлуке переписывались.
Федор Ульянович достает, из кармана письма Сергея.
 - Вот что он писал мне до войны, 12 марта 1940 года, -Деревянных развернул пожелтевший от времени листок: “Добрый день! Здравствуй, друг Федя! Шлю привет. Твое письмо получил 10 марта. Я учусь в кооперативном техникуме, учеба идет хорошо. Материальные условия неплохие.
Стипендию я получаю 125 рублей, имеется своя прачечная, столовая, общежитие тоже, недалеко, но с жилищными условиями не совсем хорошо. Как провожу время, это ты знаешь по себе. Насчет продуктов в магазине плохо, ни табаку, ни водки...
Предметы мы изучаем: русский и литературу, учет бухгалтерский, оргтехнику совторговли, историю, географию. Общеобразовательные закончили до 12 января, а потом сдавали испытания. С 24 по 7 февраля был в Чернушке на каникулах, но с тобой почему-то не виделись...“ - Мы тогда не встретились из-за моей занятости в институте , - комментирует письмо Федор Ульянович.
- Не смогли встретиться и летом 1940 года и в зимние каникулы сорок первого. Занят был Сергей. Он сообщал в письмах, что одновременно с занятиями в техникуме учится летать на самолете. Я завидовал ему, так как тоже мечтал стать летчиком. Однако чрезмерное увлечение книгами повлияло на мое зрение, и мечта об авиации оказалась несбыточной. А Серега круто рвался в небо.
- Мировой был парень мой брат, - улыбается Юрий Леонидович, - умел даже шуткой защитить нас. Однажды я попал под горячую руку матери. Уезжали, помнится, из Ермии в Чернушку. Домашний скарб уместился в двух сундуках: в одном - одежда, в другом - посуда. Я и Витька скатали воилок, служивший нам подстилкой, и поставили к сундуку. Я с дури вскочил на скатанную постель, как на лошадку, и, кувыркнувшись вниз, ударился головой об угол сундука. Из рассеченной брови брызнула кровь. Мать собиралась задать мне трепака, но Сергей все обернул в шутку. Быстро перевязав голову, сказал: "Мама, а Юрка у нас похож на раненого партизана". Братья, отец рассмеялись, улыбнулась и строгая мама...
Юрий Леонидович вспоминает случаи, эпизоды, поступки старшего брата, а ветераны переглядываются, покачивают головами, подтверждая, что именно таким, заботливым, справедливым, веселым, знали они Блондина в полку. Был на Кубани забавный случай. В боевом вылете один из воздушных стрелков "проспал", проворонил немецкого истребителя, чуть не сбившего нашего штурмовика. Комэск Ефременко, вернувшись с группой, в которой находились Красноперов и Варя Ляшенко, на свой аэродром, набросился на стрелка, грозя ему всякими карами. Сергей подошел к воздушному стрелку, обнял его за плечи и, глядя на разъяренного Корнея, мягко заговорил: "Товарищ капитан, я же видел, что он прицеливался". Ефременко оторопел: "Тогда

почему не стрелял?" - "Как он мог стрелять, - сказал Красноперов, - если "прицеливался" к Варе, взгляда с нее не сводил". Комэск ка-а-к расхохочется, спасу нет. Отсмеявшись, посерьезнел. Смех-смехом, а ведь могли сеичас горькие слезы лить. Нет,без наказания не обоитись. "Вы его, товарищ капитан, больше с Варей в полет не отправляите, - вкрадчиво продолжал Сергей, - для него это будет самым большим наказанием". И тут не выдержал воздушный стрелок: "Товарищ капитан, вовсе я не прицеливался к Варваре. Я, что, дурак "рога" комполка наставлять?" Ефременко снова схватился за живот, остальные летчики - тоже. Все знали об увлечении командира полка Смирнова Варей. Вздрагивая от смеха, Ефременко слабо махнул рукой - ладно, мол, на первый раз прощаю - и поплелся прочь с аэродрома.

Умел, умел Сергей потушить конфликт, спасти от наказания и дома братков, и на фронте товарищей, несших на своих плечах непосильное бремя войны.

На дворе глубокая ночь. Пора расходиться - утром надо быть на открытии памятника Сергею Красноперову. Смирнов, Тимохович, Прохоров расстаются с Юрием, его женой Анной, с их сыном Леней, так похожим на Сергея, и выходят на улицу. До гостиницы ветеранов провожает Федор Ульянович.

Коротка июньская ночь, урезанная вдобавок задушевной беседой. Однако восход солнца бравые таманцы встречают на ногах. Хлопочут, весело, громко переговариваясь, приводят себя в порядок.

В двери номера стучат,

- Доброе утро! - к ним заходят Федор Деревянных, Равиль Габделхаков, Юрий Красноперов. Подтянутые, одетые с иголочки, ветераны-таманцы идут с новыми друзьями на открытие памятника фронтовому товарищу. Там, на фронте, они и предположить не могли, что когда-то окажутся в Чернушке, о которой, бывало, упоминал Красноперов между боевыми вылетами на штурмовку. А вот довелось... Пустились в путь из Сочи и Краснодара. Память о друзьях-однополчанах приведет на край света.

Чернушка им пришлась по сердцу. Скорей всего она -белокаменная, и не оправдывает, как убедились, своего названия. "Черное золото", залегающее в недрах края, помогло людям сделать ее многоэтажной, благоустроенной. Здесь много газонов, зелени, памятников. Вчера они побывали на выезде из Чернушки, где на постаменте установлена автомашина - "полуторка", прошедшая путь от Урала до Берлина в годы войны. Такая же "полуторка" курсировала между станцией Елизаветинской и Краснодаром, доставляя летчиков 502-го авиаполка в город на отдых, а потом обратно, на аэродром. Затронула она струнки в душах однополчан. Свидание неожиданное, трепетное.

Сейчас дружная компания подходит к площади Победы. У подножья скульптуры солдата, стоящего в плащ-палатке с автоматом, горит Вечный огонь. Рядом - стела с именами погибших воинов в годы Великой Отечественной войны. Из четырнадцати тысяч чернушан, ушедших на фронт, не вернулся каждый четвертый. Двенадцать человек стали Героями Советского Союза. Семеро из героев уцелели на войне.

Это - Андрей Некрасов, Николай Ведерников, Алексей Бушмакин, Иван Маслов, Афанасий Сазонов, Степан Иванов, Иван Ильиных. Пятеро из героев погибли: Иван Брызгалов, Сергей Красноперов, Илья Усанин, Евгений Францев, Иван Южанинов. Редкий район в России воспитал столько героев, сколько Чернушинский.

У входа в парк культуры и отдыха таманцев заинтересовал памятник летчикам: устремленный вверх самолет-истребитель. Его подарил чернушанам Александр Покрышкин, возглавлявший в свое время ДОСААФ Союза ССР и сражавшийся, как помнят ветераны-таманцы, в годы Отечественной войны в небе Кубани. Стоя у памятника летчикам, они удивляются любопытным совпадениям в жизни, сфокусированным в далеком уральском городке. Ощущая тесную взаимосвязь между прошлыми и нынешними событиями, встречами, именами, знакомятся с другими достопримечательностями Чернушки, горожанами, в частности, с краеведами, энтузиастами военно-патриотической работы Владимиром Перевозчиковым и Вячеславом Хлопиным. Во многом, благодаря их стараниям, появились памятники в городе. Хлопин

- участник войны, танкист, воевал в Уральском добровольческом танковом корпусе. Перевозчиков родом из древнего города Трубчевска, что на Брянщине. Фашистов видел в оккупации, еще мальчишкой. Крал у них оружие и передавал партизанам. Рискованные дела проворачивал с бедовыми пацанами.
К тенистому скверику, расположенному на центральной улице города, ветераны подходят в точно назначенное время. Здесь и будет стоять бюст Сергея Красноперова, накрытый пока полотном.
Таманцев приглашают на импровизированную трибуну, сколоченную аккуратно плотниками, и Владимир Перевозчиков, человек эмоциональный, взрывной, умеющий горячо говорить, открывает митинг.
Слушая выступающих, Смирнов, Прохоров, Тимохович всматриваются в лица собравшихся людей, в основном, что приятно, молодых. Это им предстоит быть защитниками России в возможных крутых поворотах ее истории. Иноземцев, желавших покорить Россию, хватало издревле, и, наверное, хватит еще на века. У молодежи свои проблемы, трудности, успехи, радости. Кто-то из ребят отслужил, кому-то предстоит взять в руки оружие, изучить военную технику, возможно, новые боевые самолеты. Жизнь есть жизнь, она, как и служба в армии, не бывает легкой. Главное - нет войны,
счеты с которой сведены в сорок пятом. Цена победы оказалась слишком высокой... В минувшей воине чернушане проявили истинный героизм. Судя по всему, в Чернушке умело воспитывали и воспитывают подрастающее поколение. Сегодняшнее событие - открытие памятника герою-земляку - тоже западет в сердце юношей и девушек, всех, кто живет в городе, традициями которого, чувствуется, здесь основательно дорожат.
Берут слово и они, ветераны, однополчане Сергея Красноперова,делятся воспоминаниями о друге, Блондине, весельчаке, короле воздуха, большом мастере штурмовки и воздушного боя... О дружбе с героем рассказывает Федор Деревянных... Делится впечатлениями о нашей поездке в Белоруссию, к месту гибели экипажа самолета Люда Навалихина...
И, наконец, наступает самый волнующий момент. Полотно с бюста, установленного в сквере напротив домов, в которых живут семьи Юрия Леонидовича и Леонида Юрьевича, снимают ветераны 502-го штурмового авиаполка 214-й авиадивизии 4-й воздушной армии.
После долгой отлучки летчик-герой вернулся в Чернушку, правда, в бронзе. Прохоров, Смирнов, Тимохович, подтянувшись, стоят рядом с бюстом, словно в одном строю с Сергеем, застывшим по команде "смирно".
Звучит трехкратный оружейный салют. Он - как отзвук военного времени...
Открытие памятника Сергею Красноперову состоялось 10 июня 1984 года.
Ветераны-таманцы побыли в уральском гостеприимном городе еще два дня. Они посетили школы, где учился Сергей, музеи. Не хотелось с ними расставаться. Но час прощания приблизился.
Перед отъездом из города пришли к бюсту Сергея Красноперова. Прощаясь с другом, кланяются...
Мы с Федором Деревянных,Равилем Габделхаковым идем провожать таманцев на железнодорожный вокзал. Купили билеты на поезд Свердловск-Сочи. Он вот-вот должен подойти.
- С этого перрона Сергей уезжал в Сарапул, - говорю Прохорову, - и сюда он возвращался...
- Намек понял, - Александр Алексеевич обнимает меня, -не подкачает здоровье, приедем. Сами к нам заглядываите.
Прохоров и Смирнов пригласили нас погостить в Сочи, а Тимохович - в Краснодар.Подходит поезд. Стоянка - две минуты. На перроне суета, шум, крики. Помогаем ветеранам сесть в вагон. Успели, и тотчас вагоны поплыли мимо. Машем руками:
- Счастливого полета! - кричим бышим летчикам.
Навестят ли они еще когда-то Чернушку, своего боевого друга?
В Сочи таманцев я навещал каждый год. То были теплые, трепетные встречи. Иногда к ним приезжали однополчане, к их радости и к моему счастью. Однажды на квартире Александра Прохорова встретил Михаила Землякова,

бывшего командира первого звена 1-й эскадрильи 502-го авиаполка. А Сергей Красноперов командовал вторым звеном.
- У нас с Блондином, - говорил Земляков, - шло негласное соперничество: чье звено больше сделает боевых вылетов за день. Чаще его звено опережало...
Летное училище Михаил окончил в 1940 году. За годы войны Земляков награжден двумя орденами Красной Звезды, тремя орденами Боевого Красного Знамени. За обеспечение прорыва наземных воиск на одном из участков "Голубой линии" ему вручен орден Александра Невского - для летчиков редкая награда. Вот среди каких воздушных асов был лучшим Сергей Красноперов.
Подобные встречи, полные новых впечатлений, познаний о боевой жизни 502-го штурмового авиаполка, вдохновляли на дальнеишие поиски. Узнавал о судьбах многих летчиков, техников, воздушных стрелков, оружеиниц. Множились свидания с ними, письма, телефонные звонки. Я вживался в полк, в тот фронтовой, и в нынешний - запасной, как называют его ветераны-таманцы. Мне очень дороги и живущие однополчане, и ушедшие из жизни.
Командир 502-го штурмового авиаполка Сергей Смирнов, награжденный четырьмя орденами Боевого Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны второй степени, Красной Звезды, после войны был заместителем командира авиадивизии. Ушёл в запас в звании полковника. Он жил и трудился в Краснодаре, помня о каждом боевом товарище. Жалел Сергея Красноперова. Говорил: "Если бы Сергеи продолжал воевать в моем полку, я бы уберег его от смерти". Да, возможно судьба у героя сложилась бы иначе, и он остался жив. Возможно, но уберечь от того, что человеку предначерчено, невозможно. Ведь Сергей Смирнов, наоборот, посылал его на самые ответственные и опасные задания. Воина не считалась с его симпатиями. Ведь Варю Ляшенко, которую любил, уберечь не смог. Командир полка Сергей Смирнов умер в 1979 году.
Василий Ширанов, комиссар полка, живет в городе Жуковский Московской области. Воину Василий Иванович закончил начальником политотдела авиадивизии. В мирные годы вел военно-патриотическую работу с молодежью. Храню его письма, адресованные мне, воспоминания. Дороги его, как комиссара полка, отзывы об этой моей повести. Он пишет:
"Сергей с первых дней был принят нами в полку как самый близкий друг, боевой товарищ. Он сразу вписался в боевой коллектив прославленного полка. Сергея отличали лучшие человеческие качества - скромность, доброта, уважение к боевым товарищам и беспредельная любовь к народу, Родине, а самое главное - стремление бить врага. Все эти прекрасные качества в его характере описаны очень правдиво и подробно в вашей повести. Убедительно показана, как боевая дружба, взаимовыручка в бою обеспечивали победу. Хочется, чтобы на этой прекрасной, сложной жизни воспитывалась наша молодежь".
Дорог и отзыв Леонида Смирнова, брата командира полка: "О событиях, описываемых в повести, прочел с интересом и пристрастием. В составе этого полка я прошел боевой путь с октября 1942 года до 9 мая 1945 г., и прекрасно знаю фронтовую жизнь.
В основе этих глав лежат события, имевшие место в действительности, взяты из документальных источников и воспоминаний многих ветеранов войны, с которыми автор встречался лично. Сергея Красноперова я на фронте хорошо знал и считаю, что образ Героя в повести отражен достоверно. Автору удалось вникнуть в боевые действия полка, летчиков, воздушных стрелков и технического состава, в его повседневную жизнь, отразить операции по штурмовке оборонительного рубежа противника, названного "Голубой линией".
Автору, по-моему, удалось также раскрыть глубоко характер Героя, его психологию, гражданский патриотизм. Автор, не являясь участником войны, со знанием дела описал события тех лет..."
Привожу эти выдержки из отзывов ветеранов полка не ради тщеславия. Они важны читателю. Он, читатель, должен быть уверен, что повесть выстроена на реальных событиях, что все это - не вымысел. Есть, знаю, люди, которые

вообще отрицают минувшее. С болью я читал письмо Алексея Русиновича из Белоруссии о таких "забывчивых" согражданах. Да вот оно: "Прости за долгое молчание. Не хотелось Вас огорчать. Думал, все уладится. Перед годовщиной освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков бывший директор нашего совхоза Ганжин С.Ф. приказал трактористу вспахать дорожку, которая ведет к месту гибели экипажа и оградку с мемориальной доской. Почему? "А это было давно, и неправда", - так он объяснил трактористу, сопротивлявшемуся его приказу. Я как увидел распаханную дорожку, погром, учиненный на месте гибели самолета, чуть не упал. Ведь мы с учениками носили туда землю, песок, сажали деревья. Я воспитывал детей, учил их хорошему... И все было разрушено враз. С 1984 года я веду борьбу за справедливость. Подлеца за махинации, за глумление над памятью нужно судить, но нашлись люди, которые постарались его защитить, а мне посоветовали уехать подальше. Правда, ребята из Светлогорского картонно-бумажного завода решили получше поставить памятник на том месте. Им мешали, не оказывали помощи. Однако они установили новую мемориальную доску на хорошей основе, в виде пропеллера, посадили липки, прямо около дороги, по которой мы с вами приезжали к месту гибели экипажа..."

Это письмо написано в 1988 году, в разгар "перестройки" души и сознания. Кому наруку такая "перестройка" в крен беспамятства, бездушия, и жестокости? Может, тем, кто воевал против нас? В Брестской крепости, например, пожилые немцы, приезжающие на "экскурсию", говорят, что "всего этого не было". Подобные высказывания иностранных путешественников в Бресте звучат довольно часто, о чем нам рассказывала экскурсовод Марина Блощук. Коротка же память у некоторых господ. Но их-то еще понять можно, хочется поскорее забыть кошмарные злодеяния, а как объяснить короткую память белорусичей, каждый третий из которых погиб от рук фашистов. Может, Ганжин из Петровичей позабыл и Хатынь, Алу, Байки. В деревне Байки фашисты расстреливали мужчин группами, женшин сжигали заживо. В доме В.И.Гайдука каратели застрелили в постели роженицу, а новорожденного убили ударом о стену хаты... Не пересказать, не перечислить преступлений. Пусть это было давно, но это - правда! Потому-то и дорого слово самих участников уходящей от нас все дальше тяжкой войны. Спасибо, что есть в Белоруссии Русиновичи, Тукачи, Дудко, заводские ребята, преодолевающие националистические, бюрократические и прочие заслоны во имя памяти защитников Отечества.

Продолжу, однако, рассказ о судьбе ветеранов-таманцев. Борис Золотухин и Дмитрий Луговской. Герои Советского Союза, живут в Санкт-Петербурге, Минске. В столице России здравствует Владимир Зорин, Борис Дубец... Ольгу Серебрякову (Комиссарову) нашел в Перми. Она похоронила боевого друга и мужа Александра Серебрякова, написавшего на слова Николая Баженова "Песню о таманцах". Ветераны авиаполка, встречаясь, распевают эту песню, вызывающую яркие воспоминания о боях на Кубани и Тамани, о друзьях - однополчанах.

Отлично били злого,
Коварного врага
Штурмовики 502-го
Таманского полка...

Закончив бои на Северном Кавказе, авиаполк сражался в Прибалтике.

Всего полк воспитал девятерых Героев Советского Союза. Из них в сражениях погибли: Григорий Кочергин, Сергей Красноперов, Евгений Романенко, Владимир Тюков, Михаил Корнилов. Вадим Комендант погиб в автомобильной катастрофе в ноябре 1949 года. В Москве умер Владимир Кирсанов, с которым я успел поговорить.

Считаю, что посмертно следовало бы присвоить звание Героя России Сергею Смирнову, Корнею Ефременко, Варваре Ляшенко, Евгению Лауку, Михаилу Назарову. Они достойны высокого звания.

Полковой врач Василий Васько жил в городе Черновцы. К сожалению, тоже скончался. Летчик Михаил Земляков живет в Джамбуле, оружейницы Юлия Пелешенко, Маша Карманова, Полина Тимофеева - в Армавире, Рыбинске, Краснодаре...

Встречаясь с ветеранами полка, не раз убеждался, как дорожат они фронтовым братством, как бережно хранят память о погибших.
Останки Вари Ляшенко, первоначально погребенные в совхозе N 5, перезахоронены в Краснодаре. Жив ее сын Саша, теперь уже - Александр Алексеевич. На могилу Вари Ляшенко я положил гвоздики, когда ездил в Краснодар к матери нашего героя - Агапии Егоровне.
Я отдыхал в санатории города Сочи. Загорал, купался в море, любовался олеандрами, кипарисами, любил пропадать в очаровательном парке "Ривьера". Однажды попустился режимом, лечебными процедурами, сел на поезд и махнул к Сережиной маме, в Краснодар.
Нашел ее дом на лице Яна Полуяна. Она жила в двухкомнатной квартире с младшим сыном Иваном. Агапия Егоровна была уже немощной, правда, передвигалась самостоятельно, не жаловалась, к счастью, на память. Беседа со мной давалась ей трудно. Она задыхалась. "Больно много спрашиваешь", - говорила. Годы, годы, к девятому десятку подкатывались. И боль душевная вскрылась, вынудил ворошить прошлое. "Зачем, мил-человек, старое перелопачивать, - прерывисто повторяла мать, - кому нужно? Никому". Пытался разубедить - напрасно. Все пережито, вторила в ответ, перемолото, совсем иная жизнь наступила, затмившая прежнюю, иные люди, кумиры... Я с Агапией Егоровной не спорил, берег ее силы - подольше, думал, пообщаемся. Она отдыхала через каждые десять-пятнадцать минут.
В вынужденные перерывы общался с ее сыном. С Иваном мы прежде виделись в Чернушке - он приезжал на открытие памятника Сергею. Иван - общительный, остроумный, неутомимый собеседник. Однако он мало что знает о старшем брате. И я снова шел к матери. Ею столько прожито и пережито!
... Аганя, увидев на руках бабки-повитухи мальчика, припухшими, искусанными от боли при родах губами, слабо прошептала: "Сережа". Ей не пришлось ломать голову над именем первенца. Леня,муж, наказывал: "Если, Аганя, сына родишь, назовем Сережей, а если дочь - Валечкой".
Вглядываясь в черты подрастающего ребенка, улыбалась: "Вылитый отец!". Губки - полные, уголки рта - улыбчивые, волосики на головке - что ковыль, белые, шелковистые. Кем он вырастет, какая судьба ожидает мальчика?
Рос Сергей послушным пареньком, во всем любил порядок. В школьных тетрадках, на промокашках рисовал аэропланы. На крыльях - красные звездочки и буквы: СК /Сергей Красноперов значит/. И в кого уродился? Весь род Красноперовых - крестьянский, веки вечные предки землю пахали, сеяли, хлеба убирали. Ходили, как и водится, на заработки в леса, на реки, в город, но про аэропланы не помышляли. Его же, Сергея, единственного из рода, потянуло в безбрежную синь.
Друзей, товарищей у Сережи водилось видимо-невидимо по всей округе - учился он из-за отцовской непоседливости в Устиновской, Есаульской, Ермиевской, Чернушинской школах, куда бы ни пришли - всюду водились приятели, добрые, веселые, нехулиганистые.
Досталось бедовой Агане в жизни, кочевой, малоустроенной полной изнурительного труда. Ладно, крепкой, двужильной была. Не раз оставалась одна с оравой детишек. Ведь и до войны хватало разлук с мужем. Однажды Леонида Никитича отправили на годичные курсы в дальний город. Уезжая, наставлял Сережу: "Помогай матери, за мужика в доме остаешься". Ребята - Вовка, Юрка, Витька, Борька - приуныли: мать нервничает, дважды-два подзатыльник схлопочешь. Отец-то мог и ее, Аганю, успокоить, и их, ребячьи, конфликты уладить. Ни одной оплеухи от бати не получали, ласков и справедлив был. Набедокурят, повздорят - чего не бывает в большой семье - разберется, кто в чем виноват, посоветует провинность делом загладить. С отъездом мужа на учебу атмосфера в "семейном колхозе" не ухудшилась. Сергей во всем помогал, а она, Аганя, отходчива, ни на кого зла не таила. Погорюет, погорюет -шутка ли одной на год с пятью ртами остаться - и затянет песню:
По Муромской дороге
Стояли три сосны,
Прощался, со мной милый
До будущей весны...

Сергей начинал подпевать. Пел красиво - голос от нее передался первенцу. Славный, славный был дуэт.
Лицо Агапии Егоровны светлеет, на губах проскальзывает улыбка.
Старшего сына тянуло к сложной технике: мог отремонтировать телефон, радиоприемник. Притащил, помнит, от знакомых сломаный патефон. Сергей тогда на каникулы из Сарапула приехал. Поковырявшись в патефоне, исправил его, завел и поставил пластинку. Она, Аганя, штопала ребячьи рубашонки. По избе полилось:
Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...
Отложив шитье, распрямилась и застыла на лавке, заслушавшись песней. Попросила прокрутить еще раз. "Как я такую песню раньше не слышала?" - спросила Аганя. "Мама, - ответил Сережа, - эта песня недавно появилась". На всю жизнь она полюбила "Катюшу", которую открыл ей сын.
Запоет, бывало, а перед глазами - Сережа возле патефона. "А может, споем тихонько?" - предложил я Агапии Егоровне. "Нонче отпелась, - мать закашлялась, - впереди..." Договорить не сумела, дала знак: пора передохнуть. Поднес попить теплой водицы. После отдыха она к прерванной мысли не вернулась, а я не стал переспрашивать, что впереди - наверное, "вечное свидание с сыном". Эта фраза, сказанная ею раньше вскользь, запала в душу. Сон такой видела. А сны у них, Красноперовых, сбываются. Вещие они. Свою фронтовую судьбу увидел во сне перед уходом на фронт муж, Леонид Никитич. Сбылся сон, увиденный ею в последний день отпуска Сергея в Михайловке, перед отъездом на фронт. Видела, будто его неуправляемый самолет потянула какая-то чертовская сила в огненный шар, смахивающий на солнце. Так и случилось: сгорел Сереженька в адовом пламени. Она, кажется, никому об этом сне не рассказывала, таила в глубине души, а мне вот выплеснула, растревожась, под настроение.
Она, наша душа, всего чаще и всего полнее чувствует и предвидит неприятности, горе и обиды. Возможное счастье в будущем душа предчувствует гораздо реже. Может, потому, что страх чаще посещает нашу душу, закрадывается незаметно, исподволь. От Сергея она умышленно утаила страшный сон, чтобы не волновался, уверенней летал.
Событие, которое мать предчувствовала во сне, соверши-лось-бы в любом случае, знай или не знай о нем Сергей. Судьба уготовила ему такой финал жизни. Мать лишь распознала судьбу сына путем таинственной работы душевных способностей во время сна. Возможно, и Сергею снилось нечто подобное, но не делился с матерью, верящей снам. Боялся, наверное, что окончательно потеряет покой. Ей так нужны были душевные силы. Они, мать и сын, оберегали друг друга, как могли...
Сережина мама... Она жила в городе, ставшим волею судьбы близким, не чужим. Здесь в годы войны витал дух Сергея. Возвращаясь с боевых вылетов, он отдыхал на одной из его улиц - Тихой, на квартире Шуры Суховеевой. Агапия Егоровна частенько, пока была в силе, приходила под вечерок к Шуре,расспрашивала о Сереже, часами сидела подле дома на лавочке. Знала: бессмысленно ждать сгинувшего на войне солдата, поглядывать на тенистую тропку, однако всякий раз мать поджидала Сергея. Ждала до упора. Не выдержав, поднималась с лавочки и медленно шла как бы навстречу ему до последнего поворота. И ради успокоения ноющей души заходила к Володе, старшему после Сергея, сыну.
Теми тропиночками, исхоженными матерью, я прошел с Иваном. Владимир Леонидович был радешенек моему приходу. Я тоже радовался встрече с ним. Казалось, будто мы давно с ним дружим. Володя уже плохо ходил: донимали болезни бывшего пограничника, милиционера. Он рассказывал, какое влияние на него оказал Сергей, о своих схватках с вооруженными преступниками. Мы погрузились его домашний архив. У меня захватило дыхание. В моих руках оказались фронтовые письма Сергея, вырезки из военных газет с рассказами о его боевых вылетах, Почетная Грамота Героя... Володя гордился тем, что является хранителем ценнейших документов. Ему доставляло большое удовольствие посвящать меня в семейные события далеких и не столь отдаленных лет. Поведал о приезде Сергея в отпуск с фронта в годы войны в

Михайловку. Щедро делился всем, что знал, что имел в архиве. Он забыл о болезнях - настолько увлекся воспоминаниями, просмотром богатейшего архива...
В нашу увлеченную беседу снова вмешалось время. Ох, уж это время! Приходится прощаться. Володя поднялся с кровати, проводил меня до дверей квартиры, обнял. Простились, как родные. Наверное, так оно и есть. За долгие годы изучения семьи Красноперовых я породнился с нею. Знаю о ней столько, что иные братья, как, например, тот же Иван, не смогут со мной потягаться в знании ее домашней хроники, далеких и близких событий.
От Володи отправляемся с Иваном домой, к Агапии Егоровне. Она, видно по всему, заждалась нас.
Три дня урывками общался я с Агапией Егоровной, ровно столько, сколько гостил у нее в Михайловке во время войны Сергей. На себе испытал - как это мало! Не успел с нею наговориться. Мне, собравшемуся в дорогу, Агапия Егоровна подарила на память, как сыну, свою фотокарточку. "Ивану от Огафьи ," - написала она на ее обратной стороне.
И снова - санаторий, режим, лечебные процедуры. Продолжаю загорать, купаться в море. Лежа то на крупных гальках, то на песочке, нет-нет да вспомню с благодарностью Сергея, отвоевавшего с боевыми однополчанами у захватчиков и море, и пляж, и всю эту счастливую курортную жизнь.
Агапия Егоровна жила еще два-три года после нашей встречи. Она умерла на 91-м году жизни 22 июля 1990 года, накануне дня рождения Сергея. Ему тогда исполнилось бы 67 лет. Печальную весть о смерти матери мне принес Юрий Леонидович.
Семидесятилетие со дня рождения Сергея Красноперова мы отметили в Чернушке 23 июля 1993 года. С Юрием Леонидовичем, его сыном Леней, Федором Деревянных, Евдокией Белоглазовой, Равилем Габделхаковым пришли к памятнику - бюсту Сергея. Возложив цветы, собрались на квартире Юрия Красноперова. То был хороший, добрый вечерок. С портрета, висевшего на стене, на нас смотрел с чуть заметной улыбкой сам виновник торжества - Сергей Красноперов.
- За тебя, Сергей, за твой день рождения! - сказал Юрий, посмотрев на портрет.
Мы подняли бокалы, выпили.
Федор Ульянович и Евдокия Ивановна принялись вспоминать детские и школьные годы, проведенные с Сергеем.
Федор Ульянович всю жизнь учительствовал, был директором школы, той самой, где учился с Сергеем. Ему, Федору Ульяновичу, тоже довелось быть, как и Сергею, в залах Кремля, но не по случаю получения награды, а на приеме, устроенном членами правительства с делегатами первого съезда учителей, в работе которого он принимал участие. Впрочем, и наградами Федор Ульянович не обделен. Ему присвоено звание "Отличник народного образования", вручен орден "Знак Почета", есть медали. Сейчас Федор Ульянович - на заслуженном отдыхе, живет по-прежнему в Чернушке.
Этим же "экипажем" отметили и 50-летие со дня гибели Сергея Красноперова - 24 июня 1994 года.
Время, время... Прямо на глазах мелькают годы. Кажется, совсем недавно ездили в Белоруссию на место гибели самолета Сергея Красноперова, а пролетело уже более десяти лет. Столько времени я отдал работе над этой повестью. Ребята, ездившие со мной в Белоруссию, выросли, окончили институты, техникумы, училища. Они работают, обзавелись семьями, воспитывают детей. Все нашли свое место в жизни. Уверен: они не собьются с пути, пока будут видеть свет погасшей Звезды Сергея Красноперова.
Едва ли в эпилоге можно рассказать о судьбах тех, кто упомянут в повести, кто помогал в работе над нею.
С Юрием Красноперовым мы встречаемся часто, живем ведь по соседству. Ходим с ним по грибы и ягоды. Однажды отправились в михайловские угодья. Сначала заглянули в Покровку - на родину Сергея. Деревушка, стоящая на взгорье, окружена лесами. Местность гористая, пересечена оврагами. Старожилы деревни помнят Сергея. Одна из женщин рассказала, как в Чернушке встретилась с ним, красивым, веселым. Он катался на велосипеде,

и ее покатал. Пунцовая от смущения и радости, пригласила его заглянуть в Покровку.
От Покровки до Михаиловки недалеко. В одном месте Юрий попросил остановить машину, вышел на дорогу и, раскинув руки, сказал: "Здесь и стояла Михаиловка". Вокруг не было ни домишка, ни кола. Он показывал, где стоял их дом, в который приезжал с фронта Сергей, где находились избы Васи-малого, Груни Зотовой, дедушки Никиты, Кустовых... Там были конный двор, кузница, здесь - правление колхоза... Тяжелое это занятие - показывать деревню, которой нет на земле. Но она живет в глубокой памяти людей, и они раз в году, обычно летом, приходят, приезжают сюда, словно на поминки ее. Вспоминают минувшее, земляков, разбросанных по свету, погибших в воину, ушедших в иной мир. Воина-то в конце концов доконала деревню, да и правители - сельские экспериментаторы подмогли ей исчезнуть с лица земли...
Мы бродили с Юрием по михайловским полям, лугам, перелескам. Ягод не нашли, а грибов набрали вдоволь. Юрий Леонидович вспомнил, как он с Сергеем ходил в лес. Однажды на них из-за кустов неожиданно выскочил заяц. Он, Юрка, опешил, но на мгновенье: пора зверью давать отпор, сила теперь на его стороне. Сергей, поняв его намерение, шепнул: "Тихо, я сам". Старший брат бросился на косого, как вратарь на мяч. Однако заяц оказался ловчее и проворнее, сиганул за кусты - только его и видели.
До выхода на пенсию Юрий Леонидович работал слесарем у нефтяников, был рационализатором.
С женой Сергея, Любовью Григорьевной, мне не суждено было встретиться. Любины признания /"Не смогу жить без тебя, Сережа"./ оказались не просто словами. Потеряв любимого, она, заболела и угасла, как свеча, вскоре после воины. Тогда я еше не учился в школе. Через десятилетия, будучи в Сарапуле, отыскал Любины записки о Сергее Красноперове, установил ее девичью фамилию, дату регистрации их брака. Любины записки пролили свет на ряд важных эпизодов из жизни героя.

В Сарапуле ходил Сережкиными стежками-дорожками: от общежития до техникума ... площадь Красная ... пристань ... Облазил весь город с именем Сергея, словно он шел со мной рядом.. А следы? Они же невидимые. Я прошелся по городу и - ни следочка, будто не был в нем. Вот почему давнее присутствие любого человека с его сиюминутным нахождением в каком-либо месте рассматриваю через призму невидимых следов, не подвластным времени, а потому не исчезающих никогда и никуда.
Я и на поезд торопился как бы вместе с Сергеем по его тропинке. Спешил, точно на каникулы, к маме. Добежал вовремя, заскочил на подножку вагона.
- До Чернушки! - бросил проводнику, опасаясь противодействия.
... Сергей Красноперов, уезжая из Чернушки после отпуска на фронт, вступил на подножку вагона и получил удар в грудь. Его ударила сапогом проводница: "Куда лезешь!". Такого удара сверху летчик-герой не ожидал. Но он удержался, оттеснил неразумную бабу, устроился в вагоне, снял шинель. Проводница, увидев блеск орденов и Звезды, рухнула перед ним на колени. Он-то ее простил. Однако свидетелем хамского отношения проводницы к воину был начальник Чернуишнской железнодорожной станции Миронов. Он сообщил на ближайшую станцию по ходу поезда о случившемся, и проводницу ссадили с поезда, уволили с работы.
Хамья и раньше хватало. Его и сейчас не уменьшилось. Огульное охаивание защитников Отечества - тоже хамство, это тоже запрещенный, подлый удар в их грудь, сияющую российскими орденами и медалями, завоеванными кровью.
Вернувшись из Сарапула в Чернушку, я узнал печальное известие: умер Володя Красноперов. Героев моей повести прибирает смерть. Очень больно. Умерла Маруся Устюгова, работавшая бригадиром и председателем колхоза "Ударник" в Михайловке и коротавшая век в Чернушке. Давно нет Натальи Максимовны Белоглазовой и ее дочери Марии, которые вместе с Агапией Егоровной провожали Сергея на фронт и были свидетелями того постыдного поступка проводницы вагона.

Редеют ряды ветеранов 502-го Таманского штурмового авиаполка, находящегося, как они считают, в запасе. Постепенно, словно в бою, теряют друзей. Скончался полковой поэт Николай Баженов, не выдержало перегрузок сердце Александра Прохорова, бывшего воздушного стрелка Сергея Красноперова. Однако полк будет существовать до тех пор, пока не оборвется жизнь последнего таманца.

Побывав недавно в Сочи, я узнал от Леонида Смирнова новость: имя Сергея Красноперова занесено в списки почетных ветеранов 502-го авиаполка. Копию удостоверения и
памятный знак ветерана полка, выданных на имя Сергея Леонидовича, я передал Чернушинскому краеведческому музею.

Подошло к концу повествование о Сергее Красноперове. Были в его жизни годы борьбы с врагом, считанные огненные секунды, десятилетия молчания, и вот - бессмертие.

1984-1994 гг.

* * *

Агапия Егоровна Красноперова - мать героя.

Герой Советского Союза Сергей Красноперов.

Командир первой эскадрильи 502-го авиаполка Корней Ефременко

Командир полка Сергей Смирнов и комиссар Василий Ширанов в годы войны.

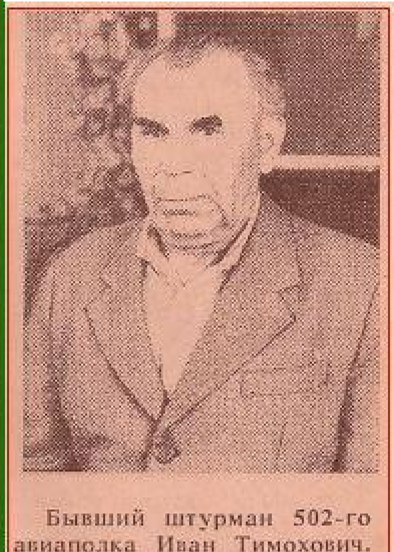
Комсорг 502-го авиаполка Александр Прохоров в годы войны.

Воздушный стрелок 502-го авиаполка Григорий Дмитриенко, летавший на штурмовку с С.Красноперовым.

Летчик 502-го авиаполка, Герой Советского Союза Борис Золотухин.

Бывший штурман 502-го авиаполка Иван Тимохович. Живет в Краснодаре.

В центре - бывший командир 502-го авиаполка Сергей Смирнов, слева его брат Леонид /сын полка/, справа - Александр Прохоров.

СОДЕРЖАНИЕ

Гурин И. "Свет погасшей звезды".
Документально-художественная повесть о герое-летчике Сергее Красноперове.
Рецензенты: бывший комиссар 502-го штурмового авиаполка 214-й авиадивизии 4-й воздушной армии В.Ширанов, инструктор парашютно-десантной службы Л.Смирнов
ГУРИН Иван Петрович
СВЕТ ПОГАСШЕЙ ЗВЕЗДЫ

Редактор В.Артюшина Художник Г.Демченко
Бардымское газетно-книжное издательство Пермской области. Лицензия № 009.
Компьютерная группа: З.Миропольская, Г.Уразова, Г.Глазунова. Сдано в набор 20.02.1995г. Подписано в печать 27.04.1995г. Формат бумаги 70х108 1/16. Гарнитура "Таймс". Офсетная печать. Усл.-печ.л. 9.38. Заказ № 157. Тираж 5000 экз. Бардымская типография Пермской области.
Адрес издательства и типографии: 618150, Пермская область, с.Барда, ул.Куйбышева, 26.
Перепечатана 13.02.2014 Microsoft Word 2010

